СИБИРЬ

1'94

Журнал писателей Восточной Сибири

В этом номере:

•

Александр Селянинов

Тайная сила масонства

•

Николай Кузаков

Медвежий праздник

•

Летопись построения в Иркутске нового кафедрального собора

•

Христианское учение о злых духах

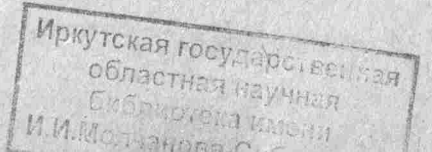
Спасская церковь. Иркутск

СИБИРЬ

1-94

Журнал писателей
Восточной Сибири
Учредитель:
Союз писателей России
Выходит 6 раз в год *Основан в 1930 году*

Содержание

рь» 1994

Микола Руденко

ФОРМУЛА ЖИЗНИ

У ПАМЯТНИКА СВЯТОМУ ВЛАДИМИРУ. Небо, земля и люди, пласты тайны под ногами, пропитанные человеческой кровью. Были пожары, были войны - все было на нашей земле. Недавно ученые отыскали человеческие кости, которым четыре миллиона лет. Человеческие - не обезъяньи! И всегда люди жили с одним и тем же вопросом: почему мы убиваем друг друга? Неужели нельзя жить по - иному?...

Археолог пересыпает из руки в руку горсть золотых монет. Смотрит не на них - взгляд его устремлен в пространство, в мировую бесконечность. Человек почему-то стремился придать монетам форму Великого Светила, вокруг которого вращается земной шар. Почему? Нет ли в этом неосознанном движении человеческой души ответа на мучительный вопрос, который мы впервые задаем еще в детстве, но так и уходим в могилу, ничего не узнав и не объяснив?

Люди убивают друг друга за деньги. Совесть наша возмущается: доколе? И все же они, деньги, не только не отмирают, а наоборот - приобретают все большую власть над нами.

В течение многих тысячелетий философы и пророки пытались понять и объяснить Бога. Двести лет тому назад человеческий ум устремился по иному пути: что такое деньги? И хотя вначале не утверждал, что это один и тот же вопрос, однако для многих людей политэкономия заменила религию. Впрочем, скоро будет сказано: или то, или другое.

Горький назвал доллар Желтым дьяволом. Но доллар от этого не пошатнулся - остался тем, чем был. Что же он такое - бог или дьявол? И можно ли всерьез обсуждать подобные вопросы? Бог - вокруг нас и в самих нас. Он есть сущность мира, сущность человека, сущность жизни. Дьявол исподтишка лишает нас этой высшей сущности: наслаждайтесь жизнью, не задавая глупых вопросов. Вы - сами для себя, иного смысла нет. Пейте, пойте, веселитесь. Затем появится холмик над головой - вот и все...

А что делать, если эти проклятые вопросы преследуют тебя из года в год, не оставляя минуты для отдыха?

Тогда ты - неполноценный человек. Или больной - надо лечиться. На все уже дан ответ. Нечего "сушить" мозги - К.Маркс все объяснил. Читай "Капитал".

Спрашиваю: а вы его читали? Вы его изучили? Вы его освоили?...

Смотрят с удивлением: откуда такой взялся? Существует институт марксизма-ленинизма, там его изучают. Им за это деньги платят.

Снова деньги! Да что же это такое? Почему их платят? Почему им служат? Тот же ответ: читай "Капитал", там все сказано.

Круг замыкается. Даже не круг познания - всего только круг недоуменных вопросов, которые могли бы как-то расшевелить человеческую мысль. Но она уснула, усопла.

"Капитал" вытеснил Библию, которая отвечала на вопрос: что есть Бог? Маркс всю жизнь посвятил одному вопросу: что есть деньги? Отсюда должно следовать: отвечая на один из этих вопросов, ты тем самым отвечаешь на второй. Так впервые во всеуслышанье было заявлено то, что раньше только подразумевалось: миром управляют деньги.

Ну, а как же Бог?...

Кто-то возразит: сама постановка вопроса выглядит нелепо - Бог и деньги! Но я в этом не уверен. Тайна денег - очень большая тайна. И вполне возможно, что эти великие тайны где-то сливаются воедино. Речь

идет не о подмене одного другим, а об одной и той же сущности. Мы не слишком пытливы, ибо знаем: за чрезмерную пытливость надо расплачиваться жизнью.

Должен оговориться: для меня Бог есть Природа, материя. Это не баловство словами, а философская позиция, именуемая гилозоизмом. Или пантеизмом, что в общем одно и то же.

Читатель дальше найдет, в чем именно я не согласен с Марксом. Но раньше прошу обратить внимание вот на что: спор о природе денег - это всегда спор почти теологический. Возможно даже не "почти",а всерьез. Не только так он выглядел в прошлом - так он выглядит и сегодня. По крайней мере по своим последствиям: меня отлучили, как отлучали всегда тех, кто по - иному понимал сущность Бога. Да, меня исключили из партии за вопросы, на которые трудно ответить. Не лезь больше со своими глупыми "почему" - надоел!...

Вот вам еще одно доказательство, что "Библия" и "Капитал" решают одни и те же вопросы. Полмира живет по Библии, полмира - по "Капиталу". Чей путь ближе к истине?

Эйнштейну Библия не мешала создавать теорию относительности. Марксу она мешала. Почему?...

Политэкономия желала быть наукой. Но одно дело желать, а другое - мочь. То, что основано на вере - не есть истинная наука. Меня бы не исключили из партии, если бы я сказал: "не понимаю Эйнштейна". Но я так сказал о Марксе - и меня исключили. Если не понимаешь - верь! Другие понимают. Но понимают ли другие?...

...А золотая монета все же в чем-то напоминает Солнце. Формой, цветом. Знал ли тот, первый, кто придал ей такую форму, высшую тайну денег?...

...Еще одна бессонная ночь. А сколько их уже было! И, по - видимому, не меньше впереди.

Живу за городом. Трудно мне добираться в Киев - автобусы так переполнены, что всю дорогу приходится висеть среди человеческих тел, которые поджимают тебя головой к потолку. После такой поездки весь я скован болью.

Давно это было - в первый год войны. Разрывной пулей раздроблен таз, поврежден позвоночник. Впрочем, человек ко всему привыкает. Привык и я. Надо часок-другой посидеть на скамейке - и боль отступит. Тогда я бодрым шагом взойду по каменным ступеням туда, где нынче все должно кончиться. Не хочу выглядеть больным - не такой сегодня день...

Целый год продолжалось изгнание меня из партии.

Медленно вертелись тяжелые жернова, в которых перемалывалась моя жизнь. Сегодня в одиннадцать утра бюро Киевского горкома КПУ должно рассмотреть мою апелляцию. И хотя это весьма странно, однако во мне еще теплится робкая надежда: вдруг все изменится? Тридцать пять лет отдано Коммунистической партии. Целая жизнь! Коммунистом я и умру. Однако мое представление о коммунизме стало иным.

Писал об этом в ЦК - писал много и страстно. Верил, что этого требует от меня устав партии. Мы люди только потому, что нам дан язык. Но разве он дан затем, чтобы скрывать мысли?

Да, эти письма - они упали на меня сверху, точно снег на голову. Мои собственные письма. А ведь я их больше никуда не посылал - только в ЦК! Все они подшиты к моему персональному делу - это и есть главное обвинение против меня.

Двери издательств закрылись задолго до того, как началось мое персональное дело. Закрылись повсюду: в Киеве, в Москве и даже в Болгарии, где готовился к печати мой роман.

Вначале я не понимал, что собственно произошло. Ведь я ничего предосудительного не совершил. Разве письма в ЦК можно выдвигать в качестве обвинения?

Три года без заработка - легко ли это? Нет его и впереди. Нет потому, что я не могу отречься от своих убеждений.

Горком партии находится в сером здании, которое было построено в тридцатые годы для украинского правительства. Кто его строил, Постышев или Косиор? Впрочем это не имеет значения. По замыслу зодчих это

здание должно было воплощать в себе силу и нерушимость Советской власти. Однако рядом с легким, почти невесомым Андреевским собором (его строил Растрелли) вырос огромный дот с железобетонными знаменами. Массивное сооружение это не воплощало в себе ничего, кроме вопиющей бюрократической безвкусицы. Оно подмяло под себя Владимирскую горку, где тысячу лет назад стояли княжеские дворцы. Есть что-то зловещее в этой немыслимой тяжести - кажется, сама земля пытается ее сбросить, но у нее не хватает сил.

Это хорошо, что я приехал сюда на два часа раньше. Так я всегда поступал, чтобы отдохнуть от автобусной давки и справиться с болью, ставшей повседневной спутницей моей жизни.

Удалившись от постышевского дота, замедляю шаг у памятника Святому Владимиру. Это здесь получил крещение наш народ, отсюда по русской земле пошло христианство.

Все это фиксируется в моем мозгу - и огромный дот, и воистину величественный памятник, в котором так много доброты, святой человечности. Медь, железо, бетон воплощают в себе духовный облик времени - это неизбежно. Невольно задумываешься: где больше правды - в христианском тысячелетии или в нашем полувеке?...

Да, с подобными мыслями нечего делать на бюро горкома. А ведь мне не всегда было неприятным то здание, где через два часа окончательно и бесповоротно решится моя судьба. Четверть века назад я входил в него как хозяин. Я был тогда членом Киевского горкома партии, секретарем парторганизации Союза писателей Украины, главным редактором литературно-художественного журнала "Днипро"...

Боль в позвоночнике еще не прошла. Чтобы ее унять, надо сосредоточить мысли на чем-то другом. Невольно засмотрелся на пожилого мужчину, сидевшего на соседней скамейке. Он был старше меня лет на десять. Пенсионер, конечно. Кажется я мог бы подробно описать всю его жизнь. Разрушая церкви, строил заводы, воевал, потом восстанавливал Крещатик. Но вот чего я не знаю, о чем он сейчас думает? Взгляд у него какой-то странный - будто старик, глядя на Святого Владимира, пытается что-то вспомнить. Что-то такое, о чем ему говорили в детстве, но это давно забылось. Теперь давно забытое вновь затеплилось в его душе, точно уголек под холодным пеплом, когда на него подует ветер.

- Скажите, как вы понимаете крест? - поймав на себе мой взгляд, спросил незнакомец. - Ведь должен существовать в этом знаке какой-то смысл. Я, знаете ли, не могу представить, чтобы люди несли из века в век нечто совершенно бессмысленное.

Волосы у него седые с желтым отливом, словно усы у заядлого курильщика. Одет мешковато, но рубашка белая, чистая.

- Есть смысл, - ответил я, подняв глаза на фигуру князя Владимира.

- Какой?...

Как объяснить этому человеку, что вот уже свыше десяти лет я пишу в ЦК именно о том, о чем он спрашивает? Отвечаю моему собеседнику: это есть величайшая из всех формул - формула Солнца. И даже больше - формула Субстанции. Во всех религиях мира субстанция именуется Богом. Для меня слово Бог не является обязательным, однако оно меня и не пугает - субстанция есть объективная реальность, пребывающая за пределами наших ощущений. Именно поэтому она существует независимо от них. Материя, конечно, невидимая Природа. Лучевая ткань Мировой бесконечности. Субъект Творящий, из которого все возникает и куда возвращается после распада. Все без исключения - звезда, планета, человеческое тело...

Мой собеседник оказался более подготовленным для философского разговора, нежели я мог предположить.

- Но ведь это метафизический материализм, возразил он.

- Мы запутались в терминологической паутине, - сказал я с грустью. - И в этом наша трагедия.

Начал ему объяснять: метафизика в историческом смысле - то же самое, что онтология. Слова-синонимы. Ленин никогда не выступал против онтологии как науки о бытии. Энгельс, конечно, выступал потив метафизики. Однако, мне думается, что он выступал против тех ее форм,

которые принимали мир застывшим, неизменным. Вот почему нужен был диалектический материализм. Но отнюдь не ради свержения онтологии. Ее свергнуть также нельзя, как и субстанцию.

- Мудрено, - вздохнул мой собеседник. - Разумом все равно этого понять нельзя. Можно только верить.

- Вы - член партии? - спросил я.

Старик смутился.

- Да. Ну и что же?...

- Для коммуниста мало одной веры - необходимо знание.

- А вы разве знаете?

Я промолчал. В самом деле: знаю ли я? Чтобы ответить на этот вопрос, надо как-то себя проверять. Знания проверяются в спорах, дискуссиях. Но со мной никто не спорил. И даже никто не желал побеседовать. Просто ответили: тебе не место в партии. Как я ни доказывал затем, что в моих взглядах нет ничего враждебного, меня никто не слушал. Да именно в этом меня и обвиняли: ты метафизик, но не марксист. Обвиняли на основании писем, которые я посылал в ЦК. И каждый из обвинявших втайне думал: "какой ты дурак! Знай себе то, что знаешь. Но зачем об этом куда-то писать? Да еще в ЦК. Вот и доигрался".

Собственно, не только думали, но и говорили. Предостерегали, что добром это не кончится. Однако я не мог не писать - это выше меня. И выше всех нас. Одно слово - Бог. Он же природа. То, о чем говорили Пифагор, Бруно, Спиноза, Сковорода: Бог есть природа, природа есть Бог...

- Если природа, то уже не Бог, - заметил собеседник, которому я сообщил извечную формулу пантеистов.

- Но она Субъект. Понимаете?...

- Вот именно! Мировая философия имеет два крыла. В ней существует субъект гносеологический - то есть субъект познания. Это - я, вы, другие люди. Словом, человек. Но существует также Субъект Творящий. Если мы отвергаем онтологию, то вместе с ней отвергаем и субстанцию. А ведь не мы сотворили Вселенную - она сотворила нас.

Это, конечно, не ново. Так всегда и приходили к Богу. В самом деле: если Вселенная не является Субъектом Творящим, тогда следует искать такого Субъекта, который сотворил Вселенную, и самих нас. Существование такого Субъекта и опровергал марксизм. Но разве это дает нам право отрицать тот неоспоримый факт, что сама природа является Субъектом? Разве она не мать наша? Разве мы вышли не из ее чрева? Тогда кто мы и откуда? Вот почему гносеология без онтологии - это наука не помнящих своего происхождения.

Мой собеседник не сказал того, что нередко мне приходилось слышать: "Зачем это вам нужно?!" И я был ему за это благодарен. Мы оба,не сговариваясь,посмотрели в лицо Святого Владимира - посмотрели снизу, как малые дети смотрят на отца. Казалось, он говорил нам: "Думайте, думайте! Не торопитесь с выводами. Вы так много совершили ошибок, что больше не имеете на них права".

Каждый из нас думал о своем. Перед моим духовным взором проходила вся моя жизнь. Нечто подобное я испытал только тогда, когда лежал на бруствере, истекая кровью. Это было на подступах к Сталинграду, который вот-вот должен оказаться в железных тисках блокады.

...Теплая каменистая земля под ногами. Терпкий запах полыни - так пахнет мое детство. Вода, молоко - во всем привкус полыни. Я бегу за село встречать отца. Мне шесть лет. Отец работает на шахте. С работы он обязательно заходит в лавку, чтобы купить колбасы и медовых пряников для меня.

Вот он появляется на холме, я бегу ему навстречу. Он подхватывает меня и поднимает над головой. Моим глазам открываются необъятные степные дали с дымящимися терриконами, паутиной канатных дорог, бегущими "кукушками" - так назывались небольшие паровозы, вывозившие уголь из-под шахтных копров.

Чувство мужской силы, чувство неба над головой, чувство мирового пространства, к которому приобщают меня могучие руки отца - вот, что осталось мне в наследство. Да еще отцовский обушок, висевший под

потолком. Да медная шахтерская лампа. Да шахта, которая любила отца и гордилась его подвигом.

Могучие руки обожжены до костей. Обожжено все тело - нет живого места на нем. Вместо кожи - мокрая простыня. На шахте случился пожар, отец бросился спасать товарищей. Их спас, а сам сгорел. Двадцать дней прожил он в страшных муках. Мать не подпускала меня к нему - он не разрешал...

...Жестоко жил старый Донбасс. Шахта на шахту ходили с топорами. Мы, дети, обучались этой бессмысленной жестокости у взрослых. Лежу, побитый до полусмерти. Били камнями. И завалили камнями - думали, мертвый. Самому старшему из моих палачей не больше семи лет. И мне столько же. Но я все же очнулся и вылез из-под камней. То ли ночь вокруг, то ли ослеп. Начал кричать. Кто-то услышал и потащил меня, окровавленного, к матери. Левый глаз навсегда остался бездействующим. Он невредим, но перебит зрительный нерв...

...Меня принимают в кандидаты партии. Принимают люди, которых спас мой отец. Я кончаю десятилетку - первый грамотный в нашей семье! Отец, мать, старшие братья - никто из нас не умел даже расписываться. Шахта выдает мне путевку в жизнь: поедешь в университет коммунистом. И вот я студент Киевского университета. Но это был 1939 год, все мои сверстники уходили в армию. В моей группе остаются только девушки. Стыдно, ты же коммунмист. Уезжаю на Донбасс, ухитряюсь обмануть врачебную комиссию - я ведь полуслепой - и попадаю в дивизию НКВД им.Дзержинского. Дивизия Особого Назначения, предназначенная для охраны Правительства. Кремль, Мавзолей, дача Сталина и шоссе, по которому он ездит на дачу. Конные патрули по лесам. Военные парады, после которых мы, голубые конники Берии, поэскадронно прячемся в ближайших дворах. Подсумки набиты боевыми патронами. Зачем, почему? Мирные люди несут десятки тысяч портретов человека с усами, а усатый оригинал машет рукой своим неисчислимым копиям. Зачем боевые патроны?... ...Грянула война. Нас, конечно, туда не пошлют, у нас - особое назначение. Рапорт за рапортом подаю комисару - хочу на фронт. Попадаю на гауптвахту за свои сочинения. А выйдя оттуда, снова пишу. Наконец, мою просьбу удовлетворяют: откомандирован на курсы политработников в г.Ново-Петергоф. К тому времени я уже был членом партии.

...Врачи очищают рану. Наркоз кончился, но я не подаю вида, терплю. Слышу их разговор. Они предрекают для меня мрачное будущее: постель, вечная постель!... Кошмары ленинградской блокады. Год постели. Однако... Врачи ошиблись. Я не только начал ходить, но и вернулся на фронт. Не в окопы, конечно. Работал инструктором пропаганды госпиталя, замполитом военного склада. А в 1946 году демобилизован по инвалидности. Жизнь моя сложилась так, что темные стороны нашей действительности только слегка прикоснулись ко мне. Аресты на донецких шахтах в моем сознании не соединялись в общую картину - я не знал, что это была "вербовка" опытных забойщиков и проходчиков для Воркуты. От "гнилой интеллигенции" проку мало - в Гулаге также следует укреплять диктатуру пролетариата. Голод 1933 года гнал людей на Донбасс - шахтеры получали "подземный" паек. Я слышал о голоде, но не представлял всех его ужасов. У нас тоже было голодно, но люди не умирали. Поэтому таким ударом обрушился на меня 1956 год, когда из доклада Хрущева я узнал о преступлениях Сталина. Я и себя почувствовал виноватым в этих преступлениях. На мне также красовалась когда-то голубая фуражка. Я гордился тем, что охранял Вождя... Перевернулась моя душа, прежним я уже быть не мог. Начались мучительные поиски: где корни ошибок, породившие сталинщину? Что-то не так с самой теорией. И если эту ошибку не отыскать, она останется в фундаменте нашего общества как мина замедленного действия. А ведь у нас есть дети. Разве не за них мы истекали кровью в окопах?... Старик прервал мои мысли неожиданным вопросом:

- Скажите, вы во всем доверяете Марксу?

- Как человеку, любящему людей, безусловно,-ответил сдержанно.-Его жизнь я считаю подвигом.

- А как ученому?...

Вопрос очень серьезный. На него ответить чрезвычайно трудно. Существует ли вообще такая наука - Марксизм? А если существует, то в какой части марксизм следует считать наукой в подлинном смысле этого слова? Конечно, фундаментом Марксизма является политическая экономия. Но почему же случилось так, что югославы идут своим путем, мы - своим? Китайцы признают только свой и албанский марксизм, всех остальных именуют ревизионистами. И что это такое - ревизионизм? Маркс говорил: "Все подвергай сомнению". Следовательно, если мы подвергаем сомнению самого Маркса, то это также можно считать марксизмом - в данном случае мы выполняем его самый сокровенный завет.

И тогда всякий ревизионизм исчезает - мы остаемся марксистами. Словом, марксизмов может быть столько, сколько найдется толкователей. А ведь с подлинной наукой ничего подобного происходить не может. На всех языках, во всех странах Ньютон, Энштейн, Менделеев понимаются одинаково. Их выводы легко проверить на опыте. И тогда это есть наука.

- Вы изучили Маркса? - спросил я.

- Разве его можно изучить? Это ведь целый океан. Но в коммунизм я верю.

- И я верю. Лет через пятьдесят люди будут строить города в Космосе. Можно ли представить частную собственность там, в небесах?...

- Да, это глупо. Вдруг я почувствовал, что этот человек гораздо ближе мне по духу, нежели можно ожидать от случайного собеседника. Я рассказал ему, за что меня подвергают гонениям. Я верю, что наука, объясняющая законы общественного развития, в принципе возможна, поэтому с уважением отношусь к Марксу. Он первый пытался применить научные методы к той сфере, которая вообще не подлежала научному объяснению - к движению народов, к войнам и революциям. Однако, он совершил большую ошибку - и теперь мы за нее расплачиваемся.

- И что же? Вы ее нашли? В тоне старика чувствовалось недоверие и сочувствие одновременно. По-видимому, он сам долго ломал голову над этими проблемами, поэтому ему хорошо известно, сколько мучительных месяцев и даже лет мне пришлось пережить.

- Думаю, что нашел, - сказал я.

- С этого у меня все и началось. Кратко рассказал, как едва не очутился в сумасшедшем доме. Спасла профессия, поэтам и фантастам не возбраняется фантазировать. Но когда я об этом начал писать настойчивее и тверже, дело приняло серьезный оборот. Впрочем, не стоит жаловаться. В прошлые времена со мной поступили бы также, как Сталин поступил с Н.А.Вознесенским, который по его приказу был расстрелян в 1950 году. Расстреляв Вознесенского, Сталин тут же стал писать "Экономические проблемы социализма". Можно ли считать простым совпадением? Конечно, здесь должна существовать какая-то связь. Известно, что Вознесенский работал над теми же проблемами.

- Я слышал, - сказал старик, - что Вознесенский совершил какое-то открытие в области политической экономии. А Сталин его присвоил.

- Вряд ли, - с горькой улыбкой возразил я.

- Думаю, что это было не так. Почему, по-вашему, Энгельс не опубликовал четвертый том "Капитала"? У него было достаточно времени для его обработки, целых две-надцать лет.

- Почему?...

- Мне кажется, все дело в последней странице. Вы обращали на нее внимание?

- Нет, не обращал.

- К сожалению, никто не обращает. А Вознесенский, по-видимому, обратил. И показал Сталину. Так я думаю. Четвертый том тогда только готовился к печати. То, что было издано Каутским... Там много отсебятины. Научное издание четвертого тома началось после смерти Сталина. По архивам Маркса, полученным в Германии. Естественно предположить, что Вознесенский познакомился с ним еще до выхода из печати. Вопросами политэкономии в Политбюро занимались два человека - он и Сталин. И самое главное: сталинские "Проблемы" - прямая противоположность тому, о чем сказано на последней странице "Капитала". Сталин словно бы

испугался, что после его смерти победит именно этот неожиданный Маркс. Поэтому он и начал закреплять то, что взял от прежнего Маркса.

- Вы так говорите, словно у Вас есть доказательства.

- Доказательств нет, кроме последней страницы "Капитала". Но обратите внимание, как все эти историческике события совпадают по времени: подготовка к печати четвертого тома, расстрел самого выдающегося экономиста и, наконец, сталинский вариант политэкономии социализма. Если это всего лишь совпадение, то не много ли их нагромоздилось за какие-то два-три года? Поймите: Сталин не мог не сознавать,что в "Экономических проблемах социализма" он оставляет завещание. Не мог он также не бороться за то, что вылепил собственными руками. А последняя страница "Капитала" все разрушает.

- Да, но Энгельс...

- Энгельс и раньше не соглашался с Марксом по поводу физиократов. А Маркс все больше и больше склонялся к ним. И вот оказалось: Маркс утвердил свою главную мысль посмертно. Сделал ее заключающей, подводящей итог всей его жизни. Нужно думать, что это явилось большой неожиданностью для Энгельса.

- Простите, но я покамест не совсем понимаю, о чем идет речь, - неторопливо доставая сигарету, произнес старик.

- Сталин тогда уничтожил не только Вознесенского, а всех, кто его близко знал. Что же это за страница?

- Она все меняет, все...

- Я посмотрел на часы. До бюро оставалось полчаса.

- Но об этом нельзя говорить мимоходом. Это чрезвычайно серьезно.

- Еще бы! - Согласился старик. Если за нее такая борьба... Приду домой и сразу же ее разыщу. Говорите, последняя?

- Да, после нее идут только приложения. Старик затоптал брошенную сигарету. Его лицо стало суровым, словно он принял решение, от которого зависит вся его дальнейшая жизнь.

- Если вдуматься, то что же тут удивительного? Маркс - не Бог, а только человек. А человек с человеком всегда имеет право не согласиться. И если Маркс понял, что ошибался... Он обязан был как-то заявить об этом. Я поднял синюю папку, лежавшую на скамейке. Это еще один вариант моих объяснений того, что неизбежно вытекает из последней страницы "Капитала". Десять лет я об этом пишу в ЦК - десять лет. Но зачем я тащу эту папку в Горком? В различных партийных инстанциях - от писательского парткома до ЦК КПСС - за десять долгих лет накопилось немало посланных мною папок. Не под каждой из них я сегодня мог бы поставить свою подпись. Дело это чрезвычайно трудное, осваивалось оно медленно. Со временем проблема становилась все яснее - и я снова туда писал. Варианты, варианты. И со стороны онтологии, и со стороны гносеологии, а результат один: бюрократический дот ощетинился тысячами чернильных автоматов, нет на мне живого места - я весь замаран. Черный человек, черный, черный...

- Слушайте, дорогой, - обращаюсь я к собеседнику. Возьмите эту папку. Там сказано и о кресте, и о субстанции. Хотите? - Старик грустно улыбнулся.

- Самиздат?... Ладно уж, давайте. По своей земле ходим, не по чужой. Она повсюду кровушкой нашей полита. Кого мы должны бояться? - на секунду задумался. Разве крест имеет отношение к последней странице "Капитала"?

- Самое непосредственное.

- Где же Вас искать?

- В конце рукописи есть адрес. Вернете по почте. Или приезжайте. У нас грибов много. Старик тут же развязал папку, одел очки и прочел название моей работы: "Энергия прогресса". Что-то хотел спросить, но передумал. Пожав ему руку, я направился на бюро Киевского горкома партии. Чувствовал себя довольно бодро. Боли прошли, появилась твердость в ногах - я уже не горбился. Не покидало чувство, что Святой Владимир с отеческой грустью смотрит мне вослед, благословляя меня поднятым крестом.

ЭНЕРГИЯ ПРОГРЕССА. Нет, это будет не совсем то, что осталось у старика. Здесь я изложу только главные мысли. Меня не покидает надежда, что когда-то представится возможность изложить все гораздо шире и полнее. И покамест, по необходимости, приходится излагать конспективно. Вряд ли в подобном разговоре можно обойтись без цитат, однако, я постараюсь, чтобы их было как можно меньше. Думал ли ты, читатель, о том, что такое деньги? От нашего ответа на этот вопрос зависит так много, что можно смело сказать: из него, из ответа нашего, берут свое начало все жизненные пути - и личные, и общечеловеческие. Нужно ли делать революции, как и когда их делать или вообще они противопоказаны земным людям - все зависит от того, как мы ответили на главный вопрос, что такое деньги? Этим вопросом всегда занималась политическая экономия. Несмотря на некоторую неопределенность этой науки, без нее на земном шаре жить нельзя. Кстати сказать, неопределенности существуют даже в физике, однако, квантовая механика неплохо справляется со своими обязанностями. К сожалению, в политической экономии неопределенностей гораздо больше. И самая серьезная из них - ответ на вопрос, который мы только что поставили.

СУБСТАНЦИЯ СТОИМОСТИ. Ответ марксизма гласит: деньги - мера стоимости и средство учета воплощенного в товары общественного труда, который является с у б с т а н ц и е й стоимости. Здесь мы как будто в самом деле имеем исчерпывающий ответ. Далее следует классифицировать различные виды стоимостей (потребительная, меновая, прибавочная и т.д.) - и у нас должна появиться уверенность, что научный аппарат готов, можно с ним отправляться на горные тропы познания.

Однако, меня смущает понятие "субстанция", которое возникает в данном случае. К.Маркс повсюду употребляет в равном значении выражения "субстанция стоимости" и "общественная субстанция". По мнению Маркса, это есть не просто труд, а общественный труд, что очень важно. И все же последуем его девизу: "Все подвергай сомнению".

Понятие "субстанция" употребляется тогда, когда мы действительно подходим к вершинам познания. В религии это Бог, в диалектическом и метафизическом материализме - материя. Мы имеем возможность задать следующий вопрос: "Что есть субстанция вещества?". Однако, нелогично звучит вопрос: "Что есть субстанция материи?". Вещество не есть - это только относительное состояние материи. Так его определяет В.И.Ленин. И это вполне справедливо. Вещество распадается до лучевых потоков, выделяя при этом огромное количество внутренней энергии. Материя, в отличие от вещества, не исчезает и не возникает.

Она, материя, и является субстанцией всего существующего и происходящего. Может ли в мире существовать несколько субстанций? Мне кажется, что даже сам этот вопрос выглядит абсурдно. Это все равно что спросить: Может ли у человека быть несколько матерей? Мать всегда одна и только одна.

Но тогда, возможно, существуют какие-либо подсубстанции, которые можно использовать в различных науках в качестве рубежа нашего познания? В природе таких "подсубстанций" нет. Если они появляются в каких-то теориях, то это не есть субъективная реальность, а всего только условный термин, существующий ради самой теории. Уберите эту придуманную "субстанцию" или "подсубстанцию" - и теория, некогда выглядевшая весьма величественно, развалится у вас на глазах.

Найдутся читатели, которые скажут: "Политэкономия - особая наука, ее нельзя путать с естествознанием. А вы предъявляете к ней точно такие требования, какие можно предъявить только к естественным наукам".

Хорошо, пусть будет "особая". Но в этой "особой" науке в качестве субстанции принимается категория сугубо физическая - т р у д. Путь он будет общественный - это в сущности дела не меняет. Из этого дополнительного условия следует то, что нас интересует труд не отдельной клетки, а всего организма в целом. Сколько энергии при этом вырабатывает отдельная клетка (человеческое существо или даже предприятие) мы не знаем, да нам это и знать не обязательно. Мы принимаем в расчет совокупный труд целого народа или даже человечества. Так ставит задачу политическая экономия - и я против этого возражать не собираюсь.

Возражения возникают вот в какой части. Труд и работа - понятия тождественные. Мы трудимся или работаем - это одно и то же. Но когда вместо слова "труд" употребляется слово "работа", политэкономия из "особой" науки превращается всего лишь в особую отрасль физики. Конечно, речь идет о физике в аристотелевском смысле, но все же это физика, а не что-либо иное. И тогда злобные заклинания, не позволяющие нам "путать" физическое и социальное,выглядят обыкновенным шаманством.

Итак, заменяем понятие "труд" понятием "работа". Отсюда получаем: субстанцией стоимости является совокупная работа общества. Как-будто ничего не изменилось. Однако, двинемся дальше.

Энергия и работа измеряются в одних и тех же единицах мер - в эргах и джоулях. Следовательно, их также можно считать синонимами. Таким образом, при помощи логических преобразований в конечном счете получаем следующее: СУБСТАНЦИЕЙ СТОИМОСТИ ЯВЛЯЕТСЯ СОВОКУПНАЯ ЭНЕРГИЯ ОБЩЕСТВА.

Внимательно проследив за ходом мысли, читатель убедится, что в фундаментальной формуле К.Маркса мы по существу ничего не изменили. Однако, то, что нами здесь получено - уже, собственно, не марксизм. Здесь возникают иные социальные акценты. Практические выводы также иные.

Совокупная энергия общества - это не обязательно человеческий труд. Арабские шейхи, которые своими неумеренными притязаниями потрясают промышленный мир, просто сидят на нефтяных скважинах - трудится им нет надобности. За них работает общечеловеческая терпимость, не позволяющая удалить собаку, сидящую на копне сена - и сама не ест, и другим не дает. Резкость здесь уместна - вряд ли мусульманских божков можно считать благодетелями своих народов. Между тем, именно они определяют мировую стоимость. Они, а не труд миллионов западных рабочих, которых угнетает экономический кризис.

Следовательно, стоимость прежде всего определяется богатством энергетических источников, которые человек использует для своего прогресса. Его труд лишь направляет энергию, накопленную природой. Он - проводник, но не генератор энергии. Сам же генератор следует искать в природе.

Во времена К.Маркса физический труд человека занимал весьма заметное место в производстве. Конечно уже и тогда-основным источником энергии в промышленности были не человеческие мышцы - паровые машины питались углем. Однако, уголь добывали вручную. Поэтому казалось, что первичным источником энергии является человеческий труд. Вот по какой причине он оказался в теории Маркса основой стоимости или субстанцией, что, в общем, одно и то же. Но пойдем дальше. Прав ли К.Маркс вообще, употребляя категорию субстанции по отношению к человеческому труду? "Философский словарь", изданный АН УССР в 1973 году, в статье "Субстанция" утверждает: "Образец диалектико-материалистического употребления категории субстанции дал К.Маркс в "Капитале". Анализируя понятие стоимости, он показал, что субстанция стоимости, не зависящая от различных форм ее проявления, есть человеческий труд".

Следует оговориться, что этот словарь, в отличие от московских изданий подобного рода, в общем и целом дает правильное определение субстанции: это есть материя – к а к с у б ъ е к т всех своих изменений. То же самое утверждал украинский институт философии и десять лет назад в энциклопедической статье о субстанции. Киевские философы последовательны в этом вопросе: субстанция есть философская категория, которая характеризует материю к а к с у б ъ е к т.

А вот как понимают категорию субстанции юдо-митинцы, которых с полным правом можно считать отцами вульгарного материализма в нашей стране: "Материалисты под субстанцией понимают нечто вещественное". И это не оговорка, нет! Это система взглядов, которая упорно, последовательно проводится философской школой П.Юдина в течение сорока лет. Глупо, вульгарно, антинаучно. И, кстати говоря, совсем не по-ленински. Ленин за веществом не признавал права на объективную реальность,

существующую вне нашего сознания: это всего лишь с о с т о я н и е материи, но не самая материя.

Но не будем подробно останавливаться на тех нововведениях, которыми "обогатили" ленинскую философию юдо-митинцы. По нашим представлениям, их писания находятся за пределами философии. Вообще это всего лишь угодливое политиканство, обслуживающее невзыскательные умы некоторых высокопоставленных столоначальников. Вернемся к "общественной субстанции" К.Маркса - можно ли считать ее образцом употребления категории субстанции, как утверждают киевские философы?

Из упомянутой статьи следует, что субстанцией всегда является только материя, а не какой-то п р о ц е с с. Она, материя, есть субъект всех своих изменений,то есть всех беез исключения п р о ц е с с о в, протекающих как на Земле, так и повсюду в Космосе.

Труд, работа, энергия и даже самое жизнь - это субстанциональные процессы, но отнюдь не сама субстанция. Субстанция находится где-то за порогом всех превращений - там, где дальнейшие превращения уже невозможны.

Даже юдинский "Философский слоаврь" в этом случае совершенно прав: "Субстанция - неизменная основа всего существующего, сохраняющаяся при всех превращениях, в отличие от конкретных изменяющихся предметов и явлений".

Как юдинцы при этом умудряются объявить субстанцией "нечто вещественное" - это известно только Господу Богу. Чтобы узаконить вещество в роли субстанции следует, прежде всего, уничтожить атомные реакторы, так как они со всей очевидностью доказывают, что вещество ни в коем случае не является неизменной первоосновой всего существующего.

Итак, труд не есть материя - он есть процесс материальный и духовный одновременно. Он, конечно, не субьект, а только активное проявление субьекта. Именно поэтому труд не может быть субстанцией.

"Постойте!" - возразит читатель, привыкший подвергать сомнению все, кроме марксизма. - Мы вышли из рамок. Следует говорить не о природе вообще, а только о деньгах - о стоимости как таковой. В широком смысле субстанцией, конечно, является материя. Это ясно. Но в качестве субстанции стоимости следует принимать общественный труд. Он есть источник всякого богатства".

Возразим нетерпеливому (и к тому же нетерпимому!) приверженцу "общественной субстанции" словами самого же Маркса:

"Труд не есть источник всякого богатства. П р и р о д а (подчеркнуто Марксом - М.Р.) в такой же мере источник потребительных стоимостей (а из них-то ведь и состоит вещественное богатство!) как и труд, который сам есть лишь проявление одной из сил природы, человеческой рабочей силы".

Так что же, в конечном счете, является субстанцией стоимости - труд или материя? Из приведенного высказывания следует, что субстанцией стоимости оказывается материя, природа.

Мне возразят: "Вы путаете стоимость и потребительную стоимость - это безграмотно!" Но с какой точки зрения безграмотно? - вот вопрос. Безграмотно с точки зрения К.Маркса или с точки зрения мировой политэкономии и здравого смысла вообще? Вдумаемся в приведенные выше слова К.Маркса, сказанные им по поводу Готской программы, которая начиналась так: "Труд есть источник всякого богатства и всякой культуры". Маркс возражает, - нет, не труд, а природа. Человеческий труд "есть проявление одной из сил природы".

Здесь я не собираюсь спорить с К.Марксом - под этим определением труда можно подписаться обеими руками. Однако, Маркс в данном случае отрицает самого себя, то есть придуманную им "общественную субстанцию".

Пусть не столь явственно, как на последней странице "Капитала", куда мы ведем читателя, но все же отрицает. Субстанцией всех видов стоимостей является природа, поскольку она есть субстанция самого труда. Природа и материя в данном случае выступают как синонимы, впрочем синонимами их следует считать всегда, если речь идет о природе в целом, то есть о Вселенной.

Природе, конечно, деньги не нужны - они нужны только человеку. Работа, энергия повсюду измеряется в эргах и джоулях. Однако, ч е л о в е ч е с к а я работа в эргах измеряться не может - для ее измерения необходимо нечто подвижное, текущее. Так проявляются деньги - отражение субстанции. Ее измерительный инструмент. Но разве отсюда следует, что иные средства измерения обращают работу из явления физического в явление, вытекающее из какой-то совершенно иной субстанции, нежели материя? Какой же это материализм? Разве только посвоему названию, а отнюдь не по существу.

А ведь это условие (нельзя "путать" физическое и социальное) позволило проделывать с политической экономией такие фантастические трансформации, что она вообще перестала быть наукой - от нее осталась голая апологетика. Именно это мы и намерены показать на примере политэкономии социализма, которая в течение сорока лет разрабатывается в нашей стране под общим идейным руководством тех же юдо-митинцев.

И еще один весьма важный факт: повсюду выступая против метафизики (даже в ее материалистических формах), наши философы не желают замечать, что в основе теории Маркса стоит с у б ъ е к т и в н ы й идеализм. Это несомненно, так как все корни марксистской теории погружены в придуманную Марксом "субстанцию", которая отсутствует в самой природе. Она появилась в голове Маркса как его субъективное отражение действительности.

Есть извечный принцип: то, что не материя - идея. И наоборот. Поскольку "общественная субстанция" не есть материя, она есть всего лишь субъективная идея К.Маркса. Но не больше этого!

Как мы увидим из дальнейшего, эта теория зиждется на формальном различии двух видов стоимости - потребительной и меновой. То есть сначала возникает научный аппарат, затем данный аппарат до такой степени абсолютизируется, что в угоду ему подгоняется анализ явлений природы и общественной жизни.

Однако разница между потребительной и меновой стоимостями весьма относительна. Прикуривая от дерева, подожженного молнией, я пользуюсь потребительной стоимостью - то есть тем, что представила в мое распоряжение сама природа. Но когда я зажигаю спичку, немедленно вступает в силу "общественная субстанция": спичка - продукт человеческого труда. Однако, меня интересует не спичка, а сам огонь. Является ли он продуктом "общественной субстанции" или всегда остается детищем самой природы?

Поэтому, когда мы говорим о субстанции стоимости, ее определение трудом не только сомнительно, но вообще неверно. В данном случае мы злоупотребляем термином "субстанция" - самым великим из всех человеческих понятий.

Субстанция есть то, о чем нельзя спросить: "Что есть ее субстанция?" Или, например, можно спросить: "Что есть субстанция света?" Но как на это ответить? Мы знаем, что фотон обладает нулевой массой покоя. Нуль массы - это и есть нуль вещества. Современные достижения физики убеждают нас в том, что свет является субстанцией всякого вещества - живого и неживого. Но вещество не является субстанцией света. Следовательно, свет есть субстанция самого себя.

О труде мы вправе спросить: "А что является его субстанцией?" Ответ: рабочая сила. Вопрос: а что есть субстанция рабочей силы? Ответ: пища. Вопрос: а что является субстанцией пищи? И только здесь, кажется, мы подходим к истинной субстанции, так как дальше идти некуда: "Пища служит источником силы в нашем организме, потому что она ни что иное как консерв солнечных лучей. Человек вправе величать себя сыном солнца".

Так писал К.А.Тимирязев в своей замечательной книге "Жизнь растений". То, что не есть субъект, не является также субстанцией.

Но может ли п р о ц е с с (труд, работа, энергия) быть субъектом? Конечно, не может - это все равно, что именовать отцом или матерью не людей, нас породивших, а только половой акт.

Поэтому весьма распространенное утверждение, что, дескать, "труд создал человека", так же ошибочно, как и "общественная субстан-

ция".Прав Тимирязев, но не Маркс: человек действительно сын Солнца, сын Света, сын Субстанции. Однако, не сын своего собственного труда, который у Маркса выступает в роли некоего мистического субъекта.

Существует и такой поворот мысли: коль субстанция есть субъект (это признается всеми последовательными материалистами), то, возможно, субстанцией стоимости является сам "общественный человек"? Однако человек в роли субстанции стоимости может рассматриваться только работорговцами. В практической деятельности так его рассматривал Сталин. Ему был дорог Маркс именно своими ошибками. Поэтому Сталин и закрепил их в своих произведениях в виде единой социалистической истины - они подводили теоретический базис под архипелаг Гулаг.

МАРКС И ФИЗИОКРАТЫ. Была ли политэкономия когда-либо наукой в более точном смысле, чем у Маркса? Ее альфой и омегой является определение субстанции стоимости - то есть поиски ответа на вопрос: что такое деньги?

В истории нередко случается так, что детские ответы на проклятые вопросы приводят к более надежным результатам, нежели ответы лукавых мудрецов. Так случилось и с наивными представлениями средневековья, получившими свое выражение в теории меркантилистов: субстанцией стоимости (денег) являются деньги - их кругооборот. Деньги производят деньги, поэтому следует торговать, торговать!...

Определение субстанции ошибочно, однако вывод правильный: стоимость должна свободно, беспрепятственно двигаться по артериям общественного организма, ибо ее субстанцией, в конечном счете, является солнечный свет. Он есть субстанция всего живого на земном шаре. Это сегодня ясно даже школьникам - общие понятия об учении Тимирязева и Вернадского даются в десятилетке. Только академик Опарин продолжает упорствовать, пытаясь реализовать юдо-митинскую "философию" в главной проблеме современного естествознания: в вопросе о происхождении жизни. Коль по "учению" юдо-митинцев (а они унаследовали его от Сталина) под субстанцией следует понимать "нечто вещественное", то и самое жизнь надо как-то сфабриковать из земных материалов. Трудную задачу поставил перед собой Опарин!...

Итак, истинной субстанцией стоимости является Космический Свет. Это за его счет обогащаются энергией и другие растения. Животное питается растениями, человек питается хлебом и мясом животных - так солнечный свет поступает в кругооборот, охватывающий всю биосферу. Но люди не могут возить за собой мешки с зерном - это очень громоздко. Огонь когда-то добывался из лесных пожаров. Сегодня и лес, и огонь упрятаны в спичечную коробку. То же самое произошло с зерном и мясом - их упрятали в кошельки: денежные знаки являются отражением некоего количества зерна и мяса.

"А остальные товары? - спросит читатель. - Разве мы покупаем только пищу?" Нет, не только пищу. Однако, другие товары производятся тогда, когда есть пища. Производя одежду, обувь, автомобили и т.д., мы расходуем на их изготовление некоторое количество энергии, полученной нами от Солнца в виде пищи. Сами того не сознавая, мы, как и раньше, до изобретения денег, все, нами производимое, оцениваем количеством хлеба. Когда нет хлеба, самые дорогие вещи теряют стоимость - они нас больше не интересуют.

Меркантилисты интуитивно уловили главное свойство денег: это есть идеальные проводники солнечной энергии на земном шаре. Когда на их пути возникают искусственные преграды, происходит замыкание и, в конечном счете, разрушение системы.

В пределах естествознания своего времени истинно научный ответ на эти трудные проблемы дали физиократы. Впрочем, они дали гораздо больше, чем позволяло естествознание второй половины XYIII столетия. К.Маркс совершенно справедливо именует их отцами современной политической экономии. Не прав только в том, что именует их экономию политической, она не политическая, а физическая. Политической ее сделали А.Смит и Д.Рикардо - авторы теории трудовой стоимости. Маркс

усугубил их ошибки тем, что вообще оставил от этой теории голую политику.

Создатель физиократичной теории Ф.Кенэ был королевским врачом. Отлично зная физиологию человеческого организма, он начал вдумываться в физиологию общества. Кенэ пришел к выводу, что общество в целом существует по тем же естественным законам, по которым живет отдельный организм. Вначале производится пища, затем возникает потребность в других товарах. Иной последовательности быть не может.

Но дело не только в этом - это понятно любому человеку. Физиократы решили более сложную задачу: откуда прибывает прибавочная энергия на земной шар?

Растут города, увеличивается население, а ведь это, в конечном счете, общечеловеческий прирост энергии. За счет чего он происходит? Что стоит в основе энергии прогресса?

Подробно исследовав земледелие, Кенэ пришел к следующим выводам. Природа земледелия такова, что оно способно умножить наш труд. Понять это довольно легко. Никто бы не стал пахать землю, если бы злаки несли в себе такое же количество энергии, каким обладает трава. Скотоводческие народы не смогли создать развитых государств. Почему?

Потому, что их энергетический баланс был основан не на злаках, а на дикорастущих травах. Они же, травы, по энергетическим показателям гораздо ниже злаков: у трав нет самого главного - колосьев с зерном. Есть только стебли. Но стебли есть также и у злаков: солома всегда использовалась для кормления животных наряду с сеном.

Злаки несут пищу для людей и животных одновременно: зерно плюс солома. Травы кормят только животных, а человек получает молоко и мясо. Хлеба у него нет, поэтому нужна несоизмеримо большая площадь земельных угодий, чтобы прокормиться одному человеку. Перенаселенность наступает уже тогда, когда человек с человеком даже встречаются не каждый день - так мало людей. О появлении городов в данном случае даже и думать нельзя.

Простые расчеты убеждают нас в том, что земледелие неизмеримо увеличивает прирост солнечной энергии на земном шаре - за счет зерна, конечно. Тот, кто работает в земледелии, способен производить больше, чем нужно ему и его семье для удовлетворения собственных нужд. Следовательно, излишки можно обменять на какие-то полезные вещи. Появляются люди, которым уже не нужно заботиться о производстве пищи - они производят серпы, плуги, бороны. Это, в свою очередь, усиливает производительные способности земледелия. Оно теперь способно кормить ремесленников, воинов, королевский двор. Развивается наука и культура.

Прочертив эту схему, мы поставим точку. Все остальное читатель должен домыслить сам. Теперь он легко поймет, как и почему появились деньги. У них всегда было одно и тоже назначение: мгновенно оценить, сколько в данном пункте в данный момент времени протекло солнечной энергии. Деньги никогда не были ничем иным, кроме эквивалента солнечной энергии, текущей по экономическим артериям.

Маркс, пытаясь опровергнуть теорию физиократов, возражает: конечно, прирост органического вещества в сельском хозяйстве существует, но ведь он проявляется не без труда. Как-будто верно. Однако, вдумаемся в следующий пример: бросается в землю зерно, которое вскоре умирает. Но сама его смерть из одного зерна рождает 20-30 зерен. Разве это дело рук человеческих? Ведь из одного килограмма железа мы никак не можем изготовить 30 килограммов гвоздей. Где же мы видим прибавку от собственных рук? Есть только изменение формы вещей.

Отсюда следует перейти к вопросу: происходит ли прибавка солнечной энергии за счет других видов человеческой деятельности или она возможна только в земледелии? Ни люди, ни машины принимать солнечную энергию не могут - это делают только растения. Следовательно, прибавочная стоимость возникает лишь в земледелии. Сначала она возникает в виде ренты, затем в процессе движения по экономическим артериям преобразуется в промышленную прибыль. Не могут люди вложить боль-

ше энергии в строительство домов, заводов и т.п., чем потреблять ее в пище - против этого восстает закон сохранения и превращения энергии.

Однако, здесь необходима следующая оговорка. Из сказанного выше не следует, что промышленность не влияет на земледелие. Возникая из недр земледелия, затем и сама включается в фотосинтез, то-есть начинает производить капитал. Но она его производит только исключительно при помощи земледелия. Другого органа для приема солнечной энергии у нее нет. Чтобы лучше понять, в чем состоит ошибка авторов теории трудовой стоимости (А.Смит, Д.Рикардо, К.Маркс), приведем следующий пример.

Допустим, некто пожелал стать энергетиком. Естественно, первым делом, он обязан разобраться, откуда поступает электроэнергия на предприятия и в городские квартиры. Увидав провода, он пошел по линии и дошел до трансформаторной будки. "Эврика!" - восторженно вскрикнул наш энергетик. Затем надолго замкнувшись в кабинете, начал строчить том за томом, создавая собственную школу энергетики. То обстоятельство, что до электростанции он так и не дошел, ни для него, ни для его последователей не имело значения. Они из года в год упорно твердили: электроэнергия производится в трансформаторной будке - и нигде больше...

Читатель возмутится: "Это невозможно". И будет, конечно, прав. Но в марксизме это почему-то оказалось возможным. Теория трудовой стоимости несостоятельна, прежде всего потому, что она нарушает закон сохранения и превращения энергии.

Тут уж политикам придется умолкнуть - в дело вступает физика! А поскольку политэкономия возникла тогда, когда победила теория трудовой стоимости, то приставка "полит" должна быть отброшена - реально существует только физическая экономия, основанная школой физиократов.

Во времена Ф.Кенэ законы фотосинтеза еще не были изучены. Никто не говорил о солнечной энергии. Люди думали, что Солнце дает нам только тепло, все остальное делает сама земля. Поэтому физиократы выводили прибавочную стоимость ("чистый продукт") из способности земли родить, умножать богатство.

Они ставили в основу накопления богатств прирост живого вещества. В промышленности этого прироста нет, - следовательно промышленность с этой точки зрения бесплодна: она только придает новую форму телам, - глину превращает в кирпичи, шерсть в одежду и т.д. Промышленность является производителем формы, но не материи. А все, что не материя есть образ, идея. И ничего больше!...

Однако, идея в виде плуга (он-то ведь не просто кусок железа!) начинает наращивать материю в виде солнечных лучей, сгустившихся в пшеничном зерне. Так на Землю приходит Творящий Свет, чтобы стать человеком и одержать победу над силами тьмы, хаоса, смерти..

Вот что по этому поводу говорил известный в свое время физиократ Ф.Паолетти:

"Такое увеличение количества материи, каким являются произведения земли, несомненно не имеет и никогда не сможет иметь места в промышленности, которая дает материи только форму, только видоизменяет ее; поэтому промышленность ничего не создает. Но промышленность, возражают мне, придает материи форму, следовательно, она производительна; ибо она представляет собой производство - если не материи, то формы. Хорошо, я этого не отрицаю. Но это не создание богатства, а наоборот, ничто иное, как расход".

В самом деле, разве промышленность обогащает земной шар новой прибавочной энергией непосредственно - без участия земледелия? Она поглощает уголь и нефть, которые накоплены Землей за счет фотосинтеза прежних эпох. И даже представить, что вся промышленность уже работает на атомной энергии, то и тогда это всего лишь расход: запасы урана не вечны. Нас ободряет вера в то, что люди когда-нибудь обуздают термоядерную энергию. Однако, даже она в абсолютном смысле для земного шара не является прибавочной: ради ее производства придется расходовать водород, которого довольно много в наших океанах. Но все же это

- земная энергия, а, которая законсервирована природой в земном веществе. А прибавочная - значит внешняя, пришедшая в нам из Космоса.

Такой энергией - вечной, неистощимой! - способно обогащать нас только Солнце. И самое главное: прибавочная энергия Солнца прибывает к нам в виде живого вещества, которое физиократы ставили в основу энергии прогресса, именно так (энергия прогресса) можно назвать дар природы - понятие физиократов, которое у них тождественно "чистому продукту". В более поздних теориях "чистый продукт" получил наименование прибавочной стоимости. И сразу все затемнилось - перед глазами остались только денежные знаки, а то, что стоит за ними, растворилось в неизвестности. В таком затемненном виде прибавочная стоимость выступает в "Капитале". Что из этого вышло - показывает нам сама история.

Фотосинтез вырабатывает ежегодно на земном шаре 150 миллиардов тонн живого вещества - по 128 тонн на каждого земного человека! Вот где находится истинный генератор энергии прогресса.

Мы могли бы назвать субстанцией стоимости фотосинтез. Однако, фотосинтез тоже не субстанция, а субстанциональный процесс. Истинной субстанцией является Творящий Свет как единственный Субъект всякого производства.

Маркс всего этого не понимал. В "Капитале" он качественно не различает вещества органического и неорганического, - не сознает того, что именно органическое (пища) стоит в основе производства всех других товаров. Вот, например, он пишет по поводу "чистого продукта" физиократов:

"Этот последний физиократы опять-таки понимают неправильно. Они считают его чистым продуктом потому, что, например, пшеницы получается больше, чем съедают фермер и рабочий; но ведь и сукна производится больше, чем его нужно производителям сукна - рабочему и предпринимателю".

Мы могли бы спросить у Маркса: Пшеница сама себя вопроизводит, но воспроизводит ли себя сукно? Его воспроизводит та же пшеница человеческими руками. Или Солнце - так будет точнее.

Достаточно сравнить высказывание Маркса с тем, что говорил Ф.Паолетти, и мы поймем, до какой степени Маркс далек от научного мышления. И это весьма странно: физиократы появились на целое столетие раньше Маркса. Философия, общие представления о космических взаимосвязях, отличие живого от неживого, причины от следствия - все это отступает на второй план перед величественной бухгалтерией, разработкой которой занята голова К.Маркса.

Он и прибавочную стоимость выводит из чистой бухгалтерии, совершенно не сознавая, где находится ее первичный источник. Для него она возникает только на счетах, но не в поле, где произрастают злаки. Поразительно: Маркс даже не скрывает того факта, что его прибавочная стоимость произрастает только из ф о р м ы т е о р и и:

"Актер, например, и даже клоун, является в соответствии с этим производительным работником, если он работает по найму у капиталиста (антрепнера), которому он возвращает больше труда, чем получает от него в форме заработной платы; между тем, мелкий портной, который приходит к капиталисту на дом и чинит ему брюки, создавая для него только потребительную стоимость, является непроизводительным работником".

Абсолютизировав различие между видами стоимости - конечно, относительное различие! - он отсюда выводит прибавочную стоимость. Впрочем, он сознает, что дальше формы теории он не пошел: "Здесь мы имеем такую характеристику труда, которая проистекает не из его содержания или его результата, а из его определенной общественной формы". Убийственное признание! Мир грохочет миллионами новых машин, разрастаются Нью-Йорк и Лондон - человечество обогащается прибавочной энергией. Но эта энергия, по Марксу, появляется не из содержания или результата нашего труда, а всего лишь из "определенной общественной формы". Но кто изобрел эту форму?

Портной выполняет одну и ту же работу, однако все зависит от того, где он ее выполняет - форма, форма форма должна первенствовать, ибо вся прибавочная энергия земного шара произрастает из бухгалтерской

книги. Достаточно клоуну попасть не в ту графу, и он уже прибавочной стоимости производить не будет. Будто, кривляясь перед зрителями, повизгивая и кувыркаясь, он раньше ее производил! Уму непостижимо, как можно было до всего этого додуматься через сто лет после Ф.Кенэ. И уж совершенно трудно понять, почему умные люди не замечают этих нелепостей через сто лет после Маркса, в наш-то космический век!...

Так возникает "общественная субстанция" - возникает из форм ученого, но не из объективной реальности как таковой. То же самое происходит у Маркса с поваром: повар в ресторане производит прибавочную стоимость; повар, работающий у капиталиста на дому, производит только потребительную стоимость, но не прибавочную.

Академики от Марксизма полагают, что учебники физики пишутся не для них. Иначе они бы задумались над вопросом: как могла дожить до нашего времени теория, которая нисколько не лучше теории "вечного двигателя"? Закон сохранения и превращения энергии - главнейший закон миро здания. У Маркса он попирается столь явно, что становится стыдно за земного человека вообще. Правда, следует оговориться, что все это пришло к Марксу от А.Смита, однако, Маркс его не опровергает, а наоборот, соглашается с ним. И, соглашаясь, возводит на этом фундаменте огромное сооружение, которое сегодня именуется марксизмом.

На самом же деле и портные, и повара, а даже рабочие производят услуги, а не прибавочную стоимость - ее можно производить только в земледелии, где злаки принимают новую, прибавочную энергию Солнца. Как все это происходит:

"Дайте повару некоторое количество гороха для приготовления обеда; он сварит его, как следует, и в готовом виде подаст Вам не стол, но подаст он то же количество, которое получил; наоборот, дайте такое же количество гороха огороднику, чтобы он вверил его земле, и он, в свое время возвратит Вам по меньшей мере вчетверо больше полученного. Это и есть настоящее и единственное производство".

Так понимает производство физиократ Ф.Паолетти. Его выводы легко проверить на опыте - и по сему это есть подлинная наука. Но каким образом можно подтвердить "субстанцию" К.Маркса? Ведь ее нет, этой "субстанции", она существует только в воображении К.Маркса. В этой "субстанции" нет ни одной калории - она в самом деле есть н и ч т о.

Тогда как же быть с эксплулатацией - разве ее тоже нет? Нет, эксплуатация существует. Но в том-то и дело, что совокупным фондам общества от нее нет никакой прибавки. Это потеря для рабочих и прибыль для капиталиста. Не больше, чем карточная игра.

Здесь существует огромная моральная проблема. Однако экономических теорий на этой почве строить нельзя. Более того, эксплуатация не обогащает государство, а ведет его к неминуемой гибели.

Но, может быть, Маркс не сознавал того, что теория далека от объективной реальности? Иногда он сознавал это. Однако Маркс вполне сознательно поставил перед собой задачу, любой ценой разрушить теорию физиократов:

"Для того, чтобы сохранить категорию - не только определения величины стоимости различной величиной рабочего времени, но и определения субстанции стоимости общественным трудом, требуется отрицание абсолютной земельной ренты" (подчеркнуто Марксом М.Р.).

Сказано это по поводу Д.Рикардо - сказано вскользь, между прочим - но разве сам К.Маркс не поступает таким же образом? Он привык мыслить на бумаге - поэтому иногда остаются свидетели, позволяющие нам понять побудительные причины его многолетних трудов. Теория физиократов и теория Маркса рядом ужиться не могут - это ясно. Поэтому следует отрицать очевидное, отрицать упорно, на сотнях и тысячах страниц. Зачем это нужно Марксу? Неужели его ведет одно только тщеславие? У нас нет оснований так думать. Но ведь же приходится сделать вывод, что Маркс не ученый, а только политик. Дело в том, что отдельные физиократы (Шмальц, например) твердили: коль существует Дар Природы, "то на каком разумном основании можно было бы лишить его (помещика - М.Р.) этого дохода"?

(Окончание в следующем номере)

ЗЛОБОДНЕВНАЯ КЛАССИКА

СЕБАСТИАН БРАНТ

Сатирическая поэма "Корабль дураков" вышла в свет в 15 веке, в городе Базеле. Ее автор выдающийся немецкий ученый и писатель-гуманист. Чтобы избавить человечество от многоликого племени дураков, он садит их на корабль, идущий в страну Глупости - Глупландию.

Предлагаем вниманию читателей главу из этой книги в переводе Л.Пеньковского с некоторыми сокращениями.

БРАЖНИКИ-ГУЛЯКИ

Бродягой, нищим тот умрет,
Кто вечно кутит, пьет и жрет
И лишь с гуляк пример берет.

* * *

Колпак ты на того наденъ,
Кто день и ночь, и ночь и день
Рад брюхо поплотней набить
И полной винной бочкой быть,
Как будто жизнь он взял на откуп
С единой целью: больше в глотку б!

....

Дадим такому человечку
На корабле глупцов местечко!

С ума сведет его вино -
Под старость скажется оно:
Трясуч, дурашлив, голос пропит, -
Свой смертный час он сам торопит.
На свете нет порока гаже:
Муж просвещенный, мудрый даже,
Предавшись пьянству, до конца
Лишится славы мудреца.

....

Вино и мудрых в грязь повалит
И колпаки на них напялит.
Когда израильский народ
Вливал, бывало, лишку в рот,
Он, как заведено меж пьяниц,
Шумел, плясал безбожный танец
Вкруг изваяния тельца [1)]
Языческого образца.
Недаром Бог во время оно
Пить запретил сынам Аарона.[2)]

....

Хлебнул и Олоферн беды,
И головы и бороды
Лишась, когда был пьян однажды.[3)]

[1)] Упоминаемый в Библии идол, которого, по требованию народа, отлил из золота первосвященник Аарон, в то время как Моисей беседовал с Богом.

[2)] Согласно Библии, Бог запретил Аарону и его потомкам пить вино во время богослужения.

[3)] Вавилонский полководец Олоферн был обезглавлен еврейкой Иудифью во время сна после вечерней трапезы, за которой "пил вина весьма много, сколько не пил никогда" ("Книга Иудифь", XII, 20).

И жертва той же самой жажды -
Бывал и Александр пьян,
Свой унижая царский сан,
И делал то, о чем потом
Сам вспоминал с большим стыдом.[4)]

Кто весел от вина сегодня,
Заплачет завтра в преисподней.
Когда б не пьянство, то вовек
Не знал бы рабства человек!
Чревоугодье, пьянство - страсти,
Чьи спутники - нужда, несчастье.
Отцам и сыновьям равно
Страданьями грозит вино,
Коль ты его хлебать привык
С кем ни на есть, как воду - бык.

Все стали бы мудрей вдвойне,
Будь капля мудрости в вине,
Что пьют сверх меры и сверх силы
Обжоры, пьяницы-кутилы,
Друг дружке наливая кружку
И побуждая пить друг дружку:
"Твое здоровье!.. Пей!.. " - "Смотри,
До дна, до капли!.." - "На пари!.."
"Налить?" - "Налей!.." Пьют дуралеи,

---

4) Имеется в виду Александр Македонский, убивший на пиру своего лучшего друга Клита.

Себя нисколько не жалея:
Раз - в кружку, два - в утробу. Ловко!
Намылить бы для них веревку!
Поистине, ведь нет другой
На свете глупости такой!
Прочесть мы можем у Сенеки
(Мыслитель, живший в первом веке):
"Боюсь, что трезвых мир осудит,
А уважать лишь пьяниц будет,
И чтобы знаменитым быть,
Вина придется больше пить".

Но я в виду имею тут
И тех, кто пива много пьют.
Пьет умный в меру, а болван -
Хоть бочку, хоть бродильный чан.

Приятно лишь во рту вино, -
В утробе мучит нас оно,
Всю кровь пропитывает ядом,
Как василиск смертельным взглядом.[5)]

[5)] Сказочное существо в виде огромной птицы с короной на голове и хвостом змеи. Согласно мифам, василиск убивает своим взглядом.

Виль Соколов

ДОРОЖНЫЙ ПАЦИЕНТ

Рассказ

Виль Иванович Соколов умер от укуса инцефалитного клеща летом 1990 года. Ему исполнилось шестьдесят лет, его возраст не увязывался с его спортивной худощавой фигурой, с его по-детски доброй наивностью и доверчивостью, с его живым и проницательным умом.

Виль Иванович был православным человеком и, как подобает верующему, принял смерть мужественно и спокойно, до последней минуты оставаясь в сознании. Врач, вскрывавший его, сказал, что его тело было телом сорокалетнего мужчины. Молитва, пост и аскетический образ жизни были причиной тому.

Он был щедроодаренным человеком. Писал прозу и стихи, статьи о творчестве Ф.М.Достоевского, увлекшись психологией, работал в больнице, занимался резьбой по дереву. Писал он немного, поэтому в каждом произведении старался говорить о сокровенном. Главными для него были вопросы духовной и нравственной жизни человека.

Из законченных работ в письменном столе остался неопубликованный рассказ "Дорожный пациент".

Рассказы, статьи о творчестве Достоевского были опубликованы в журнале "Сибирь" и газете "Литературный Иркутск".

"Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего".

Психиатр Милов был срочно вызван в командировку для участия в медицинской комиссии районного военкомата.

Он должен был лететь самолетом, но утром передали штормовое предупреждение и рейс задержали. Каждые два часа безличный диспетчерский голос объявлял, что вылет переносится еще на два часа; северо-западный ветер между тем усиливался, хлопая полотнищами лозунгов; горизонт все ближе дымился надвигавшейся мглой; и наконец тот же голос, уже с личной ноткой раздражения, точно ему надоело этим заниматься, сообщил, что в связи с метеоусловиями все местные рейсы переносятся на завтра.

Отстояв в очереди и сдав билет, Милов вышел на улицу. Там вовсю мело; резкий ветер больно сек лицо мелким колючим снегом; по асфальту струилась, разбегаясь ручейками, белая кисея поземки, а наверху, в дымной пелене низкого неба, раскачивались с воем и свистом окоченевшие, негнущиеся ветви тополей.

Милов протер запотевшие очки, опустил уши ондатровой шапки и быстро зашагал к стоянке городского автобуса.

Был конец марта, но утрами столбик ртути опускался до тридцати, и казалось, что в этом году весна не наступит совсем.

Вечером, когда Милов приехал на вокзал к местному поезду, погода совсем обезумела; по перрону клубилась снежная буря, обжигая лицо ледяной пылью, и так приятно было спрятаться от нее в теплый и тихий купейный вагон.

Милов бочком прошел по узкому коридору до своего купе и с дорожным любопытством заглянул в него: налево от входа у окна сидел плотный крупный мужчина лет сорока с лоснящимся загорелым лицом и перебирал на столике кучку исписанных измятых листков. Он повернулся к вошедшему, и Милов увидел спокойные светлые глаза, добродушные мясистые губы.

- Зравствуйте!

- Добрый вечер, - неуклюже поднимаясь навстречу, ответил попутчик. Милов машинально пожал протянутую ему руку и почувствовал мягкую теплую ладонь и влажные пальцы, податливо дрогнувшие в его энергичном рукопожатии.

- Владимир Балин, - застенчиво улыбаясь, представился пассажир. Серый в клетку костюм мешковато сидел на его полной фигуре, коротко остриженные темные волосы начинали седеть, но голос был ласковый и молодой, глаза смотрели прямо и доверчиво, точно их владелец готов был принять мгновенное участие в чужой судьбе, и Милов сразу проникся к нему безотчетным доверием.

- Мы с вами только вдвоем? - спросил он, оглядывая купе.

- Да, и так,наверно,поедем, - быстро, в тон Милову, ответил Балин. - Сейчас дадут отправление.

Потирая руки, он улыбнулся опять своей застенчивой, чуть виноватой улыбкой.

- Простите, а где ваше место?

- Как раз там, где вы сидите.

- О, в таком случае я пересяду напротив...

Он торопливо сложил свои листочки в истертую записную книжку, спрятал ее во внутренний карман пиджака и покорно вздохнул. Милов разделся, достал из портфеля заношенные домашние шлепанцы и сбросил ботинки.

- Да, поздняя в этом году весна, - поглядывая в окно, сказал Балин, лишь бы о чем-то заговорить.

- Какая уж тут весна! Настоящий декабрь...

Милов сунул в шлепанцы затекшие ноги и с наслаждением откинулся назад, расслабившись замлевшим телом. Хорошо ехать вот так в пургу и метель в теплом купе.

В коридоре послышались голоса: один говорил певучим насмешливым баритоном, другой отвечал устало и раздраженно. В дверях купе показался одетый в дубленку мужчина среднего роста в светлой, пушистой с опущенными ушами шапке, из которой видна была холеная черная борода и удивленно раскрытые карие глаза.

- А вот и наше пристанище, - шутливо сказал он, шагнул в купе и поставил на пол блестящий черной кожей и медными замками портфель. Второй пассажир был высок, сутул, худощав и одет совсем не по погоде: в демисезонном пальто реглан мышинного цвета и спортивного вида замшевую шапочку с козырьком. Бледные иззябшие губы страдальчески кривились, небольшие карие глаза смотрели устало и грустно, точно он давно терпел и с трудом скрывал ка юю-то боль.

И снова начались знакомства. Первый представился Илютиным, второй - Затесовым. Илютин сразу же сверил с билетом свое место.

- Прекрасно! Сплю наверху, что меня весьма устраивает.

Раздевшись, он оказался со вкусом одетым в черную тройку мужчиной лет тридцати. Поставив на верхнюю полку свой портфель, он устроился у окна и, скрестив на груди руки, с

насмешливым любопытством оглядел сидевших напротив Милова и Балина.

Сбросив пальто, Затесов присел на скамью у самой двери, зябко потирая короткие детские пальцы.

- Чертова погода! - пожаловался он с капризной гримаской. - Промерз до костей на этих сибирских ветрах.

- Потеплее надо одеваться, - весело заметил Илютин.

- Всю зиму прожил в Москве, - с нажимом повысил голос Затесов. - В январе слякоть и лужи, в магазинах и метро, как в бане, а здесь новая морока: в марте в доху залезай.

- Вот и лезь, - усмехнулся в бороду Илютин. - Купи шубу, теперь ты богат.

- На этот счет у меня свои особые соображения...

Затесов щелкнул замками своего дипломата и достал бутылку пятизвездного коньяка, большое красное яблоко и горсть шоколадных конфет.

- Не побрезгуете? - спросил он Милова.

- Спасибо... пока воздержусь.

- Мой коллега тоже не пьет, - скосил глазами Затесов. - Вот вам компания. А вы? - обратился он к сидевшему напротив Балину.

- Что ж, - ответил тот в замешательстве. - Я, пожалуй, немного попробую.

Затесов медленно, легко поклонился.

- Тогда будь любезен освободить совершенно праздное для тебя в данном случае место, - обратился он к приятелю, а мы с коллегой приступим.

Милов тоже пересел от окна поближе к двери. И, уступая профессиональной привычке, стал наблюдать Затесова. Не скрывая своего нетерпения, тот открыл коньяк и налил себе треть стакана.

- О, мне столько не надо! - вскрикнул Балин, протягивая растопыренные пальцы к своему стакану. - Половину вашего вполне достаточно!

- Воля ваша...

Вагон мягко качнуло, и вокзал за окном тихо потащило назад. Бетонной сумрачной громадой надвинулся мост и в купе стало совсем темно.

- За отъезд и ваше здоровье!

Затесов одним глотком выпил коньяк и откусил от конфеты.

- Весьма вам признательны, - насмешливо поклонился Илютин. Милов заметил, как похоже выражение боли, с которым Затесов появился в купе, на ту мгновенную гримаску вкусового отвращения, когда он выпил. "Обычная застольная отметина", - подумал он и мягко спросил:

- Вы всегда так пикируетесь?

- Отнюдь. Просто он хочет, чтобы мне было весело, а у меня не получается. А вы почему пьете как барышня?

Балин отпил два-три маленьких глотка, зажмурился, сморщился и отставил стакан.

- Да вот как-то не идет, - почти шепотом извинился он, взял со столика радужную обертку конфеты и стал отрывать от нее мелкие полоски.

- Это всегда или только сегодня? - дружелюбно улыбнулся Милов, которого начинала удивлять его детская застенчивость и искренность.

- Представьте, только сегодня. Вообще же пью по настроению.

- И часто бывает это настроение?

- Ну, что вы! Я говорю, что пью всегда по настроению, но и настроение бывает не часто.

Все рассмеялись, громче и дольше всех Илютин.

- Зато у тебя, мой друг, - сказал он ласковым тоном, - это настроение неизменно.

- Не могу же я смотреть на вещи так весело и сыто, как ты!

- Помилуй, настроение-то здесь причем? - ответил Илютин, обводя всех недоуменно-насмешливым взглядом, точно удивляясь наивности всего, что ему приходилось слышать. Говорил он певучим голосом, слегка растягивая слова и всегда улыбался, не переставая глядеть в глаза собеседника. Сама же насмешливость выражалась так мягко и деликатно, что и обидеться было как-то неудобно.

- Довольно вам браниться! - вмешался Милов. - Лучше расскажите что-нибудь о себе.

- Что же может занять ваше скучающее внимание? - спросил Илютин.

- Хотя бы ваша профессия. По вашему виду вы люди интеллигентные...

- Валера, какие самые престижные профессии в мире?

- Кинорежиссер, актер и писатель.

- А мы кинорежиссеры, и следовательно...

- Не обращайте внимания на его фиглярство! Какая мы элита?

Просто документальное кино.-Затесов подлил себе коньяку. - Хотя для профанов это и не имеет значения...

- Я вам серьезно завидую. Это же чертовски интересно - запечатлеть мир, который ты видишь. Только причем здесь профаны?

- О, это к вам не относится, уверяю вас!

Затесов выпил коньяк и закусил оставшейся половинкой конфеты. Глаза его заблестели, и верхняя губа поднялась, задорно топорща аккуратно постриженные пушистые усики, что как-то не соседствовало с грустной складкой у губ и печальным выражением совершенно трезвых глаз.

- Я говорю об определенной наивной публике, жаждущей зрелищ и видящей в кинорежиссере какого-то мага и колдуна. А наша работа не только интересна, но и окаянски трудна.

- Молодец, Валера!

Илютин похлопал в ладоши.

- Как, впрочем, и всей престижной братии, на которую молится обыватель.

Затесов ощупал карманы пиджака, достал сигарету и поднялся, цепко держась за столик; уже шагнув в коридор, он обернулся и, отчеканивая слова, добавил:

- Чехов называл литературу своей любовницей, потому что у него была еще медицина. А когда есть только искусство, то она для тебя венчанная до гроба жена. И никто так, как она, не мстит за измену!...

- Браво! - крикнул Илютин уходящему вслед. - Такой фразой надо начинать первый семестр для гуманитариев!...

И наступило молчание. Поезд несся по лесистой снежной равнине, часто и дробно стуча на стыках, выделывал по вагонам чечетку своими стальными сапогами. В жидко синевшем вечернем воздухе за вагонным окном неслась белая метельная мгла, и далеко было видно, как на полях у голых березняков вились белые космы поземки.

- Ну, а кто же будете вы? - обратился вдруг Илютин к Милову, улыбаясь красным, бородатым ртом. - Теперь ваша очередь представиться. Или сохраните свое инкогнито?

- Отчего же? - Милов по-мальчишески тряхнул головой. - Извольте, я - психиатр.

Он мог бы назваться просто врачом, но желание сбить с собеседника тон насмешливого превосходства победило. Если уж говорить о престиже, то для него все в мире были равны, как для исповедника приходящая к нему паства. И он привык принимать эту исповедность; ему льстила та беспомощная искренняя доверчивость, с которой люди разных состояний и рангов обращались к нему, как только он называл себя; обращались с трепетным любопытством и наивным страхом перед тайнами его знания. Спокойно, как привычный знак дани, отметил он выражение почтительности на лице насмешника.

- Вот это уже интересно! - воскликнул Илютин, потирая руки. - Честное слово! Послушай-ка, блудный сын, - потянул он за рукав Затесова, вошедшего в купе с густым, терпким запахом никотина. - Выкладывай-ка свои духовные немощи. С нами едет психиатр.

- Вот как!... - пробормотал Затесов, усаживаясь у окна. Он вздернул плечами, вскинул голову и быстро провел ладонью по волосам.

- Вы?

Милов кивнул.

- А ведь я лечился когда-то у ваших коллег. Представьте, потом четыре года совсем не грешил этим. И вот видитие...

- Тянет?

- Иногда очень...

- Вы же сами сейчас так красиво говорили о своей Немезиде, а что делаете? Алкоголь отнимет у вас не только искусство, но и весь мир. Понимаете?

- Вполне, - кивнул Затесов. - Только, знаете, жить между можно и нельзя - скучно.

- Человек - разумное существо.

- Разум! - поморщился капризно Затесов. Цивилизация уже усадила это разумное существо за кноки электронных машин и воспитала в нем кнопочную психологию машинного царства.

- Продолжайте, продолжайте... это любопытно!

- Человек любит и ненавидит, а разум выражает то, что чувствует сердце. Вы говорите - разум! Но человека формулой не объяснишь. Разум хочет по логике жить, а сердце - по-своему. Искусство и философия три тысячи лет разгадывают человека, а много ли разгадали? Появляется новый гений - и новое откровение!...

- Куда мы заехали! - присвистнул Илютин. - Уж покружит он вас сейчас, уверяю!

- А, ну тебя! - отмахнулся Затесов.

- Вы приглашаете меня совсем не в ту страну, - мягко возразил Милов. - И спорим мы совсем не по существу, мыслим с вами в разных понятиях. Наука бесстрастна и не занимается эмоциями. - Он выдержал паузу. - Я говорю с вами как психиатр, а вы переводите все в область какой-то сентиментальной философии.

- Вот-вот! - подхватил Затесов. - Вы мне говорите о логическом разуме, а я вам - о психологии человеческого сердца!... Препарируйте миллионы сердец, и все они одинаковы - так?

- Не совсем, но допустим...

- Но каждое сердце бьется и замирает от разных страстей, любит и ненавидит по-своему, хотя по вашей науке это просто кровеносный насос, желудочки, предсердия и все прочее в этом роде. Но где здесь страстное и страдающее существо?

- Ну, так мы с вами никогда не договоримся, - холодно ответил Милов, уже начиная жалеть, что представился Илютину. Этот "дорожный пациент", с иронией подумал он, будет под коньячок потчевать своей эрудицией.

- О чем не договоримся?

Затесов налил себе коньяку, рывком закинул голову и выплеснул в рот.

- Хотя бы о вас самих.

- Совершенная истина! Сидит перед вами этакий субъект и просит его спасти. От чего бы вы думали? От себя самого.

Затесов усмехнулся; верхняя губа дернулась вверх, взъерошив щетку усов. Он показал бутылку.

- От этого питья вы меня еще властны спасти. А от меня?

Он ткнул себя пальцем в грудь.

- Это задача немыслимая, - театрально заведя глаза, сказал Илютин.

- Не паясничай! - устало скривился Затесов. - Можешь ты оставить при себе свои прописи?

Наступило неловкое молчание. Поезд замедил ход. Балин, про которого все забыли, сидел у потемневшего окна, пригубливая по глотку свой коньяк. В начале разговора он раза два робко пытался вставить что-то свое, но на его слова никто не обратил внимания, и он умолк, отодвинулся в угол купе.

- Так, товарищи, прошу меня извинить, - неуклюже выбираясь из-за столика, сказал он неожиданно громким голосом. - Я, кажется, уже приехал.

- Неужели? - разыгрывая удивление, вскинулся Илютин. Представьтесь же хоть на прощание.

- А я лектор, - с горячей готовностью отозвался Балин, обрадуясь, что и ему уделили, наконец, внимание. - Лектор общества "Знание". Вот пригласили почитать, и еду. Всего на недельку...

- Весьма интересно, - поклонился Илютин. - А жаль. Нам так будет вас не хватать.

Балин смущенно осклабился, что-то пробормотал и стал одеваться. Поезд уже подтягивался, затормаживая, к едва освещенному вокзальчику районного городка.

- Желаю вам удачи в делах и счастливой дороги...

Балин попрощался со всеми, и снова Милов почувствовал в своих пальцах его мягкую, податливую ладонь.

- Послушай-ка меня, - продолжал он прерванный разговор, разглядывая в упор Затесова. - Когда нам кто-нибудь жалуется на свои недуги, мы спрашиваем всерьез и дотошно. От чего вас, простите спасать?

Затесов повел плечами.

- От меня жена в прошлом году ушла...

Вот оно, разочарованно подумал Милов. Сейчас поставит свою заезженную пластинку.

- И что же?

- Так...Представьте, все книги да писанина, а ей - ничего! Хотя, выходя за меня, говорила, что сидеть рядом и глядеть на меня для нее уже счастье...

- Сколько вы с ней жили?

- Четыре года. Последний год она ревновала меня ко всему: к друзьям и кино, к командировкам и книгам. А у нашего брата

все на нервах; иногда неделю не пишется ни черта, хоть тресни, и тогда кажешься себе последним ничтожеством, а тут она твоего внимания требует, винит в черствости и эгоизме, и, конечно - сцена. Хлопанье дверями, слезы; убежит и вернется; так несколько раз. Потом собрала вещи и ушла совсем.

И уже зло, скривив губы, добавил:

- Нет, ее все равно бы язвила эта ревность к моей работе, которую я ведь люблю, черт возьми! А раз ревность, то и ненависть рядом, будьте уверены!

Он достал сигареты.

- Разрешите здесь закурить?

- Курите...

- Благодарю.

Затесов пересел к двери, прикурил и сделал подряд несколько жадных глубоких затяжек.

- Она любила меня, не спорю, но с такой одной оговорочкой, без которой и любви быть не может...

- Да..., не легко вам было, - кивнул Милов. И сам подумал о том, что эта обычная, банальная история встречается на каждом шагу. - Я вас понимаю.

- Вот это уже по вашей части, - хмыкнул Затесов. - Я ведь тогда чуть-чуть в ваши места не попал. Но об этом - после. Как любят они надеть нарядное платье, когда нужно очаровать, понравиться - вот на что обратите внимание! И как сбрасывают его сразу, являясь в исподнем, когда этого добились!.. Если уж женщина захотела вас победить - берегитесь! Ведь клятвами своими о вечной любви, готовностью идти за мной хоть на край света она мне внушила, что и является как раз той единственной женщиной, которая нужна такому анахорету, как я. "Мне довольно только глядеть на тебя, быть рядом и я буду счастлива" - вот ее слова. А потом сказала, что беременна.

- У вас была обычная связь?

- Чего же вы хотели? Она из современных эмансипированных женщин. О браке и слова не было сказано, когда мы были близки. Восторженно твердила, что я - талант, а таланту нужна абсолютная творческая свобода, и она - моя желанная спутница.

- Но вы-то сами как на это смотрели?

- Мужчина относится к женской чести, как она сама относится к ней.

- Браво! - не удержался Илютин и захлопал в ладоши. - Да здравствует наша невинность!

Затесов рассеянно посмотрел на него, достал новую сигарету и прикурил от старой, уже догоравшей.

- Я всегда считал, что выше искусства нет ничего. Тех, кто опускался в быту, я презирал. Семья существует для меня, а искусство - для всех, и если ты получил дар художника, то не зарывай его, а возврати людям сторицей. Когда я говорил ей об этом, она с восторгом соглашалась со мной. И вот, представьте, является ко мне однажды, и вдруг это признание. Помню, как она сидела в кресле, жадно ожидая ответа. - А ты перенесешь меня? - спросил я ее. - У меня привычки закоренелого отшельника, я привык жить один. Согласишься ты жить со мною всегда, а не приходить ко мне, как на праздник?

Тогда она заплакала, стала меня винить в бессердечии, говорить, что мужчины все одинаковы.

- В женщине это естественно.

- Послушайте, что было дальше. Как положено официально, через три месяца она стала моей женой. Странная, нелепая какая-то была эта семейная жизнь! Рожать она уехала к своим родителям, потому что я часто бывал в командировках. Понимаете, с самого начала она была как-то себе на уме, точно затеяла все это с одной любопытной целью: что из этого всего получится?

Во всех моих поступках она искала какую-то заднюю мысль, намекая, что не очень-то верит в серьезность наших уз и может в любое время взять назад свое слово и нечувствительно исчезнуть, и что во всем виноват, конечно, я с моей отчужденностью от семейных обязанностей.

- Она вас намного моложе?

- Мне под сорок, а ей двадцать пять, вот и считайте.

Милов покачал головой.

- Ощутимая разница.

- Почему же? - дернул плечами Затесов. - Красивая, раскованная, экзальтированная, как и положено, выбирающая мужа с положением и солидным жизненным опытом. Это сейчас модно. И потом, я ведь не знал ее раньше так близко. Она приходила ко мне во всем блеске своего оперения, а тут обнажилась ее повседневная, скрытая от меня жизнь.

Стали к ней ходить какие-то подружки, о существовании которых я раньше не знал, и целыми днями, иногда до глубокой ночи делились с нею секретами своей бабьей жизни, и она мне, представьте, сама рассказывала потом об этих секретах. Примитивизм ужасный, и я поражался, как может она с ее интересами слушать одни и те же пошлости и губить свое время с теми, у кого за душой нет ничего кроме спальни и кухни. Очевидно, антипатия к этим созданиям довольно откровенно выражалась в моем обращении с ними, потому что однажды жена раздраженно спросила меня, почему я не умею себя вести как подобает мужчине. Тогда я ей сказал, что от их разговоров отдает запахами плохо проветренной спальни и модного тряпья. Кончилось обычной истерикой.

Затесов налил коньяк на самое донышко стакана и выпил маленькими глотками. В бутылке оставалось меньше половины, и Милову казалось, что он нарочно продляет анестезию своей растравленной памяти. И вместе с тем ему, должно быть, доставляет какое-то своеобразное удовольствие мучить себя, оживляя это прошлое. Может быть, найдя, наконец, исповедника, он решил пройти через катарсис своего покаяния?

- Наивный я человек! Ей просто нравилось обманываться, жить своей волей, а не моими истинами, стесняющими ее "хочу". Она сказала, что ей просто стыдно за меня перед своими подругами, что они по-своему очень несчастны, и если я их осуждаю, высказывая свою нетерпимость, то еще неизвестно, как я жил до нее сам. У нее тоже есть своя личная жизнь, и она не потерпит, чтобы я на нее посягал и заставлял жить по указке. И пригрозила, что если я не перестану себя так вести, то она уйдет... Я еще не надоел вам?

Он снова пересел к двери и закурил, уже не спрашивая разрешения.

- Вот так появилась первая трещина. После того памятного объяснения визиты подружек сократились, зато жена стала уходить к ним и забалтываться до полуночи. Мне кажется,она была настоящей отдушиной для душеспасительных излияний, обладая весьма ценным для этого качеством: могла часами слушать их амурную болтовню, до слез хохотать над их пикантными приключениями и утешать в любовном горе.

- Простите,- перебил Милов,- а ее материнство?

Затесов долго, глубоко затянулся, выдохнул в коридор к потолку сизую струю дыма и укоризненно посмотрел на Милова.

- Грустные струны вы трогаете! Ладно, расскажу и про это... Родился чудесный малыш и любила она его с жаром необыкновенным. Но потом как-то постепенно стало так выходить, что ребенок во всем ей помеха и через год она отвезла его к своим родителям, как и принято сейчас.

- Какая же была причина?

- Мешал ей учиться. Зачем, скажите, надо было затевать весь этот карнавал? Семья, отцовство, любовь, расставанье с сыном, создание всей этой жизни и затем ее разрушение, потому что я "оказался не тем, за кого она меня принимала?" Пре-кра-сно!

Затесов как-то неестественно бодро засмеялся, всплеснул руками и тут же поник, ссутулился.

- Вам никогда не приходилось слушать, как утробно орут в марте кошки? - спросил он вдруг.

Милов улыбнулся.

- Знаете, как-то не приходилось слушать их специально. Орут, ну и что же?

- А вот моя жена однажды в лунную ночь услышала в сквере эту вакханалию и говорит: "Ты послушай только эти звуки предсмертного блаженства плоти". И еще что-то в таком же роде, уже не помню.

- Странное признание.

- И я тоже подумал, - вскинулся Затесов. - Даже растерялся тогда. А, впрочем, я пьян уже изрядно..., и наскучил вам, думаю, тоже изрядно.

Он взглянул на часы.

- За полночь перевалило. Вам где сходить?

Милов назвал свою станцию.

- Ну вот, видите! Давайте спать. Мой коллега уже давно клюет носом.

Они стали укладываться. Поезд, визжа буксами, остановился в ночном поле. Свет в купе так и не включали; Милов увидел в окне разорванные светящиеся по кромке облака. Тучи подходили к луне, дымно сквозясь ее металлическим холодным сиянием; в черно-синих провалах неба слева от луны ярко горели две большие звезды.

Потом Милов лежал в темноте, положив под голову руки, и думал о своей жизни. Ему тоже хотелось рассказать о себе. Да и о чем бы он стал говорить? Вся его семейная жизнь казалась ему прозаической, скучной и заурядной.

Сосед на нижней полке тоже не спал, вздыхая о чем-то. Наконец он поднялся на локте и поглядел на Милова.

- А знаете, - тихо и доверительно сказал он, - вот я с вами все о любви своей говорил, а она так и осталась за семью печатями. Вы задумывались когда-нибудь о красивом женском лице, о тайне его красоты?

- Специально чтобы - не приходилось.

- А я думаю. В лице-то и таится все очарование пола. Даже так вам скажу: пол и есть лицо.

Затесов помолчал, чему-то усмехнулся и продолжал:

- Вы, конечно, валялись на пляжах и видели там женщин с фигурой Венеры, и вот одна деталь: своим совершенством они могут вызвать в нас любование их телесной красотой, но влюбиться в одно тело нельзя... Некоторые ходят специально на эти пляжи для вульгарной интрижки. Но я не об этом. Лежит, ходит этих Венер там тысячи, выставляя свои прелести, но того, о чем я хочу сказать, нет. Тело даже отвлекает от лица, и само это лицо на пляже от заразительной праздности и тщеславия становится заурядным или незаметным. Вам не скучно?

- С вами не поспишь!.. Вы берете человека с такой романтической его стороны...

- Не скромничайте! Психиатрия - наука о больной душе, а разве любовь подчас не болезнь? Уж я-то испытал это, поверьте. И знаете - самое унизительное мученье в той моей истории было то, что я, узнав, что она полюбила другого, воображал все, что было когда-то у нас. Как будто она это самое заветное другому и отдала.

- Разумеется...

- Да! Когда читаешь книги о чужой любви, то переживаешь все эти перипетии страсти чисто литературно, эстетически. Красиво, увлекательно и поучительно... Правда? Но когда пытаешь свою интимную жизнь - и стыдно, и мучительно, и неэстетично!.. Я невыносимо, до презрения к себе отождествился с ее избранником, переселился в него, физически присутствовал в нем с нею...

- Ну, а потом?

- Как раз в то несносное время на нашей студии поставили в план фильм о котиковых промыслах на Чукотке, и я отправился туда с моим другом на полгода. Пусть небо нас не меняет, как говорили древние, но оно может лечить нас забвением. Вернулся я совсем свободным, как будто бы все позабывшим, а потом все снова закрутилось с другого конца...

- Многие через это проходят. Аффективные бури в сфере эротики, патология в силе суждения - это у нас, а в мире - просто трагедии.

- И где ваш разум, кстати, совершенно бессилен.

- Это уже особые случаи.

- А где, скажите, та грань, где норма становится патологией?

- Там, где сознание теряет свою цензуру.

- Хорошо сказано! - Затесов тихо засмеялся. - Но ничего не объясняет.

Он заворочался, укладываясь поудобнее.

- Давайте спать...

Милов карабкался на высокую, затерянную в облаках, скалистую вершину, на которой, он знал, живет в одинокой хижине один какой-то человек, посмевший вызвать его на единоборство. Милов был гордо уверен, что победит, и грудь его полнилась сознанием своего превосходства и близкой, легкой победы.

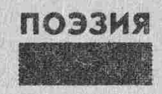
Остро и угрюмо чернели в тумане поднебесные камни, заросшие зеленоватым мхом. Милов хотел подняться и позвать затаившегося врага, и вдруг увидел над собой уходящие в облака ноги гиганта, и тогда понял, что это и есть тот, кого он готовился так легко победить. И сознавая свою крохотность перед тем, кто возвышался над ним, он со стыдом и ужасом почувствовал, что пропадет, погибнет сейчас жалко и беспомощно.

- Вставай! - прогремел над ним голос гиганта. - Вставай!..

В тварном смертельном страхе Милов понял, что, поднявшись, сразу будет раздавлен и в это время проснулся.

- Вставайте! - тряс его за плечо Затесов. - Стучали только сейчас. Через полчаса ваша станция.

Милов радостно закивал и быстро стал собираться, дивясь своей сонной грезе...

Валерий Скрипко

В ПОЕЗДЕ

Лица, лица - ни добра, ни зла...
Пассажиры все - в одной дороге...
На соседей смотрим из угла,
сиротливо поджимая ноги...
День еще проехал или час?
Все считать бессмысленно, дружище,
Если время отрицает нас,
если сердце, руки и жилища
метит сотней трещин и морщин...
Посидим - забавен этот поезд
в окруженьи женщин и мужчин...
Поклониться маме надо в пояс,
что взяла - на радость родила
в день какой-то, неизвестной эры,
словно на экскурсию взяла
в голубое море атмосферы...
Радуйся, что взяли и молчи,
ты такой удачливый, дружище...
В вековечной неземной ночи
будет,что рассказывать не жившим...

СТАНЦИЯ ЗИМА

"...И проводница возится со шлангом,
на все лады ругая духоту"

Евг.Евтушенко

Сибирский город еле проступает

сквозь запустенье окаянных лет...
В нем шанег нет и павой не ступает
красавица в свои семнадцать лет.
В нем как в прихожей - не хватает света,
без кумача о партии - стена,
и площадь - опустевшая планета,
которая землянам не нужна.
Весь вкус земли, даров ее, цветений
как рыбий жир из рыбы удален!
И накакой демократичный гений
нам не восполнит вековой урон.
Но жизнь-живуча, и в согласьи с рангом,
на все лады ругая духоту,
здесь проводник опять бежит за шлангом...
Стих Евтушенко я ему прочту.
И в путь, к морям, к влюбленным снам и высям...
как пахнет упоительно мазут
от старых шпал,
как хвойный запах весел...
И пусть меня сегодня увезут
от пустоты прилавков и от матов
озлобленного люда, суеты...
Свет фонарей мечтателен и матов,
и медленно встает из темноты
красивый город-город расцветает
огнями, и прекрасна тишина...
В нем ничего для жизни не хватает,
и лишь одной поэзии сполна!

НОСТАЛЬГИЯ

В гостинице ковры мне стелет люкс,
хожу по ним, вздыхаю и дивлюсь...
В окне Иркутск, закат за кленом черным

и кирпичем темнеет прокопченным
родного общежития стена...
То не стена, а целая страна,
отсчета точка в жизненном начале:
отпели, отгуляли, откричали
в нем други и подруги и враги
и разошлись как по воде круги.
Молочно-свежи были эти лица...
на целый мир хочу я разозлиться,
что стер их как стирают письмена...
Чернеет прокопченная стена
среди травы заброшенного корта
на лестницах давно известка стерта
плечами бедных парочек тех лет...
На кухне-от гулянок-винный след,
где гибкие как ртуть девичьи станы
на миг даны как дым марихуаны...
погрезил и очнулся, а в окне
корявый клен и сажа на стене...
И весь ты-взрослый-с папкою под мышкой
смешон перед исчезнувшим мальчишкой
серьезностью-не стоящей, отец,
и проволки-девченочьих колец.

РЫНОЧНАЯ СИБИРЬ

Сибирь-бескрайний край,
торговцы в ней угрюмо
глядят на злых прохожих как из трюма...
На совесть здесь уже не напирай,
здесь нет ее, но лес стоит великий...
окаменел от снега октября.
Студеный лес. Студеная заря

и холодно-стальные солнца блики.
И только тем спастись желаю я
от бедствия житейского разлада,
чтобы тайга-надежда и отрада
взяла меня в медвежие края.
Чтоб жить в зимовье у большой печи
и не считать работой труд поденный,
чтоб выходить в шугу на плес студеный,
пока от печки руки горячи.
Зовет к себе лесная полоса,
защита-в ней во всяком катаклизме...
И буду я любить ружье и пса,
не знающего о капитализме...

* * *

Я не люблю природу без людей.
Пусть тишина заснеженного сада
меня влечет: любуйся и владей,
но ничего мне одному не надо.
Стряхая иней, к соснам подхожу
и глубоко вздыхаю поневоле...
Зачем мне это, что я им скажу -
я так же одинок в лесу и в поле.
И с деревом у нас одни права
встречать весну да ждать залетный ветер...
Вот так и будем вместе тосковать,
как два холостяка на белом свете,
оставшись без друзей и без вина
и жадные до блеска городского...
Молчит природа, не ее вина,
что вечером одни остались снова.
Но коль придет хороший человек:
трещат в печи сосновые поленья,
метель поет, в окне танцует снег

и ночь полна и тайны,и значенья.

БРАТСКИЕ МОТИВЫ

Я в Братск вернулся через двадцать лет,
и оглянулся-Братска больше нет.
Где сладкий дым соляры новых Мазов
над чистым срезом скальных диабазов?
И чистота огней волшебной ГЭС?
...Придуманный когда-то мир...
исчез!
Уже теперь навеки потускнели
на стенах нарисованные ели
и дымка грез на синеве витрин,
где счастья я искал совсем один.
Там пахли югом молодые вина...
Свой аромат ангарская долина
замешивала в холод чистых вод,
которые плескались у ворот...
Как женщина дышал асфальт горячий
и как руками,человек незрячий,
кустарник шарил ветками в воде...
И запустенья не было нигде.
Теперь понятно,как легко и резво
своею сказкой на своем отрезке
мы тешимся, не думая о том,
как скушно это смотрится потом...

НА БЕРЕГУ БРАТСКОГО МОРЯ

Нам плыть в далекий леспромхоз,
где сосны,как столбы из меда,
желтеют, окружив извоз...

И всюду дикая природа
в сравненьи с дикостью людской
домашней кажется прихожей...
Тайгою царственной такой
убийца правит с пьяной рожей.
Он пьет чифир, он бьет жену,
а я плыву в его природу,
в лесную странную страну
с дорогой, уходящей в воду.
Летят над нею,как стрижи,
сорожки гибкими клинками...
и нет безмолвнее глуши,
чем от зимовья след над нами.
Как безнадежен этот след,
как прочно здесь забыли Бога...
И в мире том согласья нет,
где в никуда ведет дорога...

ЗАВХОЗЫ КРАСОТЫ

Байкал опять мерцает под крылом.
Люблю как свой большой холодный дом
хребты вокруг, что синевой одеты...
Люблю я вас,сибирские поэты.
Завхозы красоты,в тяжелый час
огромное хозяйство есть у вас:
Шампанский тост о скалы горных речек,
и по тропе идущий человечек,
чуть видимый с вершины,и трава,
что на гольце продутом чуть жива.
Все на учете-от ручья до устья,
от золотых церквей до захолустья.
И бор сосновый,и глухая гарь:
все это-ваш домашний инвентарь.

Хребты встают плечами исполина
и вашу душу требуют как сына...
Житейской не подвластные канве,
вы снова в путь-в студеной синиве.
И остается дача на Байкале,
и как глоток вина в пустом бокале
заката кромка в зелени окна,
и остается добрая жена,
мои поводыри в российской смуте,
вы там-в горах-в природном неуюте
как Лермонтов в грозу у Машука..
И это ваша доля-на века.

* * *

Р. Филиппову

Конференция: Молодость, творчество. Современность 1968 г.

В Иркутске-ряд деревьев куцых,
ветвей обрубыши кругом...
Они безжалостно секутся,
чтоб кроной радовать потом.
Мы ходим юные по рынку,
на съезд поэтов прилетев...
Мы не готовы к поединку
среди державно-гордых дев.
Две-три пронзительные строчки
мы прокричим сигналом SOS...
Но жизнь не ведает отсрочки
и мэры делают разнос.
И вновь печатаются книжки
без нас, забытых на земле.

Мы те же ветки-коротышки
Иркутских чахлых тополей.
Но в окончательность урона
еще не верится пока,
потом, быть может, будет крона
на загляденье землякам.
Потом, как в парке у Ай-Петри,
роскошно засверкают тут
под лунностью неона ветви
и рубщики смотреть придут!

ЧЕРНЫЙ КИТЕЛЬ

Я стать задумал капитаном
и китель черный раздобыл,
чтобы загадочным туманом
украсиъ молодецкий пыл.
Я вышел из гудящей рубки
все осмотреть-на полчаса...
И влажные поджала губки
моя попутчица-краса.
Я не сказлал почти ни слова,
смешной и юный молодец,
она ж со мной была готова
на дно, в огонь и под венец,
Вернулась девушка в обитель...
С глухой обидою своей
я на свиданье черный китель
с товарищем отправил ей!

* * *

И наступают дни,
когда

нам сны бывают жизни краше...
В них-моря нежная вода,
все девушки на море-наши.
Никто ни в чем не возразит,
и душу тешит счастье это..
Там радостен любой визит
и все величие поэта
растет во сне, где любят нас...
и петь так чудно, спать так сладко,
но будни пробуждают нас
и бьют об стенку-для порядка.

На пути к Эльбрусу.

Я вышел на рассвете в то ущелье,
где Лелрмонтов когда-то проходил...
Шумел Баксан,и не было священней
возникших у меня душевных сил...
Не классика, не идола, но брата
я здесь обрел за несколько минут...
Из времени я звал его обратно
у тех ручьев, что речками зовут...
Умру - с тобой мы будем как бы рядом,
два-три столетья в вечности-пустяк,
я тоже обнимал те горы взглядом,
хотя писать про это не мастак.
Да обнимал, да пил их влаги холод,
шершавый камень трогал на скале...
А небосвод по-юнкерски так молод,
и снег вина любого веселей!

Николай Кузаков

МЕДВЕЖИЙ ПРАЗДНИК

День разломился на две половины. Небо как будто соткано из серых волокон оленьей шерсти. Потускнело солнце. Лес точно увял. По горам прокатился тревожный ропот и - затих. Буягир сегодня вышел со стойбища чуть свет. Хотел навестить Кедровое урочище - соболи там любят жить, да вот промашку дал: свалился влево, путь ему преградил крутой отрог. Буягир глянул на его скалистые вершины, крякнул от досады: крепко берегут горы Кедровое урочище. Но ничего, завтра еще день будет.

Круто развернулся Буягир и зашагал в ту сторону, в которой ночует солнце. Там, у слияния двух речек, стойбище его рода. Где же собаки? Они справа шли. Надо дать им знать, что повернул в сторону стоянки.

- Хэй! Хэй!

Буягир прошел немного и опять пугнул лесную тишину:

- Хэй! Хэй!

Вскоре из леса вынырнула Охин - серая сука по второй осени. Бойкая, живая, потому-то ей и дали кличку Охин-искра. Но сердце у нее робкое, без охотника шагу в тайге не ступит. Зверя она не брала, зато на белку - первейшая собака.

- Хэй! Хэй!

Голос Буягира гулко отдавался в горах. У него были еще две собаки: рыжий пес Алтама и Анда-дружок. Они шли стороной. Работящие. Брали зверя, хорошо гнали соболя. Дорожил ими охотник.

Буягир спустился в глухой темный ключ и пошел к его вершине, чтобы там, в вышине, перевалить хребет. Под еловым лесом и мохнатым пихтачом лежал синеватый снег, он еще не глубокий, до оборки амчур: осень только набирала силу. Поэтому ходить было легко, радостно. Охин кинулась в самую гущу леса и залаяла на белку. Буягир снял ее из малопульного ружья и продолжал свой путь.

Горы для охотника сегодня добрые. На поняге висело пятнадцаь белок, за пазухой лежал игольчатый соболь, сам черный, как смоль, а ость серебряная. Такую красоту лесные боги нечасто посылают охотнику. Однако не слепая удача наткнулась на Буягира. В первый же день промысла Охин нашла ему белку, да такую, какой он отроду не видывал: сама белая-белая, хвост красный, будто кусочек пламени, а кисточки на ушах черные. Долго дивился Буягир. В это время ему как будто кто-то на ухо шепнул: это же беличий Князек. Снял он шкурку и приподнес ее горам: повесил на сучок дерева. Вот теперь Добрые духи и будут благосклонны к нему: не пожалел им дорогого зверька, а подарки любят отдарки.

Перевалил Буягир хребет и вышел к вершине речки Ангарок. Невдалеке от ее устья и находится стойбище. А день кончался, от него самая малость осталась, пожалуй, хватит только две трубки выкурить. Поторапливаться надо. Ночью по лесу, какой леший, ходьба: ни один сучок не минуешь, всю одежонку издерешь. И зашагал Буягир по приречным косогорам. Хотя он четвертый десяток в узел завязал, но был в самой силе. Поджарый. В теле ни жиринки, одни тугие мускулы. Со скуластого лица смотрели живые дерзкие глаза. Одет Буягир легко: на ногах амчуры, на плечах старая оленья парка, волос из нее давно уже высыпался, на ровдуге остался один пух. Для зимы такая одежда не пригодна - околеешь. А сейчас в ней само то: не жарко и движения не сдерживает. На голове рыжеватая пыжиковая шапка. Буягир добывал сохатых, диких оленей, много раз хаживал на медведя. Закалила его охотничья жизнь, перед любой опасностью не дрогнет сердце. Только вот с лесными духами дело обстояло хуже: побаивался он их иногда, а поэтому ублажал как мог.

Буягир по дороге еще двух белок взял. А солнце уже до ночной стоянки добралось, с вершины гор место высматривает. Облака над ним красной лисьей шкурой распластались. Ветер усилился, тесно ему стало в распадках, злится, раскачивает деревья, кидает на землю сухие ветки. А то взберется на вершины гор и давай в скалах ухать филином. Все зверьки попрятались в дуплах. Буягир покосился на красные облака. Ночь сегодня скоро придет. Худо будет охотнику, который в лесу замешкается. Буягир не раз коротал у костра такие ночи. Беда, какие длинные они.

Поднялся Буягир на приплечек соснового бора. Место здесь крепкое. Островками разбрелись молодые сосенки. На земле

черные обугленные колодины: видно, когда-то большой пал прошел. Охин засуетилась вокруг лесных островков: чей-то след почуяала. Сделала несколько кругов и дврут замерла у корявого высокого пня. Буягир замедлил шаг, любопытно ему, кто это еще в такую непогоду спать не лег. Охин наклонила голову. На загривке у нее медленно поднялась шерсть, хвост так же медленно опустился между ног и прижался к брюху. Она некоторое время постояла в оцепенении и вдруг издала душераздирающий визг и кинулась под ноги охотнику. Только теперь Буягир приметил возле пня небольшое углубление, а на сосенках обломанные ветки. Амака постель себе готовил. А Охин продолжала голосить с завыванием. В глазах у нее стоял ужас.

- Та! - прикрикнул на сучонку Буягир.

Охин сорвалась с места и исчезла в лесу. Буягир глянул на берлогу под пнем и проговорил:

- Спи, дедушка. Тебя никто не видел. Это глупая собачонка на рябчиков тявкала. Уже ночь. Ветер большой. Никуда не ходи. Без костра в лесу замерзнешь. Прощай, однако.

Буягир спустился с бора, вышел на звериную тропу и заспешил на стойбище. Хорошо, что зверовые собаки Алтама и Анда прошли стороной, иначе бы подняли из берлоги хозяина гор. А у Буягира малопулька, с ней только глухаря промышлять. Да и Охин, беда, какая пугливая. Охота на белку кончится, надо ее на мохнатки пускать, а то когда-нибудь приведет на хвосте зверя, не успеешь моргнуть, как в его лапах будешь. С трусливой собакой у охотника век короткий.

Вдали среди деревьев показалось стойбище - десять чумов, обтянутых оленьими шкурами. Возле некоторых из них горели костры. Слышались детские голоса. Хоркали олени. Лаяли собаки. Возле Буягира, точно из-под земли, вынырнули Алтама и Анда. Охотник потрепал их по загривкам.

- Умаялись. Сейчас Толгача накормит вас. Отдыхайте. Завтра много работы будет.

А ночь как будто поджидала Буягира. Она свалилась на горы косматой смоляной шубой, и все вокруг утонуло в глухой морозной мгле. Буягир привязал собак, чтобы они не ввязались в драку и не покалечились, снял ружье, понягу, откинул полог и вошел в чум. Посредине его топилась железная печка, за ней на березовом столбике горела семейная керосиновая лампа, возле которой жена Буягира Толгача шила торбоза. Она гля-

нула на мужа, отложила шитье и встала. Буягир поставил возле входа понягу, ружье, положил соболя, разделся, сел с левой стороны печки на оленью шкуру и раскурил трубку.

В чуме было тепло. Раньше старики костром пользовались. От дыма спасения не было, глаза выедал, слепли люди. Когда в тайгу пришли русские, эвенки увидели у них железную печку, сами испытали, шибко понравилось. И с лампой хорошо. Только дух от нее худой: когда одежда пропахнет, зверь далеко чует, беда, как пугается.

Толгача поставила на печку котел с мясом, глянула на мужа и спросила:

- Охин давно пришла. Пошто одного охотника в тайге бросила? Подумала, ладно ли что с тобой. Совсем негодная собака.

- Молодая еще. Учить надо, - ответил Буягир.

- Хорошо ли тебя сегодня горы встречали?

- Большая удача сегодня со мной вместе ходила.

Толгача достала самодельной деревянной ложкой кусочек жирного мяса из котла, открыла дверцу печки и вместе с бульоном выплеснула его в огонь: пусть хозяин огня будет всегда добрым к их чуму.

Пришел Базюкан, пытливо глянул на отца. Парню шел только семнадцатый год. Был он еще худощавый, угловатый, но в охоте уже кое-кому наступал на пятки.

- Много ли белок взял, ама[x]? - нетерпеливо спросил Базюкан.

- Погляди, - Буягир кивнул на понягу.

Базюкан присел на корточки, пересчитал белок, встал с сияющим лицом.

- Семнадцать... А я двадцать две принес.

- Однако, любят тебя горы, - проговорил Буягир и посмотрел на сына с лукавинкой. - Ты за понягой смотрел?

- Нет.

- Так посмотри.

Базюкан достал из-за поняги соболя.

- Хэк! - воскликнул от удивления Базюкан. - Шибко хороший.

---

[x] Ама - отец (эвенк.).

Ты погляди, эние(х), - Базюкан передал соболя матери.

Толгача бережно приняла зверька.

- Красивую шубу надел. Уважает охотника.

Поужинали. Базюкан сел обдирать своих белок, а Толгача - соболя. Буягир достал бердану и стал ее чистить. Пришел его старый друг Кокурей, кряжистый могучий мужик. Следом появились Дерба, сухопарый и длинный, как жердь, охотник, кривоногий старик Ангиды - лесной отшельник, прозванный так за угрюмый вид и неразговорчивость. Толгача поставила перед мужчинами по деревянной чашке, налила в них крепкого чаю и снова занялась своими делами. Через три дня весь род разобьется на три группы. И каждая группа пойдет своей охотничьей тропой. И встретятся сородичи только глубокой зимой на болзоре (хх). Теперь же мужики советовались, кому возле каких охотничьих угодий держаться.

Буягир разговаривал, а сам думал, как охотникам дать понять, что он нашел берлогу и завтра надо идти промышлять зверя. Напрямую об этом объявить нельзя: медведь хоть и зверь, но зверь, посланный на землю небесными божествами. Поэтому он и сам божество, только маленькое. И если подслушает, что мужики затевают на него охоту, то им не миновать беды.

- Как тебя Кедровое урочище встретило? - спросил Буягира старик Ангиды. - Раньше я там хорошо брал белку и соболя.

- Не дошел я. Дорогу скалистая гора загородила.

- Да-а, место там шибко обманное. К нему по ручью от заката солнца заходить надо.

- Завтра по другой тропе пойду. Выдру промышлять надо.

Охотники задумались: неладно что-то с Буягиром. Речка Ангарок мелкая, зимой промерзает, поэтому рыба скатывается из нее в большие реки. Если выдра сюда прикочует, пропадет с голоду. Об этом даже ребятишки знают.

- Выдра между двумя большими кривунами поселилась, - продолжал Буягир. - Мохнатая. Черная. В омуте прячется. Во льду дыры сделала. Заткнула ее мхом да ветками.

Базюкан отложил нож, белку. Испытывающе посмотрел на отца. Пошто выдра будет затыкать мхом дыры во льду? Да она

(хх) Болзор - место встречи, лесная ярмарка, куда приезжают купцы с товарами (Примеч.автора).

и не умеет это делать. Понял Базюкан, о ком речь идет. Охотники сделали вид, что верят Буягиру. А он продолжал:

- Я вот и ружье приготовил, - Буягир кивнул на бердану.

- Нужны ли тебе помощники? - спросил Кокурей.

- Хотел тебя позвать, Кокурей. Да тебя, Дерба.

Кокурей с Дербой переглянулись.

- Мы согласны, - ответил за обоих Кокурей.

- А ты, амака, - обратился к старику Буягир, - утром отправь женщин в лес, пусть ездовых оленей пригонят.

- Женщины пригонят оленей, - ответил старик Ангиды.

- Меня возьми, ама, -попросился Базюкан.

Буягир подумал, потом глянул на сына и коротко бросил:

- Собирайся.

- Когда выходим? - спросил Кокурей.

- Как только солнце проснется и отгонит ночь, так и пойдем.

* * *

Была ночь. Неиствовал ветер. Жутко ему было в кромешной тьме. Он метался с диким стенанием над одиноким стойбищем. И не было ему в этом мире пристанища.

Буягир вышел из чума. В руках у него была пальма. На плече висела бердана, на поясе в берестяном чехле нож. Вокруг стояла торжественная тишина. В красном мареве зари купалось солнце. Всюду белел молодой снег. От него веяло прохладой. Из чума вынурнул Базюкан, кинул на плечо малокалиберную винтовку.

- Отвяжи собак, но с поводков не спускай, - дал указание сыну Буягир.

Из-за соседнего чума показался Кокурей. На поводке он вел собаку. На острие его пальмы играли солнечные блики. Он подошел к Буягиру, поздоровался. Следом появился Дерба. Привел собак Базюкан. Буягир глянул на солнце и проговорил:

- Пожалуй, пора.

Охотники спустились с бора, в наволоке вышли на звериную тропу, присыпанную снегом, и цепочкой потянулись рядом с речкой. Впереди, слегка раскачиваясь, шел Буягир. Он зорко посматривал на лес, точно простреливал его. Следом за ним широко шагал длинноногий костистый Дерба. Шапка его была

сбита набекрень. В зубах дымилась трубка. На сухощавом лице беспечное спокойствие, как будто он шел от нечего делать прогуляться по молодой пороше. Кокурей, массивный, тяжелый, шел неторопливо, но ходко. И казалось, что тесно ему было на узкой звериной тропе. Шествие замыкал с собаками на поводках Базюкан. Он старался быть солидным, ведь не зайца, а зверя идет промышлять. На его мальчишечьем лице проступала горделивая радость.

Буягир волновался, не ушел бы зверь. Залег он в берлогу недавно, спит еще чутко. И если почует, может уйти. А на воле его взять куда трудней, чем в берлоге. Верно, у Буягира собаки добрые, не дадут ему ходу.

Солнце сбросило с себя красный утренний наряд, засветило ярко, весело. Ночной снег заиграл девственной белизной, заискрился. Упругий лесной воздух накалился, приятно обжигал щеки. В ядреной тишине среди гулких перестуков дятлов слышалось радостное щебетание синиц. Потрескивали деревья. С небесной выси на охотников задумчиво смотрели горы. Величественное торжество природы. И казалось, нет силы, которая могла бы его нарушить. Но у жизни свои законы, неумолимые, суровые. И с этим ничего не поделаешь.

Буягир остановился под приплечком у вчерашнего следа, присыпанного снегом, кивнул на молодой лес, среди которого тенел корявый пень, и проговорил:

- Однако, там, под пнем, вчера отдыхала выдра.

- Собак спускать? - спросил Базюкан.

- Нет. Там, у гнезда, спустим. Рубите, мужики, заломы, - обратился Буягир к товарищам.

Кокурей срубил сподручную сосну, разделал ее на два кряжа, метра по четыре, один кряж взял на плечо, второй поднял Дерба, и охотники двинулись в гору. Вот и приплечек. Спустили с поводков собак. Буягир движением головы показал на небольшое углубление возле пня и проговорил:

- Заламывайте цело.

Кокурей и Дерба подошли к берлоге с двух сторон и спустили концы кряжей в цело. Медведь в берлоге ворохнулся и недовольно фышкнул. Собаки кинулись к берлоге и подняли лай. Буягир встал напротив цела. Кокурей и Дерба держали на прицеле лаз с боков. Базюкан держался немного в отдалении, чтобы не мешать охотникам. Медведь показал на мгновение голову над заломами и так рыкнул, что земля под ногами

вздрогнула. Собаки отскочили, но тотчас же с громким лаем насели на цело.

- Ты не сердись, амака, - проговорил Буягир, обращаясь к берлоге. - Удержи свой гнев. Это не тунгусы к тебе пришли, а якуты заблудившиеся. Помаленьку вылезай, амака, подставь под выстрел убойное место. И ты вечный покой обретешь, однако. Будешь перенесен в угол чума, обильного пищей, в угол чума, обильного питьем.

Медведь вновь издал страшный рык. Казалось, что это все злые силы пришли в ярость и, если они вырвутся из-под земли на волю, то никому не будет пощады. Собаки свирепели, все смелее наседали на цело. Медведь, раздражаясь, фышкнул, махнул лапой перед их мордами, лупанул по заломам, которые мешали ему, наружные концы их подпрыгнули. Кокурей и Дерба наступили на них. Рык медведя и лай собак смешались в неистовый рев, от которого холодела в жилах кровь.

Буягир держал бердану наготове. У медведя же кончалось терпение, вот-вот он должен был рвануться из берлоги на собак. В это время Буягир увидел, что пень валится на него. Крыша берлоги открылась, и в ней показалась огромная черная туша медведя, как будто сам злой дух. Буягир отпрыгнул от падающего на него пня, запнулся на корягу и упал на колени. В это время прогремело два выстрела. Буягир порывисто встал и перед собой увидел тушу медведя, которая, точно грозовая туча, закрыла собой и лес, и небо. Стрелять было поздно, да и бесполезно: в таких случаях даже мертвый зверь успеет покалечить, а то и убить. Буягир в одно мгновение отбросил бердану и поставил перед собой пальму. Медведь грудью напоролся на нее и завис, махнул лапой, но удар пришелся скользом по боку, громадные когти задели за парку и разодрали ее. Буягир пошатнулся, но устоял. Опять один за другим прогрохотали два выстрела. Медведь издал глухой стон и обмяк. На него насели собаки и начали рвать шерсть. Буягир завалил медведя набок и выдернул из его туши окровавленную пальму.

Подошли разгоряченные Кокурей и Дерба. За ними остановился Базюкан. Бледный, растерянный, он смотрел то на громадную тушу зверя, то на отца. Ему издали показалось, что медведь смял его. А Буягир смахнул с лица испарину, поставил к дереву пальму, поднял бердану, стряхнул с нее снег и поставил рядом с пальмой. Глянул на разодранную парку и покачал головой:

- Бедовый, однако, зверь попался: одежонку маленько попортил.

Буягир опустился на колени перед медведем, обнял его голову и заговорил:

- Ты добровольно пришел, амака. Здравствуй. Спасибо. Умер только потому, что любишь охотников. Решил накормить детей и женщин. Ты сам этого хотел. Сам подставил место для смертельного удара. Смерть от охотника - это награда на всю жизнь, удовольствие. Плохо о нас не думай. Когда наши дети станут большими, не трогай. Теперь отдыхать, однако, будешь.

Буягир встал. Кокурей набросил на шею медведя удавку из сыромятного ремня и затем ремень привязал за сосенку. Это делалось для того, чтобы душа зверя не улетела, а осталась вместе с ним. На сучок он повесил стружки. Дерба перед головой развел небольшой костер и положил на него ветки можжевельника. Ароматный дымок окутал голову зверя. Пусть хозяину тайги будет приятно, и он не ощутит горечи смерти.

И только теперь охотники присели на колодину и закурили.

- Базюкан, - обратился к сыну Буягир. - Иди на стойбище. Пусть мужики ведут оленей с нартами. А ты съезди к лабазу за священной посудой.

Базюкан проворно сбежал с приплечика и скрылся на звериной тропе.

- Пошто этот сумасшедший пень завалился? - глядя на вскрытую берлогу, проговорил Буягир.

- Корни сгнили, - ответил Кокурей. - Заломами пошевелили, он и упал.

- Шибко сильный зверь, - кивнув на медведя, проговорил Дерба. - Две первых пули остановить не могли.

Невдалеке на сосенку опустилась рыжая кукша, покрутила головой, мяукнула и плавно скользнула в мелколесье. Собаки подняли головы, прислушались: ничего серьезного. Вновь свернулись в клубки. Охотники проводили кукшу добрыми взглядами. Это - птица удачи. Она всегда появляется тотчас после меткого выстрела.

- Беда, как напужал меня амака, - признается Буягир. - Думал, пришла, однако, пора к предкам кочевать.

- Шибко умный зверь, - покачал головой Дерба. - Я рядом стоял, он меня чуть боком не задел, а на тебя бросился. Знает, ты берлогу нашел, тебя хотел наказать. Шибко умный, однако.

- Зачем ты ему нужен? - проговорил Кокурей.

- Как так? - удивился Дерба.

- Да у тебя одни жилы да кости. И длинный: целую неделю, однако, есть надо.

Лица охотников осветили улыбки.

- А пошто тебя побрезговал? - простодушно спросил Кокурея Дерба.

- У меня зубы крепкие, - ответил Кокурей.

- Пошто амаке твои зубы? Ему мясо подавай.

- Так я укусить больно могу.

- О, лешай, - махнул рукой Дерба.

Посмеиваясь, Буягир встал.

- Давайте свежевать зверя.

Охотники развернули зверя на спину. Буягир на его брюхо положил пять палочек. Они означали ягушки-застежки женского халата. Медведь когда-то был женщиной. Вот как это было.

Бог Тангара спустил медведя на землю. Долго: может, год, может, два, бродил медведь по тайге. Все звери, которых он встречал, с испугом разбегались. Медведь был обречен на одиночество. Но однажды он увидел женщину, которая собирала ягоды. Медведь приблизился к ней. Женщина поведала ему, что весь ее род вымер от страшной болезни и она осталась одна. Так они стали жить вместе. Вскоре она превратилась в медведицу. А зимой родила медвежонка. Так пошел род этого зверя. Поэтому груди и форма тела у медведя без шкуры как у женщины.

Кокурей разрезал палочки пополам. Это означало, что он расстегнул халат. И охотники стали снимать шкуру. Раздели брюхо. Отняли передние лапы по суставу вместе со шкурой и когтями.

Буягир, Кокурей и Дерба ободрали туловище, а затем торжественно отделили голову прямо в шкуре и положили ее на на постеленные ветки. После чего они лентами-брусьями сняли сало и приступили к расчленению туши по частям. Большой грех ломать или рубить кости медведя. Если такое кто-то совершит, то будет жестоко наказан: его станет преследовать душа медведя в образе Злых духов, и он даже зайца на варево не добудет.

Управившись с разделкой туши, охотники развели небольшой костер и присели возле него. Буягир достал кисет с табаком, который пошел по рукам. Буягир нашел берлогу, он был хозяином зверя. Закурить его табак, значит, разделить с ним удачу. Охотники знали, что на стойбище их уже ждут. Предстоит медвежий праздник. Такая радость на стойбище заглядывает редко. И виновниками этого события будут они, трое охотников.

- Ты, Дерба, сколько согжоев взял? - спросил Кокурей.

- Двух. Да сохатого.

- А мне не повезло. Один раз выследил диких оленей. Смотрю, на склоне горы матка пасется, маслухи ест. Подкрался я на выстрел. Поднимаю ружье, прицеливаюсь. В это время бык вышел из-за кустов и загородил матку. Плюнул я и пошел домой.

- Совсем Кокурей ума лишился, - проговорил Дерба. - Стрелять надо было, двух бы сразу добыл.

- Где ты раньше-то был? Подсказал бы...

Дерба в сердцах сплюнул. Буягир, гляда на него, весело рассмеялся.

Издали донесся стук нарт, пощелкивание копыт и фырканье оленей. Охотники встали. Буягир вышел на открытое место и, когда внизу показались ездовые на оленях, он махнул рукой и крикнул:

- Сюда!!!

Охотники на две нарты сложили мясо и сало, а на третью шкуру с головой. Олени, почуяв медвежий дух, кидались из стороны в сторону, дыбились, били копытами. Мужики кричали на них, успокаивали, но бесполезно. Наконец, этот шумный, встревоженный обоз двинулся к стойбищу.

Солнце купалось в синеве нёба, как в горной наледи. Снег за утро задубел и потерял свою первозданную белизну. На нем узорами лежали серые тени от деревьев. Всюду на пнях, точно из заячьего пуха, лежали пышные шапки. Они, как белые птицы, внимательно следили за обозом.

На этот раз Буягир шел последним. Он не был тщеславным. Но своим достоинством дорожил. Таежники всегда в мужчине ценили ум, силу, отвагу и доброту. Сегодня он вновь показал, что тайга его сердце закалила добротно. Его сородичи теперь уже, наверное, от Базюкана все знают, как он принял смер-

тельно раненного зверя на рогатину. А во время болзора молва о нем как о храбром охотнике разлетится по всей тайге. И его будет приглашать в каждый чум как самого желанного гостя.

Обоз с мясом остановился у чума Буягира. Первой его встретила Толгача. Она была в нарядной праздничной дошке-парке из темной оленьей шкуры, в торбосах из белого камуса, украшенных узорами из разноцветного бисера. Не по годам еще стройная, смуглолицая, с добрым задумчивым взглядом, она подошла к передней нарте, на которой лежала шкура с головой, поклонилась ей и проговорила:

- Здравствуй, амака. Мы тебя давно в гости ждем. Ты в дороге проголодался. Проходи в чум. В роду у нас женщины-хозяйки хорошие. Мастерицы большие. Угощение тебя вкусное ждет.

К Толгаче гурьбой подошли разнаряженные женщины всего стойбища. В руках у бабки Хаки, низенькой и толстой, похожей на синицу, была священная деревянная чаша, в которой дымился трут. Женщины торжественно с песнями пошли вокруг нарт по ходу солнца.

Ты, владыка гор и лесов,

Пошли много зверя разного.

Охотникам большую удачу,

А женщинам отважных сыновей.

Женщины обошли вокруг нарт. Мужчины бережно подняли медвежью шкуру с головой и поднесли ее к слуховому отверстию чума. Внутри чума ее приняли другие мужчины и положили на специальный помост за печкой так, что голова смотрела в передний угол. Перед ней на помосте было оставлено немного места. Буягир перед головой поставил чашу с водкой, положил кисет с табаком и раскурил трубку. Нарезая вяленого мяса и наломал кусочками лепешку, испеченную в золе костра. Охотники считали, что медведю присуще все человеческое: он пьет, курит и употребляет все яства. Затем Буягир поднял чашу, отпил немного водки, закусил вяленым мясом, покурил трубку и положил ее на место. После этого жестом руки пригласил своих друзей проделать то же самое. Для каждого мужчины считалось великой честью разделить трапезу вместе с амакой.

А тем временем в отдалении от стойбища на веселом взгорке охотники, свободные от трапезы с медведем, поставили просторный чум, прикрытый ветками. Посредине его развели ко-

стер. Над ним повесили с водой священный котел, в котором можно варить только медвежье мясо. Сюда на нартах доставили медвежатину. Запустили в котел грудину, ребра, позвонки, лопатки. Занимались этим только мужчины, женщинам было запрещено входить в этот чум, варить медвежье мясо передней части, прикасаться к священной посуде.

Но какой может быть праздник без женщин? Это равносильно свадьбе без невесты. Женщинам разрешалось есть мясо только задней части туши. Они это мясо могли варить сами в повседневной посуде. Но доставить его женщинам из медвежьего чума должны мужчины.

- Базюкан, - обратился к парню старик Ангиды. - Хозяин гор шибко хочет, однако, порадовать женщин и детей.

И вот Базюкан и еще трое парней положили куски мяса на берестяные листы и торжественно, на вытянутых руках, понесли его на стойбище. Женщины их уже поджидали. В чуме Кокурея было открыто слуховое отверстие. Парни подошли к нему. Женщины приняли мясо и захлопотали возле очага.

Сердце, печень, почки, передние лапы старик Ангиды завернул в бересту и отнес на лабаз. Главное блюдо из головы, внутренностей и лап будет готовиться завтра утром. После чего состоится захоронение костей. А сейчас надо мясо сварить так, чтобы оно хорошо отставало от костей. Иначе во время трапезы можно ножом повредить кости, а этого боги не простят охотникам.

А в чуме Буягира продолжала царить торжественная обстановка. Мужчины сидели в переднем углу кругом на кумаланах - ковриках из шкур голов зверей. Они по очереди брали трубку, делали затяжку и клали на место перед головой медведя со словами:

- Спасибо, амака, шибко хороший у тебя табак.

- Не забывай нас, амака, в гости присылай своих сородичей.

- Благодарим тебя, что пришел к нам побеседовать.

Из глубины стойбища донесся крик:

- Ку-ку!

Это парни во главе со стариком Ангиды несли котел с мясом. Кокурей встал и открыл слуховое отверстие, которое на этот раз расширили и опустили до самой земли. Парни поставили котел в чум, мужчины подхватили его и перенесли в передний угол.

Откинулся полог, и первым в чум вошел старик Ангиды.

- Здесь ли гостит владыка гор? - спросил старик.

- Здесь, амака, - ответил Буягир. - Проходи, тоже гостем будешь.

Старик прошел к медвежьей голове, взял чашку, отпил из нее глоток водки, сделал несколько затяжек из трубки, затем поцеловал нос медведя (эвенки считали, что душа медведя обитает в носу) и проговорил:

- Спасибо, мудрый хозяин тайги. Хорошее у тебя угощение.

Старик Ангиды сел возле котла на кумалан. То же самое проделали все охотники, которые пришли с ним. Все уселись. Осталась только стоять жена Буягира Толгача. Одной ей из всех женщин разрешено было присутствовать на пиру с мужчинами и есть мясо от передней части медведя, так как она была из чужого рода. Буягир взял священную деревянную ложку, на ручке которой были вырезаны птицы и звери. Он зачерпнул из котла варева и крикнул:

- Ку-ку!

Опорожнил ложку и передал ее рядом сидящему старику Ангиды. Тот тоже зачерпнул ложкой супа и крикнул:

- Кар-кар!

Опорожнил ложку и передал соседу.

Так каждый охотник, прежде чем опорожнить ложку, издавал крик, подражая какой-нибудь птице. Это проделывалось для души медведя. Пусть она думает, что не люди едят мясо, а птицы. Когда последний мужчина отпробовал похлебку, к котлу подсела Толгача. Она также, зачерпнув ложку варева, прокричала:

- Курлы-курлы!

И только после этого стала есть мясо, которое хозяин чума наложил горой в священное деревянное блюдо.

А женщины стойбища находились в чуме Кокурея. Точно так же, строго соблюдая обряд, они приступали к трапезе.

* * *

Буягир в кругу семьи неторопливо, с глухим равнодушием пил чай. Одурь от чрезмерной еды и сна постепенно проходила. Буягир, привыкший к постоянной ходьбе, от длительного без-

действия испытывал усталость. Утолив жажду, он налил в чашку крепкого чаю и поставил ее перед медвежьей головой со словами:

- И ты испей, амака. Когда в другой раз встретишь меня в тайге, жену мою или сына моего, вспомни угощение. Всегда добрым будь.

Буягир нахлобучил шапку, надел парку и вышел из чума. С северной стороны над горами громоздились темные облака. По стойбищу шнырял сырой холодный ветер. По лесу катился протяжный монотонный гул. Где-то вдалеке кричал голодный ворон. Увидев Буягира, от соседнего чума подошел Кокурей. Друзья поздоровались, присели на сухой кряж, приготовленный для дров. Закурили.

- Пожалуй, снег к нам идет с северной стороны, - поглядев на небо, проговорил Кокурей.

- Если большой упадет, шибко испортит нам охоту: по глубокому снегу, однако, собакам тяжело будет ходить за соболем.

- Придется речек придерживаться. Возле них всегда меньше снега.

- Так, однако. Жалко горы: в них больше зверя.

- Оно так. Да что делать?

- И оленям добывать ягель трудно будет.

Стали подходить и другие охотники. Когда все собрались, Буягир встал, спрятал в карман трубку и проговорил:

- Однако, пора в священном чуме огонь разводить.

- Пора, пожалуй, - за всех ответил старик Ангиды.

Буягир вошел в чум, остановился перед медвежьей головой.

- Отдохнул, амака. Теперь покочуем в священный чум.

Буягир вынул из берестяных ножен нож, отрезал голову медведя от шкуры и понес ее на вытянутых руках. Когда он вышел из чума, охотники закивали головами.

- Здравствуй, лесной владыка.

- Милости просим в новый чум.

- Пусть тропа твоя будет без колодин и ям.

Охотники в торжественном шествии двинулись за Буягиром. Старик Ангиды взял с лабаза внутренности и лапы. Вышли за стойбище. Буягир на тропе увидал сучонку Охин, ту самую, которая нашла ему берлогу. Узнала Буягира, обрадованно вильнула хвостом и бросилась к нему. Но в это время в

нос ударил медвежий дух. Сучонка на всем скаку затормозила. Со страхом глянула на Буягира, поджала хвост и с диким воплем кинулась с тропы в лес.

- Беда, какая отчаянная, - сказал Кокурей.

И веселый смех пробежал по толпе.

Вот и священный чум. Буягир занес в него голову, положил ее осторожно на настил из жердей. Тотчас в чуме вспыхнул костер. Над ним повесили котел со снегом. Несколько мужчин стали готовить ложе для захоронения костей. Невдалеке от чума они срубили четыре дерева и на пнях, которые были выше человеческого роста, стали сооружать помост. Буягир передохнул немного и приступил к обработке головы. Первым долгом он стал вырезать глаза, приговаривая:

- Ку-ку, это, амака, не тунгусы у тебя вынимают глаза, а выклевывают их птицы глупые: кедровки рябые, вороны шумливые, гагары нырючие.

Буягир вынул глаза медведя и подал Кокурею. Тот их завернул в стружки. Теперь Буягир стал обрезать уши.

- Это, амака, не люди тебе больно делают, а муравьи щекочут.

Затем Буягир вырезал язык. Все это: глаза, уши, язык, - Кокурей завернул в стружки, перевязал сыромятным ремешком и подвесил высоко к жерди, чтобы не смогли достать собаки. Буягир снял с головы шкуру. Кокурей взял специальный маленький, как игрушечный, топорик и четырьмя точными ударами сделал на левом виске отверстие. Если варят голову медведицы, то отверстие делают на правом виске. Сняли шкуру с лап и отделили когти.

А тем временем натаяла вода. Старик Ангиды запустил в котел голову, лапы, внутренности. Буягир вышел из чума. Увидел помост, обошел его, доволен остался.

* * *

И вот охотники вновь сидят у Буягира в чуме вокруг котла.

- Ку-ку!

И пошла ложка по кругу. Буягир достал из котла медвежью голову и положил на деревянное блюдо. Затем узкую березовую лопаточку запустил в отверстие на виске. Делал он это с какой-то колдовской таинственностью, неторопливо.

- Ку-ку!

Буягир достал лопаточкой кусочек мозгов и положил в рот. Прикрыв глаза, он некоторое время сидел неподвижно. Очнувшись, передал лопаточку соседу, пододвинул к нему голову. Для охотников это был самый торжественный момент. Через мозги они общались с самим таежным божеством, набирались у него мудрости. Потом очередь дошла до сердца. Каждый старался кусочек его проглотить целиком. Все верили, что медвежье сердце сделает человека сильным, мужественным, бесстрашным. Отведали и медвежьих лап, чтобы не знать в ходьбе устали.

* * *

День утонул в сером мраке снежных туч. Охотники, столпившись у помоста возле священного чума, с тоской посматривали на небо. К ним подошел старик Ангиды и поставил на землю мешок с медвежьими костями. Буягир вынул из него череп и в отверстие на виске насыпал ягод, протолкнул кусочки вяленого мяса, стружки, мох. Затем с помощью товарищей натянул шкуру, приладил к ней уши, вставил глаза и в пасть вложил язык.

Старик Ангиды одобрительно кивнул головой и встал на чурку. Буягир подал ему голову. Тот осторожно положил ее на помост в направлении востока. Теперь ему последовательно стали подавать позвонки, ребра, кости лап. Когда старик полностью восстановил скилет, сошел с чурки, приложил руки к груди и заговорил:

- Спасибо тебе, царь зверей, что ты приходил к нам в гости. Когда боги нарастят на твои кости мясо, ты еще приходи. Не забывай наших детей и внуков. Для тебя всегда у нас найдется угощение. Прощай, пока, однако.

Теперь все посмотрели на Буягира. Он шагнул на место старика.

- Спи, амака, - заговорил Буягир. - Эвенки никогда тебе не желали зла. Пошли нашему роду удачу. Чтобы охотники много добывали зверей. Чтобы парни росли сильными и смелыми. Чтобы приплод у оленей был хороший. Шагай в свое урочище. Больше тебя никто не будет беспокоить. До свидания, однако.

КОРОТКО О КНИГАХ

РОМАН-ЗАВЕЩАНИЕ ВАЛЕНТИНА ПИКУЛЯ

"Барбаросса" - первая книга двухтомного романа В.Пикуля "Площадь павших борцов" ("Наш современник", 1991, NN 2-8) - о незабываемой Сталинградской эпопее, потрясшей мир мужеством и героизмом славных сынов России. Это последнее произведение писателя: жизнь оборвалась, когда ему оставалось завершить последнюю главу и написать обращение к читателям.

Как свидетельсвует Антонина Ильинична Пикуль - жена писателя, "Валентин Саввич не думал писать этот роман - его, как известно, интересовали более отдаленные по времени события. И лишь когда стали известны подробности гибели его отца, он обратился к изучению Сталинградской битвы"(1).

Отец писателя - полковой комиссар Савва Михайлович Пикуль - погиб в Сталинграде. "Он вместе с морскими пехотинцами держал оборону в Доме пионеров и, по всем имеющимся сведениям, там и погиб. Но помогли узнать новые детали юные следопыты. Оказалось, что отец был тяжело ранен в голову и его хотели переправить через Волгу. Но переправа была кромешным адом, там отец и погиб. Похоронили его вместе с другими нашими воинами на левом берегу. Вот, когда я об этом узнал, я и задумался: вообще, что такое Сталинград? С этого и началась моя работа над романом. А так бы я за него и не брался. Вот эта информация о гибели отца и послужила толчком..." - рассказал Пикуль в одном из своих последних интервью (2).

Пикуль верен своей художественной традиции: его интересует п о л и т и ч е с к и й портрет истории, а потому "Барбаросса" - политический роман, со всеми присущими этому жанру особенностями: основу его сюжета составили хитросплетения военной стратегии, непостижимые по своему накалу политические страсти и борения, лукавые игрища международной дипломатии, за котрыми стоят люди, чаще всего неведомые внешнему миру, вершащие судьбы народов, государств и правительств...

Если всмотреться вглубь событий, Сталинград знойного лета 1942 года - не только отчаянная схватка советских людей с фашистским зверем, это ключевой фактор всей мировой политики, от которого напрямую зависели судьбы человечества. О Сталинградской битве написана огромная библиотека: научные исследования, мемуары фронтовиков, художественные и документальные произведения. Чтобы прийти к политическому пониманию этой трагедии, осмыслить ее подспудные причины и следствия, писатель детально изучил более 500 отечественных и

---

(1) Пикуль А.И. К читателям // Наш свременник. - 1991. - № 2.

(2) Пиуль В.С. Интервью журналу "Политический собеседник"// 1991. - № 8.

зарубежных историко-архивных источников (монографий, воспоминаний очевидцев и т.д.), ставших стартовой площадкой, с которой он начал взлет в творческую высь фантазии.

Архивно-документальный материал всегда играл для Пикуля роль стартовой площадки для творческого вымысла, но вымысел писателя при этом отнюдь не отменяет исторической конкретности и художественной типажности. Объясняя особенности художественного воплощения исторических реалий в романе "Барбаросса", автор заметил: "Я не стал описывать детально ход сражения, ничего подобного в моем романе нет. Если кто-то ожидает именно такого хода развития событий, то их постигнет глубокое разочарование. Там только большая стратегия и большая политика, и все. Зачем я в окопы полезу, ведь лучше Виктора Некрасова мне никогда не написать. Так, как он написал, никто уже не напишет. Мне тем более не написать. А политику я люблю и вообще даю в романе такой глобально-стратегический обзор событий. Сталинград - это только эпицентр, а я даю картину всего, что творилось в это время и в Африке, и в Риме, и в Сингапуре, как отражались сталинградские события в мировой политике - вот это меня интересует. А Паулюс как собирательная историческая фигура очень яркая. Единственно, что мне не удалось до конца выяснить, это обстоятельства его трагической кончины..."(1).

Пикуль любит и умеет показывать большую историю через бытовые картинки повседневной жизни пусть даже "сверхвеликих" и "сверхзначительных" людей, в результате история обнажает свои потаенные пружины, политиканы-преступники теряют свой величественный ореол, прошлое проявляет корневые причины и следствия в настоящем. За уютным семейным столом жена генерал-лейтенанта Паулюса Коко рассказывает супругу всякую всячину из своей личной жизни, даже не подозревая "секреты" какой большой политики гитлеровского рейха она выкладывает при этом читателю...

" - Вчера прихожу к портному. Его нет. Жена в слезах. Призвали в пехоту. Подкатываю к парикмахерской. Нет Вернера, который всегда меня причесывал. Вместо Вернера какая-то стерва. А где Вернер? Призвали в зенитную артиллерию. Теперь смотри, Фриди, как мне испортили прическу.

- "Начинаем брать людей из резерва, - заметил Паулюс.

Собираясь к подруге, Коко вызвала такси.

- Отказали, изумилась она. - Вышло распоряжение - отныне никаких частных поездок. Нужно иметь служебное дело. Я ничего не смыслю в экономике. Но почему так надо, чтобы в театр или к знакомым я шлялась пешком?

- Начинаем накопление горючего, - объяснил Паулюс...

С улиц городов потихоньку исчезли лотки с горячими сосисками, пропало бутылочное пиво... Дурной признак для страны, где не мыслят и дня без пива!.."(2).

Ирония, переходящая в едкий разящий сарказм, - неизменно в сердцевине стиля Пикуля-романиста. С особой силой она ощущается на тех страницах его произведений, где разоблачаются политические аферисты всех мастей, властолюбцы и интриганы, нажива-

(1) Пикуль В.С. "Делать карьеру непременно...". Интервью журналу "Политический собеседник". - 1991. - №8

(2) Пикуль В.С. Барбаросса // Наш современник. 1991. - №3

ющиеся на войнах, народных страданиях. С помощью иронии, беспощадной сатиры писатель обнажает истинную причину жестоких политиканов, их жалкий внутренний мир, мелкие, ничтожные цели и страсти. Германский военный атташе генерал Эрнст Кестринг, прибыв из Москвы в Берлин, угощает Гальдера и Паулюса: "...помедлив, все-таки открыл свой портфель, стал выгружать на стол "московские подарки": бутылки с водкой и банки с икрой; паюсную икру он сначала вынул, а потом как-то воровски запихнул обратно в портфель" (№ 3, с.91).

В.Пикуль тонко чувствует национальную специфику юмора и сатиры, их смысловые оттенки, образную ткань, т.е. то, что в совокупности во многом составляет "тайну" национального характера того или иного народа. Однако писатель проводит четкую грань между национальным и идеологическим. Разоблачая фашисткую камарилью с ее чудовищными планами захвата всего мира, писатель ни единым словом или намеком не оскорбляет великий немецкий народ.

В современной исторической литературе, к сожалению, пышным цветом расцвел "одесский юмор", некое целевое злословие по адресу русского народа, его национальной истории, культуры, морали, нравственности, ехидное зубоскальство по поводу и без повода над "русским варварством", "славянской рабскостью" и прочее, и прочее, дегуманизируется нравственно-оздоровляющая основа юмара, как черты мировоззрения нации. Такой "юмор" извращен, направлен не деформацию сущностных черт русского национального характера, не столько индифферентно безнационален, сколько агрессивно антинационален. Между тем классические образцы русской литературы завещали нам иную традицию: русский юмор тонок и стыдлив (вспомним Гоголя, Чехова, Лескова, Куприна...), а если и допускает дозу уничтожающего сарказма и злословия (не путать с пошлостью!), то во имя борьбы с нравственным уродством, утверждения здоровых начал в жизни (Салтыков-Щедрин, Булгаков, Зощенко).

В.Пикуль возрождает классическую традицию оптимистического варианта восприятия бытия, его юмору свойственны, говоря словами Пушкина, "лукавая насмешливость ума и живописность выраженья", несущие неистощимое жизнелюбие, негасимую искру животворного смеха народа, не теряющего надежду и любовь в самые что ни на есть отчаянные мгновения.

На то, что юмор и сатира изначально составляют неизменную стилевую черту пикулевского мышления, указывает А.И.Филатова - один из первых исследователей этого писателя: "Сатирическая направленность представляет собой одну из существенных особенностей исторического романа Пикуля. В романе "На задворках великой империи" писателем была предпринята попытка создать сатирический роман. В.С.Пикуль опирается на традиции "Истории одного города" М.Е.Салтыкова-Щедрина. Для художественного воплощения темы кризисных явлений девятисотых годов XIX в. писатель создал сатирическую панораму эпохи. И в более поздних романах Пикуля сатирической типизации отводится значительная роль. Образы Бирона, Остермана, Анны Иоанновны и некоторых других героев романа "Слово и дело" написаны художником-сатириком" (1).

Ближайшее окружение Гитлера - это "чистопородные" арийцы, потомки тевтонских рыцарей-завоевателей, кичащиеся своим происхождением. Но послушайте, как они говорят! Речь их отнюдь не

аристократична, насыщена сальностями, скабрезностями, низменными пошлыми сравнениями и т.д. Пикуль точен в своих наблюдениях и главном выводе: потомки арийцев при всем их внешнем блеске, выспренности и чванливости отнюдь не блещут внутренней культурой, у них прочно укоренились захватнические инстинкты, ненасытная жажда власти и богатства, реваншистские настроения, грубая расистская психология. Вот почему, внутренне презирая и ненавидя друг друга, плебей по рождению Адольф Гитлер с одной стороны, и представители "голубых кровей" Гальдер, Йодль, Кейтель, Гудериан и т.д. - с другой, тесно сплелись в общий змеиный клубок, осуществляя свои бредовые планы.

Пикуль вскрыл корни фашизации Германии, которые тянулись, по его мнению, не к Гитлеру и его национал-социалистической партии, как принято традиционно считать, а к международному реакционному заговору политиканов стран Запада и США против России, когда было принято решение превратить восточного "соседа" в колониальный сырьевой придаток, а его народ - в дешевую рабочую силу. Гитлер - это уже следствие опред еленного политического климата, сложившегося в послеверсальской "обиженной" Германии, жаждущей политических перемен. Гитлера и фашизм выпестовала не Германия, не немецкий народ, а международная политическая мафия, зараженная остервенелой русофобией, с угодными ей правительствами, узревшая в России, шагавшей семимильными шагами по пути прогресса и процветания, своего могильщика...

Финансово-экономические круги ведущих капиталистических стран - конкурентров России умело и ловко воспользовались моментом оголтелых реваншистских настроений, царивших в Германии, униженной "позором Версаля", "демократическим" путем привели Гитлера к власти и вновь, как в 1914 году, задумали стравить два ведущих государства Европы - Россию и Германию. Для этого понадобился "фюрер", понадобилась коричневая чума фашизма, взращенная на расистской идеологии,антикоммунизме и ксенофобии. "Англичане и французы хотели бы видеть СССР на своей стороне, чтобы воспетая в песнях "страна героев" не пожалела для них крови (как не пожалела ее Россия в 1914 году)", - пишет Пикуль (№ 2, с.38). Данная историческая концепция В.Пикуля находит все более широкое обоснование в выступлениях современных историков, философов, публицистов, стремящихся знать подлинную правду прошлого.

Рельефно, по-граждански остро и смело Пикуль обозначил ту зловещую опасность, что по сей день исходит от инициаторов мирового правительства; эта гнусная камарилья "мировой закулисы", как метко выражался в свое время наш замечательный философ Иван Ильин, несет не только России, но и всему миру панересь, соединение всех и всяческих зол, пресловутый "закон о плененных нациях". Эта зловещая сила уже устраивала однажды в России кровавый человекоповал и снова мечтает его повторить. Со всей неистовостью писателя-патриота, гражданина, пророка Пикуль предостерегает нас от грядущих бед.

Роман "Барбаросса" стал духовным завещанием В.Пикуля.

Владимир Юдин.

---

(1) Филатова А.И. Русский советский исторический роман конца 50-х - середины 70-х годов. Новое в идейно-художественной проблематике, Автореф.дисс.на соиск. ... докт.филол.наук. Л., 1980. - С.32.

Ипполит Зборовец

САМОУБИЙСТВО ИЛИ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ?

(О вампиловских традициях в русской драматургии 70-80-х годов).

В истории нашей культуры драматургия А.Вампилова - самое яркое событие со времен А.П.Чехова и А.М.Горького. Сложная театральная судьба вампиловских произведений привлекала внимание многих исследователей. Однако до сих пор биографы и критики иркутского драматурга мало учитывают то обстоятельство, что сценическая жизнь "Провинциальных анекдотов", "Утиной охоты", "Чулимска" началась в годы наибольшей популярности так называемой "производственной" драмы.

Обычно творчество А.Вампилова рассматривают в ряду его современников - А.Арбузова, В.Розова, А.Володина, М.Рощина, упуская из виду основное репертуарное окружение "Утиной охоты" или "Чулимска" в 70-е годы - - драматические произведения А.Салынского, И.Дворецкого, Г.Бокарева, А.Гребнева, А.Черных, А.Гельмана, М.Шатрова. На театральных афишах пьесы А.Вампилова оказались в одной обойме с "деловыми" спектаклями "Человек со стороны", "Сталевары", "Из жизни деловой женщины", "Погода на завтра", "Мои Надежды", "День приезда - день отъезда", "Протокол одного заседания", "Обратная связь" и другими.

Этот феномен настолько бросался в глаза, что К.Щербаков в пьесе "Театральное дело" драму модного автора Кропотова (вымышленный персонаж) включил в репертуар наряду с "Прошлым летом в Чулимске". А.Вампилова настойчиво объединяли с теми, кто писал на злобу дня, работал коньюнктурно, учитывая только сиюминутные интересы читателей и зрителей.

Характерно в этом плане признание Кропотова: "Да, такая история... Я все про любовь да про любовь, а зритель, оказывается, валом валит на производственные конфликты, где директор завода с парторгом ругаются... Сталевары... Мыловары... И я вот решил попробовать... На старости лет. Посидел полгодика, посмотрел, что и как на производстве этом самом. Вроде что-то вытанцевалось" (Театр, 1977, № 8).

Линия, идущая от бокаревских "Сталеваров", выродилась, пришла к ничтожеству, стала объектом издевательств. "Деловая" драматургия поддержала командно-административную систему, авторитарный социализм, примкнула к мифотворческому направлению в литературе, охряняющему незыблемость партократии. Апологетическое отношение к управ-

ленческому аппарату помешало драматургам проанализировать состав общественной атмосферы, заполненной продуктами разложения. Призводственная драма боролась с частными пороками системы, не отрицая ее в целом. Она создавала впечатление движения и совершенствования административной машины. На самом деле никакого движения не было.

Когда "деловую" драматургию осознали как явление маскультуры, когда угасали окружавшие театр А.Вампилова производственные страсти, резко выступило на первый план то, что было в "Провинциальных анектодах", "Утиной охоте", "Чулимске". Творчество автора "Утиной охоты" полно такой социальной тревоги, в нем столько понимания кризисного состояния общества, столько желания перемен, что его пьесы стали знаменем целого направления в литературе и искусстве. А.Вампилов предвосхитил наиболее острые проблемы наших дней, предвидел, что реальность 70-х годов застанет молодое поколение духовно разоруженным. Ведь за гранью мифа была горькая действительность: разрушение деревни и русского национального характера, падение нравов, коррупция, наркомания, проституция, уголовный мир...

А.Вампилов пополнил горьковскую серию "История молодого человека" судьбой героя-неудачника. Драматург не ограничился фиксацией результата. Он исследовал причины грубого извращения человеческой природы в условиях тоталитарного государства. Одним из первых он попытался осмыслить драму "потерянного поколения". В Зилове из "Утиной охоты" он воплотил тенденцию, связанную с утратой общественной и личной перспективы. Зилов - не полуспившийся эгоист, нечистоплотный в бытовом отношении человек, как утверждают создатели телефильма "Отпуск в сентябре". Это герой такого же трагического масштаба, как Гамлет или Печорин. Он родился слишком рано или слишком поздно, ему нет размаха, нет настоящего дела.

В психологии Зилова драматург обнаружил эхо тех явлений, истоки которых в середине XIX века исследовал Н.Г.Помяловский в романе-дилогии "Мещанское счастье", "Молотов". Очевиден канцелярский гамлетизм Зилова, не принимающего жизнь такой, как она есть, отвергающего мораль и опыт "отцов". В нем клокочет бунтарский дух. Однако потеря перспективы доводит Зилова до состояния кладбищенства. В духовном, моральном вырождении человека, живущего в пустоте, в черном квадрате Малевича, драматург видел признаки общей катастрофы.

На "Утиной охоте" бесспорно есть отблеск эрдмановского "Самоубийцы". "Идеологический покойник" Подсекальников и "безвременно сгоревший на работе" Зилов изображены в сходной ситуации: действующие лица ожидают выстрела героя. Однако выстрел Зилова не всколыхнет русскую интеллигенцию, а лишь поставит точку в истории поколения. Зилов только начало тех явлений, которые в 80-е годы "окончательно переродились и пугают нас жуткой стадией своего развития"[1)]

А.Вампилова потрясло стихотворение "Накануне годовщины 4 августа 1864 года", и он любил повторять строки:

Ангел мой, где б души не витали,
Ангел мой, ты слышишь ли меня?

А.Вампилов не был революционером формы и не стремился им

---

1) Сушков Б.Александр Вампилов. - М., 1989 - С.125.

быть. Наоборот, в построении драматического сюжета он всегда строго придерживался классических принципов, и его пьесы имели традиционные завязку, кульминацию и развязку. В годы застоя, когда шел процесс вымывания классических традиций из духовной жизни общества, А.Вампилов своим творчеством восстановил авторитет чеховской школы в отечественной драматургии. Из арсенала реалистического искусства он взял, казалось бы, самые распространенные, даже банальные сюжеты и ситуации. Однако в его драматургической системе все неожиданно, непредсказуемо, нет застывших представлений о добре и зле.

Драматург поднял планку допустимого, ранее запретные темы сделал нормой, не боясь обвинения в "очернительстве" действительности, выдвинул перед социально-психологической драмой важную общественную и творческую задачу: выявить очаги социального, нравственного неблагополучия. А.Вампилов подготовил почву для появления таких драматических произведений, как "Движение колеса" О.Кучкиной, "Спешите делать добро" М.Рощина, "Спортивные сцены 1981 года" Э.Радзинского, "Завтрак с неизвестными" В.Дозорцева, "Женский стол в "охотничьем зале" В.Мережко.

Вампиловская тема самопознания, включающая в себя и момент исповеди, покаяния, ведущих к самообновлению героя, становится одной из главных в драматургии 80-х годов. Усиливается внимание авторов к процессам нравственной деформации личности.

В пьесе В.Мережко "Женский стол в "в охотничьем зале" (1986) легко заметить мотивы драматической кульминации "Утиной охоты" - сцены в кафе "Незабудка". О Зилове и его компании напоминают атрибуты охоты - оленьи рога, чучела зверей и птиц, появление официанта, продавщицы Лизы Бучкиной, Людмилы Сердюк, скандальное застолье...

В.Мережко исследует состояние общества двадцать лет спустя после "Утиной охоты" и пятнадцать лет - после "Чулимска". В его произведении уже иная стадия тех явлений и тенденций, у истоков которых стоял А.Вампилов. В пьесе "Женский стол в "охотничьем зале" резко усилены, сгущены черты морального вырождения человека, распада личности, нагнетается состояние безумия, охватившее всех персонажей.

Бардин с покаянным монологом обращается к людям, по судьбам которых "проехал, как танк": "Я хуже вас... И я сошел с ума!.." Конечно, предавал. Конечно, лгал. Конечно, обманывал. Конечно, боялся.. Будь я проклят... Будь я сотни раз проклят! Будь я навеки проклят. И вами, и кто после вас!" Случайное просветление Бардина, его совестливость, нетерпимая для окружающих правда приводят к жестокому насилию и убийству. Люди, далекие друг от друга, чьи судьбы так причудливо переплелись, объединились в ситуации приговора Бардину. Его убивает гнусный тип, подонок и сутенер Брызгалов - конечный "продукт" зиловской компании аликов.

Сатанинское веселье, дикий разгул в финальной сцене прерываются фантастически. Почти все действующие лица пьесы оказываются в железной клетке: "Они в потрясении и страхе молчат, прильнув к решеткам. Клетка чуть вздрагивает и начинает медленно уходить вверх, пока не исчезнет из поля зрения с застывшими в ней людьми".

У В.Мережко общество принимает облик психбольницы, казармы, клетки с живыми людьми. Этот образный ряд - философское суждение драматурга о состоянии

жизни, о положении человека в государственной тюрьме.

Г.Никитин в комедии "Мой друг - Моцарт" (1974) обнаруживает, что атрофия души не является сугубо "интеллигентской" болезнью. В период застоя она поражает и другие социальные слои общества. Герой пьесы рабочий Марасанов погружен в нравственную спячку, обречен на бездуховное, унылое существование: "На подвиг собрался. (Смеется). А подвиг мой ... никому не нужен". Его товарищ Чикулаев угнетен той же бесплодностью жизни: "Почему у меня нет ребенка?! Почему?!" По воле драматурга, его герои стряхивают душевное оцепенение, их вылечила музыка Моцарта. Что это - злая ирония автора или вера в чудо?

Тот же мотив надежды пронизывает и пьесу Р.Солнцева "Ждем человека" (1979). Бригадир Куприянов не состоялся как личность. Человек нравственно неразвитый, он не принес близким людям счастья. Но его охватывает смутное ощущение какого-то неблагополучия в жизни. Рядом с ним страдает Борис, для которого единственное утешение - водка и страсть к путешествиям. Один из атрибутов "Утиной охоты" лодка готова и ждет героя. Так Зилов рвался на охоту, с ужасом наблюдая, как разрушается все в нем и вокруг него. Р.Солнцев верит в нравственный потенциал своих геров, выражает надежду на приход "нового человека".

Б.Сушков, полемизируя с К.Рудницким, считает мотив надежды ведущим в драматургии, которая исследовала "феномен Зилова". Критик ссылается на концепцию Н.Антипьева: "Зилов - человек, открывшийся для новой жизни. Доброе, дремавшее в его душе, наконец-то пробудилось. Важно, очень важно, чтобы на призыв его души откликнулась жизнь" [2].

Однако в реальности 80-х годов возник и другой вариант судьбы вампиловского героя. Зилова с его мечтой о "другой жизни", бунтом против бездуховной среды вытесняет персонаж типа Ионыча или человека в футляре. Процесс вырождения личности совершается неуклонно: человек погибает, остается лишь оболочка.

Писатель Андрей Корнев в одноактной пьесе М.Варфоломеева "Осень" (1982) - современный вариант героя-неудачника. Отношения Корнева и Лизы выступают как возможный финал романа Зилова и Ирины. Николай Дерюгин с "железной ногой" - это Дергачев из Чулимска.

Корнев и Дерюгин - ровесники, представители разных общественных этажей. Драматург настойчиво сопоставляет их судьбы, обнаруживая между персонажами все более глубокую социальную пропасть. Корнев принадлежит к "верхам". Дерюгин на своей шкуре испытал голодную, нищую жизнь общественных низов, его судьба сложилась трагически. После тюремного заключения он работает сторожем на даче "барина" Корнева. Они оба искалечены системой, но в разной степени.

В Дерюгине не угасла любовь к жизни, тяга к социальной справедливости, чувство красоты. Лиза угадала в нем нерастраченное душевное богатство. Рядом с Дерюгиным особенно заметна деградация Корнева, его неспособность любить, творить и просто жить.

Корнев - писатель-конформист, появившийся в условиях духовной несвободы и страха. Он никогда не имел собственного лица, высох, измельчал, утратил связь с жизнью,

---

[2] Антипьев Н. Герой сопротивляется канонам (Наедине с совестью. - Иркутск, 1981, - С.137)

природой, бежал от людей на дачу, спрятался в скорлупу. Финальная сцена после ухода Лизы неожиданно заканчивается приступом злобы, жестокости, внезапной "охотой" героя: "Корнев стоит молча. Только слышно, как поет птичка. Вдруг Корнев срывается с места, хватает ружье, выбегает во двор и стреляет.

Дерюгин. Стрелял в кого? Куда стрелял?

Корнев. В эту, как ее ... в птицу! Надоела... Кажется, попал. Никогда не стрелял, а попал!"

Последняя ремарка автора еще больше усиливает перекличку с "Утиной охотой": "Становится темно. Слышно, как кто-то не то плачет, не то смеется". 70-е годы - это осень несбывшихся надежд "шестидесятников", поколения Зиловых, его общественный, исторический закат.

Призрак "Утиной охоты" витает над драматургией 70-80-х годов, осеняет и вдохновляет новых авторов. Мощная художественная радиация творчества А.Вампилова вызвала новое идейно-стилевое направление - поствампиловскую драматургию. А.Смелянский одним из первых описал изначальные родовые признаки новой школы 3). Вампиловские темы, мотивы, образы, даже прямые цитаты заметны в произведениях В.Малягина, Л.Петрушевской, Г.Горина, А.Галина, Н.Матуковского. Драматурги предложили новые версии вампиловского сюжета, высказали свою точку зрения о той сфере жизни, которая была открыта для нашей литературы в "Утиной охоте" 3).

В.Малягин в пьесе "НЛО" (1978) сочувствует стремлению Мазова отстоять себя в борьбе с бесчеловечным окружением, разорвать порочный круг своей жизни. В отличие от Зилова, сама мысль стать "охотником" вызывает у малягинского героя отвращение. На эксперимент официанта он отвечает ударом в лицо. Но достаточно ли таких мер, чтобы противостоять злу?

Л.Петрушевская в одноактных пьесах "Чинзано", "День рождения Смирновой" идет дальше А.Вампилова в трактовке темы нравственного распада личности, резко ужесточает стилевую манеру. Драматург развивает один из боковых сюжетов "Утиной охоты": несостоявшийся приезд сына на похороны матери. У Л.Петрушевской преобладает натуралистический подход к изображению бытовых, житейских неурядиц, повседневного мелкого и крупного садизма, неосознанных проявлений жестокости. Драматург использует метод клинической констатации нравственного недуга персонажей. Ее стилевая манера тяготеет к физиологическому очерку. Дистанции между автором и объектом не существует. Л.Петрушевская анатомирует реальность, действует "хирургическим" скальпелем. Именно этот "медицинский" подход к жизни и вызывает сомнение: искусство ли это?

А.Вампилов соединил в "Утиной охоте" правду жизни и глубокое понимание души человека, его судьбы во всей ее трагикомической сложности. Драматург никогда не был бесстрастным регистратором, фотографом, не прибегал к магнитофонной записи диалогов, знал, что натуралистическая фиксация реальности препятствует ее драматургическому осмыслению.

Тема женского одиночества, душевного опустошения, безрадостного существования, заявленная А.Вампиловым, привлекла внимание многих драматургов: "Блондинка" А.Володина, "Приятная

3) Смелянский А. После "Утиной охоты". Отзвуки драматургии А.Вампилова в пьесах молодых (Литературная газета. - 1979. - № 8. - 21 февраля. - С.8.)

женщина с цветком и окнами на север" (1983), "Я стою у ресторана..." (1987) Э.Радзинского, "Я - женщина" (1983) В.Мережко, "Три девушки в голубом" (1983) Л.Петрушевской, "Сестры" (1986) Л.Разумовской, "Набережная" (1988) Ю.Эдлиса, "Интердевочка" (1989) В.Кунина. Социально-психологическая драма выявила губительные последствия омужчинивания женщин, их духовного и морального вырождения. В пьесе "Набережная" бросается в глаза полное отсутствие мужских персонажей: эмансипированная женщина оказалась в тупике.

Вслед за А.Вампиловым драматурги 70-80-х годов ищут в молодом поколении героев, способных бросить вызов омертвелым социальным и моральным нормам жизни, вступить в конфликт с теми взглядами и принципами старшего поколения, которые сложились в период сталинизма ("Валентин и Валентина" (1971) М.Рощина, "Чем люди живы" (1976) Г.Бакланова, "Эксперимент" (1977) В.Каверина и В.Савченко, "Гнездо глухаря" (1979) В.Розова).

Э.Володарский в театральной повести "Сержант, мой выстрел первый!" (1978) развертывает вампиловскую тему нравственного размежевания молодых людей. Поединок Букина и Фролова ("Прощание в июне") драматург трансформировал в новый сюжет о сложных отношениях друзей - Михаила Воронкова и Феликса Свентицкого, которые приводят к дуэли на ружьях со смертельным исходом.

Цель драматурга - столкнуть несовместимые характеры (альтруиста и эгоцентриста), исследовать конфликт полярных жизненных позиций. Однако Э.Володарскому не удалось избежать схематизации. Автор явно идеализирует Михаила, романтика, мечтателя, который "дневник ведет, как Татьяна Ларина", стремится к духовным ценностям. В то же время Феликс у драматурга - законченный негодяй, способный на любую подлость.

Очевидно, что этот персонаж как характер и личность значительно сложнее той схемы, которую выстраивает автор. Феликс близок к героям типа Колесова, Букина, Бусыгина прежде всего критическим отношением к действительности, неприятием официального оптимизма. Он издевается над "зрелым социализмом", который искалечил и его самого. Поэтому выстрел сержанта прозвучал не по существу конфликта. Драматург привел к барьеру "детей" тогда как кризис общества подготовили "отцы".

Проблема взаимоотношения поколений - одна из центральных в драматургии 70-80-х годов. Ревнители идейной чистоты категорически утверждали, что у нас этой проблемы нет и быть не может. Мифотворческая литература навязывала схему неразрывного единства поколений, но радости по этому поводу не испытывали ни авторы, ни зрители - в жизни все было гораздо сложнее.

Разрыв единства внутри семьи - процесс, активно идущий во всем мире. Н.В.Гоголь в повести "Тарас Бульба" впервые осмыслил трагические стороны этой проблемы, и эхо его пророчества достигло наших дней. Корень разлада между поколениями лежит в самих общественных отношениях. Сталкиваются два начала, носителями которых являются отцы и дети. Старшее поколение стремится навязать молодым свое мировоззрение, свою мораль, привычки и т.д., что неизбежно приводит к конфликту. Однако противоречие заключено не только в самой сущности человеческой психологии. В определенной общественной ситуации конфликт между поколениями обостряют сами "отцы".

В социально-психологической драме 80-х годов конфликт "отцов"

и "детей" выходит на первый план ("Спортивные сцены 1981 года" Э.Радзинского, "Коллея" В.Арро, "Ретро" А.Галина, "Мать и сын" Р.Солнцева, "Кабанчик" В.Розова, "Дача Сталина" В.Губарева, "Максим в конце тысячелетия" Л.Зорина и другие).

Разрабатывая вампиловские мотивы, драматурги 80-х годов все глубже осознают вину старшего поколения не только в обычном, житейском смысле, но и в идейно-философском, морально-этическом. Бесплодной оказалась вся система мировоззрения "отцов". В годы крушения мифологического сознания процесс идейно-нравственного размежевания поколения подготавливал общественные перемены. В драме Р.Солнцева "Мать и сын" (1984) выявлена несостоятельность того нравственного катехизиса, на основе которого многие десятилетия жили "строители коммунизма".

В.Розов в пьесе "Кабанчик" ("У моря") проследил, как грехи "отцов" периода застоя тяжким бременем ложились на "детей", ломали их судьбы. Драматург предложил современный вариант отношений Виктора Зилова и его отца. Не случайно центральное место в драме занимает монолог Алексея, в котором он воспроизводит сцену охоты. Убийство кабанчика перевернуло душу героя, породило ощущение какой-то величайшей несправедливости, преступности жизни его отца, нарушения законов природы и общества.

Мотивы самопокаяния, жертвоприношения в пьесе В.Розова устремляют драматическое действие к трагическому финалу. Глубокая разочарованность Алексея, крушение его веры в честность и порядочность как основы человеческого общежития толкают юношу к самоубийству: "Я понял: мы несем грехи своих отцов в себе, внутри... Хотим избавиться... Берем на себя..." Алексей - самоубийца по убеждению, он жертва безнравственного общества, в котором преступление стало явлением обыденным.

В пьесе В.Розова ректор Богоявленский и его дочь Ольга во многом напоминают персонажей ранней комедии А.Вампилова. Отношения Алексея и Ольги также заставляют вспомнить "Прощание в июне", что указывает на преемственность и в постановке проблемы и в ее художественном решении.

В драме "Максим в конце тысячелетия" (1988) Л.Зорин еще более резко сбрасывает покровы с отцов и детей брежневской коррупции. В изображении драматурга период застоя - это засилие людей посредственных, серых, но претендующих на ведущую роль в обществе.

Руслан Орехов - человек, чей талант, индивидуальность, социальная активность десятилетиями подавлялась серым "большинством". Л.Зорин разрабатывает вампиловский сюжет "Шаманов, его жена и сын", который остался за пределами "Чулимска". Следователь Орехов отказался пойти на сделку с собственной совестью, не поладил с женой, привыкшей в жизни "идти в гору", и вынужден был "эмигрировать" в Тамбов. Перед нами трагедия человека, в котором пытались задушить лучшие качества, его способности, волю, мечту. "Неуправляемого" следователя удалили из столицы в провинцию.

Раскол в семье Барминых-Ореховых отнюдь не локальное событие. Крушение дома грозит падением всему обществу. Разлад в семье калечит молодое поколение, и это - самое страшное последствие обвалов. После многолетнего отсутствия Орехов возвращается, чтобы взять в свои руки "дело" тех, кто лишил молодое поколение идеалов. Пришло время таких, как Орехов. Однако долгая борьба с посредственно-

стью опустошила героя, обеднила его личность.

Максим - воплощение надежд автора. В пьесе молодой герой - лишь в начале своих исканий. Он задумывается над очевидной драмой своей семьи, его угнетает нравственная пустыня дома, трагедия Кили, чье падение неотделимо от падения общества. Максим пока еще не в состоянии нести добро, согревать и освещать мир. Но ему суждено стать наследником своего отца, который обещает сделать из него человека.

Название пьесы Н.Эрдмана "Самоубийца" вобрало в себя трагедию прошлого и настоящего: и выстрел А.Фадеева, и попытки самоубийства Зилова, Алексея Кашина и многих тысяч современников. По количеству самоубийств наша страна идет впереди западной Европы, США и Канады.

В последней работе А.Тарковского "Жертвоприношение" проблема преемственности поколений поднята на философскую высоту. В центре пересечения интеллектуальных линий фильма - вопрос о судьбе человека и цивилизации.

XX век сделал огромный шаг в развитии гуманизма, стремясь сохранить всех людей Земли (даже уродов), совершенствовал систему помощи больным (коляски для инвалидов). Одновременно в нашем столетии были изобретены такие средства истребления людей, что ужасы инквизиции кажутся детским лепетом. Человечество идет к катастрофе. Каждый шаг науки вперед рождает зло. Цивилизация все больше утрачивает духовность. Поколеблена вера в разумность и гармонию мира. Усилилось одиночество человека.

Проблема контакта между людьми, между человеком и природой, человеком и Бытием наполнена в фильме А.Тарковского трагическим смыслом. Контакт необходим, но он роковым образом нарушен. Драма отчуждения и одиночества, душевной изоляции человека - результат утраты связи с жизненно важными ценностями.

Герой фильма Александр живет в своем, закрытом для других, мире. Отъединенность становится для него трагедией. Чувство вины, ощущение катастрофичности бытия, неблагополучия в жизни приводят его к безумию. Поджигая дом, он совершает жертвоприношение ради спасения человечества. Ужас приближения конца мира передается и другу Александра - Виктору, который мечтает о бегстве в Австралию (зиловский мотив - "подарите мне остров").

Но теме гибели цивилизации в фильме противостоит идея продолжения жизни. "Смерти нет, - говорит Александр. - Мы возрождаемся в других людях, только ничего не помним, что было раньше". Его сын поливает дерево, посаженное отцом, и задумывается о смысле жизни и назначении человека: "Вначале было слово... Почему так, папа?" Это мальчик из "Утиной охоты", но уже не бездумный, а способный к напряженной работе мысли. В этом юном герое сосредоточена вся надежда и вера в человека нашего времени.

Творчество А.Вампилова создало предпосылки для утверждения философского реализма в искусстве, подготовило возвращение к классической драме, в центре которой не "политика", не "производство", а человек в его взаимоотношениях с миром и вечностью.

Юрий Душкин

А.М.КАРАМЫШЕВ В ИРКУТСКЕ

Из замечательных людей Российского государства в городе Иркутске жил и работал известный естествоиспытатель Александр Матвеевич Карамышев (1745-22.XI.1791). Он родился в Западной Сибири в семье дворян, имевших около двадцати крепостных душ. По окончании горного училища в Екатеринбурге учился в Московском университете и, как способный юноша, был направлен в Швецию для продолжения специального образования в старейшем Упсальском университете, где читал лекции по медицине и естествознанию великий ученый Карл Линней. Учитывая неизученность сибирской флоры, он предложил сибиряку Александру Карамышеву написать диссертацию, для чего заимствовать опыт на эту тему ученого Эрика Густавовича Лаксмана.

По просьбе К.Линнея Э.Лаксман выслал из Сибири сбор материалов. Описав 351 вид редких сибирских растений, собранных самим и названным ученым, А.М.Карамышев защитил диссертацию 16 мая 1766 года и после этого около семи лет занимался научной работой за границей, изредка приезжая в Россию. В 1768 году он женился и через пять лет возвратился в Санкт-Петербург, преподавал металлургию и химию в Горном училище, служил маркшейдером при Берг-коллегии.

За годы упорного творческого труда А.М.Карамышев получил известность среди ученых мира. Признав полезность его научных трудов, ученого избрали корреспондентом Стокгольмской Академии наук, членом Берлинского общества естествознания. Имея знания и владея немецким языком, он помог И.И.Хемницеру отредактировать книгу "Сочинение о драгоценных камнях".А.М.Карамышев написал и опубликовал несколько научных статей и сообщений в трудах Вольного экономического общества, членом которого был. Ученый по-

знавал природу наяву и через многочисленные опыты, проводившиеся им в лабораториях, являлся ранним представителем материализма. 21.6.1779 года его избрали членом-корреспондентом Императорской Академии наук. Он был знаком с выдающимися учеными и государственными деятелями, включая Потемкина и императрицу Екатерину Вторую.

По-видимому, научные успехи молодого ученого вызвали зависть у некоторых вельмож, испортивших с ним отношения. Он решил уехать в Сибирь.

28 мая 1779 года Правительствующий Сенат издал указ о назначении А.М.Карамышева директором иркутской банковой конторы. В августе-сентябре т.г. семья прибыла в город Иркутск, где он представился иркутскому губернатору Францу Николаевичу Кличке. Губернатор обязал иркутский городовой магистрат найти подходящее здание для размещения банковой конторы. Под банковую контору магистрат предложил занять каменный двухэтажный дом, стоявший на берегу реки Ангары, владелец которого гитенфервальтер коллежский асессор Михаил Афанасьевич Сибиряков жил в Нерчинском горном округе, там содержал сереброплавильный завод и рудники. Пользуясь указами о праве занимать помещения под воинский постой, с согласия иркутского губернатора Ф.Н.Клички, иркутский городовой магистрат издал 14 ноября 1779 года указ: "В рассуждении и с назначения им господином Кличкой другова к тому способнова для положения денежной казны дома он господин Сибиряков должен нести личные, так равно и вещественные наравне с прочими тягости без изъятия, ибо полицмейстерской инструкцией, присланной из главной полицмейстерской конторы 1733-го года ноября 27 дня Тобольской полиции полицмейстеру в коей 33 статье изображено, "Солдат и прочих ставить на дворы всяких чинов людей во всех слободах у обывателей необходимо кто б какого звания ни был, кроме духовного чина..."

Так, без согласия хозяина дома, бывшего иркутского купца М.А.Сибирякова, был занят не один покой, как сказано было в указе, а весь дом с надворными постройками.

Банковая контора находилась в усадьбе размером 40 сажен - 85,2 метр по набережной реки Ангары и 13,5 сажен - 28,7 метр по Харлампиевской улице. Двухэтажный каменный дом, где размещалась банковая контора, имел длину 9 сажен - 19,7

метр, ширину 8 сажен-17 метр., высоту до карниза 3,5 сажен - 7,4 метр.

В нижнем этаже находились нежилые помещения, освещались малыми окошками, в верхнем - пять покоев, коридор, куда поднимались по лестницам с северной и западной сторон. Здание отапливалось тремя кирпичными, одной муравленной печами, освещалось 23 окнами: 9 на юг, 6 на восток, 6 на север и 2 на запад. На фасадной стороне дома имелись четыре полуколонны: две по углам и две в середине.

В усадьбе было два передних двора, в которые въезжали по двум воротам с Набережной р.Ангары и Харлампиевской улицы. Рядом с передним двором по линии Набережной находился деревянный флигель 3,5 на 3,5 сажен или 7,4 на 7,4 метр. с четырьмя окнами на р.Ангару. За флигелем в заднем дворе стояла рубленная белая баня 3 на 2,5 сажен - 6,3 на 5,3 метр. В северо-западной стороне двора находилось деревянное здание размером с запада на восток 11,5 на 2,5 сажен - 24,4 на 5,3 метр. и 5,5 на 4 саж. - 11,7 на 8,5 метр с севера на юг. В западной стороне усадьбы имелось рубленное здание с тремя отделениями размером 3 на 3 сажен - 6,3 на 6,3 метр., 3 на 4 саж. - 6,3 на 8,5 метр. и 3 на 3 саж. - 6,3 на 6,3 метр. В нем помещалась галерея (теплица), по соседству с ней располагался огород.

Укомплектовав штат иркутской банковой конторы служащими: казначеем дворянином Афанасием Кондратовым, "щетчиком" Константином Суворовым, Камерилом Христофоровичем Преем и другими, А.М.Карамышев начал банковые операции. Интересными были встречи с иркутским губернатором Ф.Н.Кличкой в его губернаторском деревянном доме, построенном в 1779 году против заложенного в 1777 году купеческого гостиного двора и в летнем губернатроском доме в Крестовской роще (на месте стадиона "Труд"), у них были общие знакомые по Москве, Петербургу, они жили интересами России, обдумывали программы, направленные на дальнейшее развитие промышленности, сельского хозяйства и культуры в Восточной Сибири. Ф.Н.Кличка, узнав, что А.М.Карамышев является опытным маркшейдером, знатоком металлургии, направил его в Нерчинский округ начальником местных заводов и рудников. Ему удалось упорядочить производственно- поисковые работы, увеличить добычу серебра, повысить его выплавку на заводах. Отмечая успехи, 25 марта 1781 года иркутский губернатор Ф.Н.Кличка донес в Петербург о том,

что "проплавка переменилась, ибо вместо 15-17 фунтов блески серебра иные по 30 фунтов получаемы были". В 1781 году А.М.Карамышев вернулся в Иркутск, опять исполнял обязанности директора иркутской банковой конторы, одновременно его занимали многие вопросы, связанные со специальностью. Он переписывался со знаменитым ествоиспытателем академиком П.С.Палласом и другими учеными.

Иркутский губернатор Ф.Н.Кличка решил в городе Иркутске основать гражданскую школу грамоты и городскую публичную библиотеку, для чего обратился к иркутскому купечеству и к другим сословным группам поддержать его благое дело местными средствами, как деньгами, так и книгами. В числе доброохотных дателей денег и книг на эти цели мы встречаем А.М.Карамышева. Проект на строительство двухэтажного каменного здания под библиотеку он заказал архитектору Александру Яковлевичу Алексееву, приехавшему с ним в одной свите в феврале 1779 г.

Зная его любовь к книгам, многолетний опыт работы в лучших библиотеках России и Швеции, иркутский губернатор Ф.Н.Кличка вовлек Карамышева в работу по составлению правил пользования городской публичной библиотекой, построенной в 1780-1782 г.г.

Это было двухэтажное каменное здание размером 22,3 на 13,2 и на 8,5 метров, на втором этаже которого размещалась библиотека в комнате 5,3 на 11,7 метр. С участием Карамышева библиотека была приведена в достойный вид, при которой организовали музей. Благодаря деятельности А.М.Карамышева, академика Э.Г.Лаксмана, прибывшего в Иркутск в 1784 году, и других музей был превращен в уникальное хранилище сибирских растений, минералов, камней, моделей судов, механизмов и т.д. Занимался А.М.Карамышев и садом, разведенным при жилом доме. Вместе с ним жили: жена Анна Евдокимовна (1755 после 1791), по второму браку Лабзина, его мать Евдокия Лукьяновна Карамышева (1715 после 1784), тетя, вдова Екатерина Яковлевна Тетенева (1721 после 1788). Домашние и хозяйственные работы выполняли дворовые, жившие в отдельных постройках: Иван Понкратьев с женой Корнаковой, сыном Иваном Ивановичем, невесткой Устиньей Самойловой, внуками Петром и Алексеем, Герасим Васильев с женой Екатериной Елисеевной, дочерью Степанидой, Антип Иванов с женой Ульяной Ермолаевой, сыном Александром,

дочерью Ольгой, Марфа Наврилова с дочерями девицами Анной и Матреной. Члены семьи А.М.Карамышева жили дружно, аккуратно посещали иркутские церкви, где исповедовались, совершали разные религиозные обряды вместе с иркутянами, служителями банковой конторы, были крестными их детей. 20 мая 1782 г. священник Крестовоздвиженской церкви записал: "Иркутской банковой конторы у щетчика Константина Суворова родился сын Константин - отцом вышеписанной конторы директор Александр Карамышев, матерью оной же конторы Камерила Христофора Прея жена Параскева Силина". Другой священник сообщил:

"1788 год 4 февраля Банковой конторы директора Александра Матвеева Карамышева, крепостного человека Антипа Иванова сын Порфирий, у коего восприемниками были генерал-губернатора Якобия домовой канцелярии секретарь Иосиф Топчинский и банковой конторы казначея Афанасия Кондратова жена Марфа Андреева". В документах за 1782-1788 г.г. А.М.Карамышев встречается в звании полковника и "иркутского наместничества банковой конторы коллежский секретарь советник и ковалер".

Согласно указа от 16 февраля 1788 года иркутскую банковую контору закрыли. Семья А.М.Карамышева выехала из Иркутска, он был определен в Горную по Колывано-Воскресенским заводам экспедицию, где и служил до своей кончины.

После закрытия банковой конторы в Иркутске финансовые операции перенесли в Приказ общественного призрения, размещавшегося в здании бывшей городской публичной библиотеки. С образованием Иркутской губернии, высочайше утвержденным в марте 1797 года, Приказ общественного призрения включили в губернский штат, принимали денежные вклады от всех сословий иркутян и выдавали денежные ссуды до 1 ноября 1865 года, когда было открыто отделение государственного банка. О дальнейшей судьбе здания, где находилась банковая контора с 1779 по 1788 год, известно, что его владелец Михаил Афанасьевич Сибиряков просил иркутские городские власти оценить его и решить вопрос о возмещении убытков, нанесенных ему казной.

Дом оценили в четыре тысячи рублей, от возмещения убытков отказались. Тогда в январе 1789 года М.А.Сибиряков съездил в Санкт-Петербург на преим к императрице Екатерине Второй, подал жалобу в Правительствующий сенат. В жалобе

он указал, что без его согласия, под видом занятия покоя под постой войск, заняли не один покой, а все здание с дворовыми постройками, вывезли и похитили вещей на десять тысяч рублей, из которых обещают возвратить только 2500 рублей.

Рассмотрев жалобу, царица приказала иркутскому городовому магистрату исправить дом М.А.Сибирякова коштом иркутского общества, для чего собрать средства от горожан. Время шло, а требуемая сумма не собиралась. Иркутский городской голова, именитый гражданин Михаил Васильевич Сибиряков, племянник просителя, проявил инициативу в окончательном решении этого вопроса. Было поручено иркутскому городничему секунд-майору Кондратову и члену иркутского городового магистрата за архитектора прапорщику Антону Ивановичу Лосеву освидетельствовать дом, учинить смету на поправки, так как ремонт не производился и дом разрушался. О результатах осмотра дома архитектор А.И.Лосев сообщил письмом в иркутское наместническое правление. Указом императрицы от 31 октября 1795 года предписывалось иркутским властям удовлетворить просьбу М.А.Сибирякова безотлагательно. 21 декабря т.г. были собраны представители всех сословий города Иркутска в помещение общественного собрания, там зачитали царский указ, обязывающий произвести плату за содержание дома под банковой конторой.

Иркутские купцы, мещане, цеховые не пожелали платить деньги, объяснив, что распоряжение о занятии дома М.А.Сибирякова поступило от бывшего иркутского губернатора Ф.Н.Клички и поэтому "от взыскания освободить и оказать милостивое благоволение".

В 1798 году в доме М.А.Сибирякова, оцененном в 1500 рублей, жил его племянник Николай Васильевич Сибиряков (владелец дома умер, его жена вдова Пелагея Захарьевна Сибирякова жила в Петербурге). Тяжба о возмещении убытков владельцу дома тянулась десять лет и окончилась тем, что чины иркутской городской думы и городского магистрата были арестованы и не выпускались из служебных помещений с 7 по 19 декабря 1799 года "за неуплату кортомных денег за занимаемый дом асессора М.А.Сибирякова под банковой конторой". Дом передали во владение казны и в нем с 1799 года открыли казенную аптеку. В 1861 году от сильного землетрясения в стенах старинного здания появились трещины, казенная аптека была переведена на Тихвинскую площадь в двухэтажное

здание, где размещалось ВСОРГО. Предполагалось после ремонта здания на Набережной реки Ангары занять прибывшими участниками польского восстания.

Во дворе упомянутого здания стоял деревянный флигель, в который поместили врачебную управу; флигель сгорел 17 февраля 1835 года. На месте бывшего старинного двухэтажного каменного здания возвели в начале 1950-х годов каменный корпус Иркутского кооперативного техникума. Так кратко мы рассмотрели историю каменного дома, в котором ученый Александр Матвеевич Карамашев служил директором банковой конторы с 1779 по 1788 год, за исключением полуторгодичной службы в Нерчинском округе в 1780-1781 г.г.

Христианское учение о злых духах

Предлагаемый вашему вниманию очерк "Христианское учение о злых духах" вышел в свет два года назад в Москве отдельной брошюрой малым тиражом. Но слово истины еще никогда не тонуло в море словес лукавых, и неисповедимыми путями Божьими всегда приходило к тем, кто искренне стремится слышать его.

Тема очерка актуальна для всех времен земной человеческой истории. И все-таки сейчас представляется она нам острой и важной, потому что печально множатся ослепление глаз и окаменение сердец человеческих и многие, увы, не в состоянии различить добро и зло, красоту и безобразие, порок и добродетель. Зло, принимая многочисленные образы, прикрываясь, по своему неизменному древнему обычаю, якобы, самыми "добрыми" намерениями, бесстыдно и дерзко бесчинствует в Поднебесной, уловляя в сети свои легковерных и легкомысленных, независимо от их возраста. Растет число так называемых экстрасенсов, прорицателей, астрологов и т.п., то есть тех, которые в Священном Писании названы чародеями. Неудивительно и то, что параллельно растут и множатся нервные срывы и расстройства, физические недуги. Одни не видят ничего, кроме блеска золотого тельца; другие впадают в уныние и отчаяние, считая, что некому верить и не на кого надеяться; третьи плывут по течению, даже не желая думать о реальности, так как реальность эта очень непроста и т.д.

Как скорбно видеть благочестивому отцу детей своих, безумно проматывающих то, что он создал нелегкими трудами, пренебрегших заповедями его! Тяжело детям расплачиваться за отступничество своих отцов, искавших новых истин. Что ж удивительного? Ведь истина была и остается всегда одной. В ней не может быть ничего относительного, как в белом не бывает немного черного - или это уже не белое. Потому что она - Истина - пребывает во веки веков. А зло, оставаясь неизменно злом, всегда ищет удобную почву в человеке, чтобы, следуя своим классическим правилам, сначала обманув, прельстить, затем поработить себе и погубить, пожав плоды: скорбь, страх, болезни, отчаяние, безумие и смерть. Такова уж природа зла. И также как Истина не есть некая идея или абстрактное понятие, но - самобытная Личность, Творец всего сущего, Бог Триипостасный, так и зло со своим мрачным воинством - духами зла - существа личные и действительные! При определенных обстоятельствах злые духи могут входить в людей и, в том числе, в христиан, не радеющих о ревностном исполнении заповедей Божьих. Христиане, забывающие о том, что смысл их земной жизни, прежде всего, в святости, не думая о воле Божьей, предаются своей мятежной воле и порабощаются видимому и преходящему. Жизнь их в таком случае превращается в нравственное заблуждение, а сами они становятся удобным вместилищем для духов зла. В истории христианства немало таких примеров. Таковы были Иуда Искариот и Коринорский блудник. Последний был предан диаволу с той целью, "чтобы дух был спасен" (1 Кор.5,5). Господь как прежде, так и теперь попускает, судя по всему, злым ду-

хам входить в людей, чтобы наказать их временно, еще на земле, за грехи и понудить к нравственному исправлению. Терпеливо и смиренно перенося свое несчастие, уповая на помощь Божию, они получают исцеление. Так исполняется слово Господа: "Кого я люблю, тех обличаю и наказываю. Итак, будь ревностен и покайся" (Отк.3,19). Известны случаи, когда действию злых духов подвергались люди высоконравственные. Так, из жития старца Серафима Саровского мы знаем, что некоему дворянину В.Островскому, человеку очень талантливому, искренне верующему и глубоко преданному о.Серафиму, предсказал старец, что тот на несколько лет впадет в несчастную страсть - пьянство, что и случилось впоследствии. Видя то, как смущен был В.Островский таким скорбным пророчеством, о.Серафим утешал его и просил не печалиться, т.к.Бог попускает иногда и усердным к нему людям впадать в тяжелые пороки с тем, чтобы не впасть им в еще больший грех - высокоумие. Случаи одержания злыми духами постоянно должны напоминать христианам о необходимости большей внимательности к своей духовно-нравственной жизни, бодрствованию, и, по-возможности, непрерывному молитвенному обращению к Господу. Ведь земная жизнь наша есть изгнанничество и нужно всеми силами стремится через покаяние и достойные покаяния дела к своему небесному отечеству.

Злые духи - существа личные. Свойства их. Местопребывание злых духов. Несомненность влияния злых духов. Ослабление власти дьявола с пришествием Спасителя. Разнообразие козней дьявола. Зависимость влияния дьявола от нас самих. Способы брани дьявольской по описанию св.Исаака Сирина и Антония Великого. Примеры из жития святых. О бесноватых нашего времени.

Вследствие плотского состояния своего мы не способны видеть духов злобы, но мы "имеем вернейшее пророческое слово" и, обращаясь к нему, "как к светильнику, сияющему в темном месте" (2 Петр, 1,19) можем познать своих врагов настолько, чтобы быть в состоянии победить их. Средством познания духов для нас служит христианское учение; содержащееся в Св.Писании, раскрытое и утвержденное творениями св.отцов и учителей Церкви.

С учением о дьяволе как о действительно существующем, личном духе мы встречаемся на первых страницах Библии. По свидетельству книги Бытия, дьявол, вошедши в змия, убедил наших прародителей нарушить заповедь Божию (Быт.3, 1-19). То, что дьявол был виновником греха, который погубил весь род человечкский, свидетельствует премудрый Соломон: "Бог создал человека для нетления и сделал его образом вечного бытия Своего, но завистью диавола вошла в мир смерть" (Прем.2, 23-24). По этой причине дьявол называется человекоубийцею от начала (Иоанн, 8,44).

О том, что Моисей знал о существовании злых духов, свидетельствуют книги второзакония. Перечисляя беззакония иудеев Моисей говорит, что они "приносили жертвы бесам, а не Богу" (Второз. 32,17), т.е., как поясняет св.Иоанн Златоуст, приносили жертвы идолам, в которых сидят бесы (Сочинения, т.II; с.551). Дьявол поразил праведного Иова гноем лютым от ног до головы (Иов.2, 1-7); дьявол попустил Давида, "да сочислит народ израильский" (1 Пар. 21,1). Демон Асмодей убил семь мужей, за которых по очереди была выдаваема Сарра - дочь Рогуила (Тов.3.7-8); злой дух овладел Саулом (1 Цар.16, 14-15).

С теми же свойствами зависти, хитрости и лукавства изображается злой дух и в книге Царств (3 Цар.22,

19-23) и в книге пророка Захарии (Зах.3, 1-2). В первом случае дьявол, чтобы побудить Царя Израильского преступить заповедь Божию, обещает сделаться духом лжи в устах пророков, а во втором - клевещет на народ израильский.

Св. евангелист Иоанн Богослов истину бытия злых духов связывает с пришествием в мир Сына Божия. "Кто делает грех, тот от диавола потому, что сначала диавол согрешил. Для сего-то и явился сын Божий, чтобы разрушить дела диавола" (Иоанн, 3,8, ср.Мат. 12,24-29; Иак.2,19). Из этих слов следует, что отрицание дьявола ведет нас к отрицанию тайны падения, и, следовательно, тайны искупления. В самом деле, зачем Христу было приходить на землю, если дьявола нет? А отрицая тайну искупления, мы должны отвергнуть и все христианство... То, что Господь Иисус Христос приходил на землю для того, чтобы разрушить дела дьявола, свидетельствует вся евангельская история.

"Ваш отец диавол - говорит Иисус Христос иудеям - и вы хотите исполнить похоти отца вашего; он был человекоубийцей от начала" (Иоан.8.44). Затем Христос и в самом учении, и в притчах, и в объяснительной их части учил о дьяволе и ангелах его, как о существах действительных, как о злых духах, старающихся вредить людям. Изображая последний страшный суд, Христос говорит: "Тогда скажет и тем, которые по левую сторону "идите от меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его" (Мат., 25,41).

Осуждение Христос изрекает грешникам - существам действительным, ибо для них прежде всего уготован огонь вечный.

По словам Христа Спасителя, сатана 18 лет мучил несчастную скорченную женщину (Лук., 13, 11-16); он же просил Господа сеять апостолов как пшеницу (Лук., 32,31); в др.местах св.Евангелия приводятся слова Иисуса Христа о том, что существует целое царство злых духов, что дьявол - злобный князь его и имеет своих слуг (Мат.12, 25/27), что дьявол - князь бесовский - есть "князь мира сего" (Иоан., 12,31).

А как ясно учил о бытии злых духов Христос, когда исцелял бесноватых! Никогда он не называл беснование естественною болезнью, навсегда признавал виновниками ее бесов и изгонял их (Мат., 4,24,8,16, Мар., 1,34; 7,29-30). Особенно замечательным является исцеление гадаринского бесноватого. Этот несчастный влачил жизнь свою не в человеческих жилищах, а в гробовых пещерах, бился о камень с пеной на губах, испускал вопли. Пробовали сковать его, он как веревки разрывал оковы. Что это за болезнь? Неверующие скажут: падучая болезнь, нервное расстройство. Очень вероятно, что в основе беснования лежит душевное и телесное расстройство, которое служит удобной почвой для дьявола. Но про гадаринского бесноватого нельзя сказать, что он был только нервно расстроен, это видно вот из чего: изгнанные из несчастного бесы просили у Христа дозволение войти в стадо свиней. Христос дозволил и вот стадо бросилось с крутизны в море (Мат.8, 28-32). Кто же потопил свиней? Не бесноватый, который сидел у ног Христа, а легион бесов, изгнанных из него.

Подобно Иисусу Христу и апостолы учили о зловредности злых духов, о пагубном их влиянии на род человеческий. По их учению Христос воспринял нашу плоть для того, чтобы своей смертью лишить власти имеющего державу смерти, т.е. дьявола (Евр.2,14). Дьявол есть Лицо действительное, иначе апостол Иуда не стал бы его изображать спорящим о теле Моисея с архангелом Гавриилом (Иуд., 1,9). Апостолы учили, что демоны - духи разумные (Иак.3,15), но злые (Деян., 19,13). Будучи многочисленны

(Апок., 12,14), они образуют свое царство, во главе которого стоит сатана (Рим., 16,20).

Из вышеприведенных мест св.Писания ясно, что дьявол есть лицо действительно существующее. Так эти места и поняли св.отцы Церкви. В своих творениях они рассуждают о природе злых духов, их первом грехе, кознях и пр. Особенно убедительно доказывает бытие злых духов история жизни св.подвижников, которые всю свою жизнь вели жестокую брань с духами злобы. Отвоевываясь от демонов своей высокой нравственной жизнью, св.подвижники изгоняли злых духов из других людей, на что указывает еще Тертуллиан: "Что касается демонов, то мы не только не отвергаем их, но сражаемся с ними, изгоняем из тела человеческого, как это всякому известно" (Прилож.к Православн.Обозрению, 1868,ч.1, с.92-93).

Верование Св.Церкви в бытие злых духов и их зловредную деятельность самым убедительным образом выразилось в ее молитвах и молебных чинах. Так, в 8-й молитве на сон грядущим православный христианин молит Бога: "Избави мя Господи, настоящего обстояния бесовскаго... Изми мя от уст пагубного змия". В молитве св.Макария: "Спаси мя, яко Бог мой еси ты и Создатель... Да не убо похитит мя сатана и похвалится, Слове, еже отторгнути мя от Твоея руки и ограды".

Научает Церковь молится ангелу-хранителю, дабы он не дал "места лукавому демону обладати мной, насильственном смертнаго сего телесе".

В чине св.крещения требуется от восприемников, дабы они за крещаемого отреклись от дьявола и всех дел его, и всей гордыни его. Возможость же существования бесноватых как действительно одержимых злыми духами Церковь признает тем, что имеет особый чин "о избавлении от духов нечистых".

Итак, Св.Писание ясно учит, что дьявол есть лицо действительное, существующее. Поэтому, как говорит о.Иоанн Кронштадтский, "упорное неверие в бытие злых духов есть настоящее беснование, ибо идет наперекор Божественному Откровению, отрицающий злого духа человек уже поглощен дьяволом (1 Петр, 5,8) и, сидя во тьме и сени смертной, не в состоянии зреть Солнце Правды" (из дневника 1898 года).

Какими же свойствами обладают злые духи? И на этот вопрос мы находим ответ в Св.Писании. Злые духи имеют ум и волю (2 Кор., 2, 11). Знают злые духи Бога, врочем так, что это знание внушает им страх. "Ты веруешь, что Бог един... и бесы веруют и трепещут", пишет апостол Иаков (2,19). Христа-Спасителя нередко злые духи исповедовали сыном Божиим (Мат., 8,29; Мар.1,24).

Знают злые ангелы, конечно, и самих себя, потому что, если дух человека знает, что в человеке (1 Кор., 2,2), то, конечно, то же должно сказать о злых духах. Известно злым духам и состояние нынешнего мира, как об этом говорится в книге Иова. Дьявол, обойдя всю землю в наблюдениях за людьми, сказал об этом Господу и Господь не опроверг его слов как ложных (Иов, 1,7); знают падшие души и нечто будущее, которое происходит от определенных и неизменяющихся причин. Будущее случайное им известно из откровения Божия (3 Цар., 22,22), а также из наблюения над характером людей.

Однажды демон явился св.Андрею и произнес предсказание о нравственном расстройстве христиан в последние дни. "В те времена - говорил демон - человеки будут злее меня и малы дети превзойдут стариков лукавством. Тогда я не буду учить людей ничему, они сами будут исполнять волю мою". Св.Андрей спросил: "Как это

ты знаешь, ведь демон ничего не знает по предвидению?" На это демон отвечал: "Умнейший отец наш, сатана, пребывая в аду, гадательствует обо всем посредством волхвования и передает нам".

Но имея ум, злые духи настолько исказили его, что вместо основного качества всякого ума - стремления к истине - главной чертой его является ненависть к истине, по этой причине дьявол называется в Евангелии отцом лжи (Иоан. 8,44), а в Апокалипсисе - клеветником (Отк. 12,10). Воля демона, закосневшая во зле, конечно, теперь может направлять их деятельность к одному злу, но и демоны имеют некоторую свободу, т.к. могут из многих зол выбирать одно. Вместо любви существо дьявола преисполнено непримиримой к Богу и его творениям враждой и завистью. В нем мы имеем врага постоянного, поэтому св.апостол Павел советует христианам облечься во всеоружие для борьбы с дьяволом (Еф., 6,12-17).

Доколе Дьявол был светлым ангелом, он обитал на небе (Мат.24, 1). Превознесенный выше всех духов Денница задумал стать самостоятельным царем. И вот Господь низверг со светлого неба духа, омрачившего себя противлением Творцу вместе с увлеченными им подвластными духами (Еф.6, 12; Отк.12,9). С тех пор местопребыванием дьявола сделалась та голубая бездна, которая отделяет Церковь воинствующую от Церкви торжествующей и которая на языке общеупотребительном называется воздухом. Справедливость этой мысли явствует из Св.Писания. Так, в книге Иова дьявол сам свидетельствует, что он обошел всю землю и протек поднебесную (Иов,1,7; 2,2). О пребывании падших духов в воздухе говорит св.апостол Павел: "Потому что наша брань не против плоти и крови, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных" (Еф.6,12). Вот как объясняет это место св.Афанасий Великий:: "Дьявол - враг нашего рода - ниспавши с неба, блуждает в пространстве этого нижнего воздуха, где начальствуя над другими демонами, как на соделавшимися непокорством и гордостью подобными ему, при содействии их, обольщает человеков привидениями и старается воспрепятствовать тем, которые стремятся горе", о чем апостол Павел говорит: "По воле князя, господствующего в воздухе, духа, действующего ныне в сынах противления" (Еф.2,2). ("Слово о смерти" еп.Игнатия Брянчанинова, с.214). В толковании на пс.41 св.Иоанн Златоуст говорит: "Сколько демонов носится в этом воздухе? Сколько противных властей? Если только позволил Бог показать нам их страшный и отвратительный образ, то мы подверглись бы умопомешательству" (Соч.том 1, с.722). А св.Антоний Великий говорит прямо, что "демоны носятся в воздухе". Если же злые духи наполняют воздух, то отсюда ясно, что они со всех сторон окружают нас. Вот как об этом говорит преосвященный Феофан Затворник: "Обыкновенный образ перевода и понимания слова "поднебесным" озаначает, что духи летают в воздухе, и как воздух обнимает нас повсюду, так повсюду окружают нас и духи злобы и непрестанно приступают к нам, как комары в сыром месте" (Толк. на Посл. к Еф., с.412).

Носясь в воздухе, бесы нисходят на землю, что ясно видно из Евангелия, которое повествует о различных действиях демонов на земле. Демоны могут входитьв человека и в животных (Лук.8,29,33). Демоны живут и в воде по учению Православной Церкви, которая ежегодно в день Богоявления Господня в своих "молитвах на освященни воды" просит Господа Бога об очищении воды от демона.

По ниспадении злых духов с неба в область поднебесную или воздушную (Еф.2, 2; 6,12) для них стал вовсе недоступен мир небожителей, и поэтому все их злостное внимание исключительно обращено на близкую к ним землю с тем, чтобы здесь - между людьми - сеять зло. Зло, таким образом, составляет насущную потребность дьявола, который ни о чем не мыслит кроме зла, ни в чем не находит успокоения или наслаждения, кроме злой деятельности. Царство Добра как Царство Божие ненавистно ему, поэтому-то он и старается о разрушении Царства Божия на земле (Кор.4,4). По словам Спасителя, "дьявол-враг его": ибо на том поле, где Господь посеял пшеницу, дьвол посеял плевелы (Мат.13, 24-25).

Во вражде к Богу дьявол отторгнул от Него людей еще в раю и потом старался удерживать их в своей власти. Он воспользовался неверно направленным стремлением людей найти Бога и, обманув их, низринул в бездну погибели. Этой бездной было идолопоклонство. Язычники, принося жертвы, приносят их бесам, а не Богу, пишет св.Апостол Павел. Дьявол обольщал людей при помощи волхвов. Апостол Павел называет волхва Еллима: "О, исполненный всякого ковартсва и всякого злодейства, сын диавола, враг всякой правды" (Деян.13,10). Принимая для удобства к достижению своей цели вид светлого ангела (2 Кор.11,14), дьявол возбуждает в людях нечестивые мысли и желания. "Для чего - говорит апостол Петр Анании - ты допустил сатане вложить в сердце твое мысль солгать Духу Святому?" (Деян.5,3). Дьявол может действовать и на тело, производя в нем физические страдания (1 Кор.12,7). Вообще все, что есть только злое в мире, по учению св.апостолов, есть дело дьявола. "Кто делает грех, тот от дьявола, потому что сначала дьявол согрешил", говорит св.Иоанн Богослов (Иоан. 3,8), а св.апостол Павел совращение на путь греха называет совращением "вслед сатаны" (1 Тим.5,15). Дьяволу же Св.Писание усвояет ослепление разума у всех тех, которые не принимают Евангелие (2 Кор.4,4), они представляются попавшими в сети дьявола, "который уловил их в свою волю" (2 Тим.2,26). Даже обстоятельства, воспрепятствовавшие апостолу Павлу посетить Солунь, признаются совершившимися под влиянием сатаны (1 Фес.2,18). Итак, влияние злых духов на людей несомненно, и простирается оно, по словам Спасителя, до того, что дьявол обитает в грешных людях, как в своем доме, и не только сам обитает, но и приводит еще наилютейших духов (Мат.12,43-45). Очень наглядно изображает зависимость грешника от дьявола св.апостол Павел. Он называет грешников уловленными от дьявола и заповедует верующим молиться о таковых, "не даст ли им Бог покаяния к познанию истины, чтобы они освободились от сети диавола" (2 Тим.2,25-26). Подобно тому как птица вся находится в руках ловца, так и грешник в руках дьявола. Но тогда как птица чувствует свою неволю и бьется в сети, чтобы прорвать ее, грешник не примечает своего плена и потому не старается освободится от него.

Из приведенных мест Св.Писания видно, что дьявол, по-видимому, может безнаказанно вредить людям. Спрашивается, как же понять слова апостола: "Для чего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела дьявола" (1 Иоанн, 3,8), Неужели Богочеловек Своею смертью не лишил силы "имеющего державу смерти, то есть дьявола", и не избавил людей от рабства ему (Евр.2,14,15). Ответ на эти вопросы мы находим у Св.Григория Богослова, который говорит: "Христос не истребил дьявола единым движением воли, но оставил сво-

бодным врага и попустил ему быть в одно время среди добрых и злых и воздвигнул между ними жесткую взаимную брань, чтобы как враг подвергался здесь ужасному позору, сражаясь с теми, кто немощнее его, так и подвизающиеся в добродетелях, всегда имели славу свою, очищаясь как золото в горниле" (Соч., ч.4., с.195). Следовательно, Христос пришествием Своим не уничтожил совершенно власть дьявола, а только ослабил его влияние на людей, дал нам средства обращать все козни дьявола в ничто. "Противостаньте дьяволу и убежит от вас" - пишет апостол Иаков (4,7). Итак, мы не можем считать сбея свободными от нападений дьявола и должны твердо отражать всякое искушение, ободряя себя словами апостола: "Верен Бог, который не попустит нам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы мы могли перенести"(1 Кор.10,13). Очень характерно объяснение св.Иоанна Златоуста относительно того, зачем Бог допускает нас "искуситися от диавола". Бог не препятствует дьяволу посещать тебя искушениями, во-первых, для того, чтобы ты познал, что сделался гораздо сильнее дьявола, во имя Христа знаменуясь крестом животворящим; во-вторрых, чтобы ты пребывал в смирении и не превозносился величием даров; в-третьих, для того, чтобы лукавый дух, видя твое терпение, уверился, что ты отступил от него; в четвертых, чтобы ты через это сделался тверже и крепче; в-пятых, чтобы ты не забывал своей немощи и сил Помогающего тебе (т.3, с.205).

Чтобы быть в состоянии отразить козни дьявола, необходимо знать, какие бывают искушения. Св.отцы и подвижники, богатые опытом духовной жизни, испытали сами и видели злоухищрения дьявола к погибели душ человеческих. Так, св.Пахомий Великий, например, видел беса в образе прекрасной жены, идущей в обитель со множеством слуг (Четьи-Минеи, окт.15); на соблазн и обольщение св.Иллариона дьявол во время молитв его являлся то в виде волка, то в виде лисицы (Четьи-Минеи, окт.21).

Преподобному епископу Нифтону было открыто, как бесы ходят между людьми,склоняют их к разным грехам, осуждению, клевете, брани и причиняют разные скорби. Так однажды Нифонт видел одного человека, делающего свое дело; и вот вдруг приходит к тому человеку бес и начинает шептать ему на ухо; неподалеку был другой человек, также занимавшийся своей работой, бес и тому пошептал на ухо, и вот оба они, оставив свою работу, стали ссориться. Блаженный, встав, сказал: "О лесть бесовская, как ты сеешь вражду между людьми". В другое время на блаженного напал бес тщеславия, говоря: "С сего времени ты будешь творить чудеса и по всей земле прославится имя твое, ибо ты угодил Богу". Блаженный сказал бесу: "Подожди, я свершу пред тобою чудо". Увидя пред собою камень, преподобный сказал: "Тебе говорю, камень, иди отсюда и перенесись в другое место", но камень лежал неподвижно. Тогда святой сказал бесу: "Вот твой дар", и плюнул дьяволу в лицо. Затем помолился Богу и дьявол исчез. Видел преподобный еще одного человека, за которым шел дьявол и влагал в него хульные помыслы. Блаженный сказал лукавому духу: "Перестань, дьявол надоедать рабам Божиим. Какая тебе польза в том, если его душа пойдет на погибель?" Бес отвечал: "Никакой пользы нам нет из сего, но мы имеем такое повеление от царя своего и князей, чтобы мы боролись с людьми, если же князья найдут нас не борющимися, то жестоко побьют нас за это (Четьи-Минеи, мая 15).

Однажды бес, пришедши ночью в келью преподобного Макария Александрийского, сказал ему: "Встань, авва Макарий, и пойдем в церковь к богослужению". Макарий же, будучи исполнен благодати Божией, уразумел искушение дьявола и отвечал ему: "О лжец и ненавистник добра! Какое может быть с тобой участие в Богослужении, и что может быть у тебя общего с собором святых?" Дьявол сказал: "Разве Ты не знаешь, Макарий, что без нас не бывает ни одной службы церковной и ни одного монашеского собрания; иди же и увидишь дела наши". Старец отвечал: "Да запретит тебе Господь", и просил святого Бога открыть ему: правда ли все то, что говорит дьявол. Когда наступило время полунощного богослужения, он пришел в церковь. И вот видит по всей церкви как бы неких малых отроков в образе эфиопов, быстро обходящих церковь и летающих. В монастыре том был обычай: один брат читал псалмы, а другие сидели и слушали, и вот рядом с каждым из братий сидели те эфиопы и подсмеивались над ними. Кому пальцами своими дотрагивались до глаз, те сейчас начинали дремать; пред иными ходили в женском подобии, а пред другими делали нечто иное. И что представляли перед кем, тот о том и размышлял в себе. Но от некоторых, как только начинали делать что-либо подобное, тотчас некоторой силой были прогоняемы и удаляемы и более не могли стоять пред ними и даже проходить мимо. А у некоторых немощных братьев, невнимательных к молитве, насмехаясь, сидели на шее и плечах. Преподобный Макарий, увидев сие, вздохнул из глубины сердца и сказал: "Воззри, Господи, и не смолчи, воскресни, Боже, дабы разошлись враги Твои и убежали от лица Твоего, ибо душа наша полна поругания". По окончании службы преподобный Макарий, призывая по одиночке каждого брата, спрашивал о чем он думал во время Богослужения и каждый открывал свои помышления. Оказалось, что каждый думал о том, что, насмехаясь, представлял пред ним бес.

Один подвижник по имени Валент, долго живя в пустыне, много изнурял свою плоть и считался великим сподвижником, но потом, обольщенный духом самомнения и гордости, впал в крайнее высокомерие, так что сделался игралищем бесов. Надмившись пагубною страстью самомнения, он стал мечтать, наконец, в самообольщении, что с ним беседуют ангелы и при всяком деле служат ему. Дьявол, уверившись, что Валент совершенно предался обману, принимает на себя вид Спасителя и ночью приходит к нему, окруженный сонмом демонов в образе ангелов с зажженными светильниками. И вот явился огненный круг и в середине его Валент видит как бы Спасителя. Один из демонов, в образе ангела, подходит к нему и говорит: "Ты благоугодил Христу своими подвигами, и он пришел посетить тебя. Итак, другого ничего не делай, а только, вставши вдали и увидев его, стоящего среди всего сонма, поклонись ему и потом иди в келью свою". Валент вышел и увидев много духов со светильниками, пал и поклонился лже-христу. Обольщенный, он до того простер свое безумие, что, пришедши на другой день в церковь, сказал при всей братии: "Я не имею нужды в приобщении ибо видел Христа". Тогда окружающие его, видя, что он впал в умоисступление, связали его цепями и в течение года вполне уврачевали его, истребив гордость его молитвами.

В образе Христа явился бес и преподобному Пахомию и сказал: "Радуйся, старец, столько мне угодивший. Я Христос и пришел к тебе как к другу своему". Изумился преп.Пахомий и, смотря на привидение начал рассуждать: "Христово пришествие к человеку

сопровождается радостию, сердце не чувствует никакого страха, все помышления тотчас исчезают, ум делается очами серафимскими и весь вперяется в созерцание славы Господней; а я теперь смущаюсь, боюсь... Нет, это не Христос". Потом, оградив себя крестным знамением с дерзновением сказал: "Отойди от меня, дух злобы. Будь проклято лукавство всех твоих начинаний" (Училище благочестия, т.П, с.26).

По мнению святых подвижников, разнообразие способов влияния злых духов на людей зависит от различия самих демонов. Подобного же мнения держится и преп.Иоанн Кассиан, который говорит: "Мы должны знать, что не все демоны возбуждают все страсти в людях, но ко всякому пороку подстрекают известные духи, именно: иные побуждают услаждаться нечистой и скверной похотью, другие располагают к богохульству, иные ко гневу и ярости, иные к печали, иные внушают утешаться тщеславием и гордостью; и всякий всевает в сердца человеческие ту страсть, какою сам преимущественно недугует, но не все вместе внушают свои пороки, а попеременно, смотря по тому, как благоприятсвует время, место, приемлемость человека... Это ясно доказывается тем, что нельзя разжигаться похотью блуда и обольщаться суетою тщеславия; нельзя надмеваться духовною гордостью и вместе с унижением предаваться объединению, нельзя разливаться в глупом смехе и раздражаться гневом или предаваться скорби. Необходимо каждому духу делать нападение на душу, так что, когда побежденный отходит, то уступает место другому духу, сильнее себя, нападать на нее, а если останется победителем, то предоставляет другому обогащать человека иным родом обольщения".

Уместен вопрос: могут ли демоны против нашей воли овладевать душой? Отвечает на него св.Кирилл Иерусалимский: "Душа свободна, и дьявол, хотя может подущать, но не имеет власти принуждать делать что-нибудь против воли". "Нечистые духи - говорит преп.Иоанн Кассиан - не иначе проникают в тело одержимых ими, как овладев наперед их умами и помышлениями. Обнажив умы от одежды страха Божия, памяти о Боге, злые духи нападают на них, как на обезоруженных и лишенных Божьей помощи и потому удобно побеждаемых и, наконец, устрояют в них жилища как бы в предоставленном им владении". Из приведенных слов видно, что дьявол для того, чтобы овладеть нашей душой, должен прежде овладеть нашим умом. А как это происходит отвечает преп.Нил Сорский: "Помысл тщеславия всех многосложнее; он объемлет почти всю вселенную и, как коварный изменник прекрасного города, отворяет врата души всем бесам". И действительно, посмотрите только с услаждением на свои добродетели, как на плоды своих трудов и своих сил, и вы на деле увидите, с какою быстротой устремится в душу вашу все зло. Из самодовольства родится осуждение ближних, а отсюда уже нетрудно стать чадом дьявола, всю деятельность направляющего к погибели человека.

Итак вселение злого духа в человека имеет свои степени. Слова Евангелия: "Вошел же сатана в Иуду" (Лук.22,3) не следует понимать так, что Иуда сделался бесноватым в полном смысле этого слова, а лишь так, что злой дух подвигнул Иуду на предательство своего учителя. Не один раз, быть может,пытался злой дух возмущать душу несчастного предателя, но только в данном случае имел успех. Св.евангелист Лука соединяет эти степени вселения сатаны в душу Иуды Искариота в единократное действие сатаны, побудившее предателя идти к членам синедриона и условиться с ними о времени пре-

дания Христа; а св.Иоанн Богослов различает эти степени и показывает постепенность вселения; через страсть сребролюбия сатана проник в душу ученика, потом полнее овладел его сердцем и, наконец, решительно вселился в него" (Иоан, 12, 6; 13,2,27).

Главная отличительная черта дьявольской брани - это приспособление. С необыкновенной хитростью и лукавством дьявол идет навстречу нашим желаниям и стремлениям, даже, по-видимому, добрым и невинным, чтобы превратить их в орудие свое. "Дьявол отовсюду пытает,- говорит св.Григорий Богослов,- высматиривает где низложить, где уязвить и найти, что не защищено и открыто для удара; чем более видит чистоты, тем более усиливается осквернить.. Злой дух принимает на себя двоякий образ, раскидывая то ту, то другую сеть, он - или глубочайшая тьма (явно зло) или превращается в светлого ангела (прикрывается видом добра) и обольщает умы кроткой улыбкой, почему и нужна особенная осторожность, чтобы вместо света не встретиться со смертью. Избегать порочной жизни могут и худые люди, потому что открытый порок для всех ненавистен, хвалю же того, кто обличает коварного и невидимого врага". И в другом месте тот же св.отец говорит: "Злобный враг для немощных смертных измыслил тысячи жал смерти, часто под благовидной личиной скрывая жалкую пагубу, чтобы уловить противоборствующего; он также готовит гибельный конец людям, как уда в воде приносит смерть рыбам. Но дьявол завладеть нами всецело не может никакими способами; если сильно овладевает некоторыми, то только по собственному произволению овладеваемых без сопротивления" (Иак.4,7). Тот только, кто не противится влиянию духов злобы, подпадает под власть дьявола, и в этих случаях мы одни виноваты, ибо поддаемся добровольно соблазнам и греху. "Кто кем побежден, тот тому и раб" (2 Пет.2,19).

Брань с нами злые духи ведут непрестанно, разнообразя ее всякими способами. Главное, что наблюдается при этой брани, это постепенность, чтобы для нас был незаметен подход зла; начав с малого, злые духи переходят к великому влиянию на нас. Различные способы брани, которую дьявол ведет с шествующими коротким путем, хорошо описаны у св.Исаака Сирина. Он говорит: "У сопротивника нашего дьявола есть обычай со вступающими в подвиг (нет речи о тех, которые не стремятся ко спасению, а сами отдаются в руки и власть врагу)... хитро уразноображивать борьбу свою; на тех, которые ленивы произволением и немощны помыслами, дьявол обращает особое внимание и с самого начала сильно нападает на них, так что выставляет против них твердые и сильные искушения, чтобы в начале пути заставить изведать все способы лукавства его, чтобы с первого подвига объяла их боязнь, путь показался бы им жестоким и непроходимым и сказали бы они так: "Если начало пути тяжело и трудно, то может ли кто выдержать до самого конца многие предстоящие на нем нападения?". И с этого времени не могут они уже снова восставать или идти вперед и даже видеть что-либо иное.. И недолго ведет дьявол с ними жестокую брань свою, чтобы обратить их таким образом в бегство с пути к царствию небесному. Это первый способ дьявольских браней.

Иначе действует он по отношению к тем, которые мужественны и сильны, ни во что вменяют смерть, исходя на дело с великой ревностию. Навстречу таким дьявол выходит не вдруг, сдерживается... не осмеливается даже прикоснуться к ним", пока не охладеют они в ревности своей. Это второй способ брани дьявола.

Когда же дьявол увидит, что внешние чувства человека не побуждаются внешними вещами, помыслы не ослабевают от ласкательств и обольщений его, тогда этот обманщик желает ослепить ум человека и возбудить в нем помыслы гордыни, чтобы подумал он в себе, будто бы вся крепость его зависит от его собственной силы, и сам он приобрел себе это богатство, своею силою сохранил себя от противника и убийцы. Иногда же враг под видом откровений от Бога в сновидениях показывает что-либо человеку, а также во время его бодрствования преобразуется в светлого ангела и делает все, чтобы мало-помалу убедить человека и хотя несколько привести в согласие с собой. В этом состоит третий способ дьявольской брани с сильными и мужественными.

Четвертая брань - самая упорная. Она состоит в следующем: "ум подвижника ослепляется часто видением и приближением к нему вещей чувственных... Дьявол усиливается сделать чтобы ум у подвижников видел все в призраке. В мечтаниях показывает подвижникам женскую красоту в непристойных видах, привлекая внимание то убранством одежды, то вольностью обращения, то телесною наготой. Сим и подобным сему одних победил враг на самом деле, а другие, по беспечности помыслов своих, обмануты были мечтаниями и через то пришли в глубину отчаяния, уклонились в мир; и души их утратили небесную надежду. Часто также враг делал, что видели они мечтательно золото, драгоценные вещи, а иногда и самим делом показывал им в той надежде, что, быть может, и успеет такими различными мечтаниями остановить кого-либо из них в течение его (на подвиг) и задержать в одной из сетей и мереж своих".

Св.Антоний Великий так учит борьбе христианина с демонами: "Мы имеем у себя страшных и коварных врагов, злых демонов. Демоны всякому христианину... как скоро увидят, что он трудолюбив и преуспевает в добродетели, стараются положить на пути соблазны, внушая лукавые помыслы... И когда не могут обольстить сердце явным и нечистым сластолюбием, тогда снова нападают стараясь уже устрашить мечтательными привидениями, принимая на себя подобие женщин, зверей, великанов, пресмыкающихся, множества воинов и т.п. Но и в таком случае не должно приходить в боязнь, т.к. эти призраки сами по себе ничтожны и скоро исчезают, особливо если кто с верою в помощь Божию оградит себя крестным знаменеим. Впрочем, демоны не прекращают своих враждебных действий и после сего поражения и нападают иным способом: принимают на себя вид прорицателей, предсказывают то, что должно совершиться через некоторое время. Иногда же представляются великорослыми, чтобы тех, кого не могли обольстить помыслами или уловить к доверию, привести в страх такими призраками. Если же и в этом найдут, что душа ограждена сердечною верой и упованием на Бога, то приводят с собою уже князя своего, который является в ужасающих призраках, чтобы поколебать в подвижнике веру в промысел Божественный и изгнать его из спасительного места служения его Богу. Но мы не должны страшиться производимых врагом привидений и обращать внимание на льстивые слова его, т.к. дьявол всегда лжет и никогда не говорит ничего истинного. Видимый в них свет не есть свет действительный. Внезапно являются, но немедленно также исчезают, не причиняя вреда никому из верующих. Но это еще не все виды коварства и ухищрений дьявола: злые духи принимают на себя другие виды. Нередко, будучи сами невидимы, представляются благоговейными собеседниками,

чтобы обмануть подобием образа и обольщенных ими вовлечь во что хотят. Но не должно слушать демонов, даже говорящих правду, ибо и сам Господь говорившим правду демонам (ибо они справедливо говорили: "Ты еси Сын Божий")(Лук.4,4) повелел молчать, чтобы вместе с истиною он не посеял и лжи.

Итак, по свидетельству св.отцов средства искушения у дьявола разнообразны. А отчего мы иногда не замечаем нападений дьявола, на это отвечает преосвященный Иннокентий, архиепископ Херсонский: "Чтобы чувствовать к себе прикосновение духа тьмы, надо самому быть светлым, а грешник есть тьма. На чистом белом платье и малое пятно тотчас приметно, а платье черное не даст заметить на себе самых черных больших пятен. В душе светлой и чистой одна какая-либо мысль, вброшенная от дьявола, тотчас производит смущение, тяжесть и боль сердечную; а в душе грешника, темной и оскверненной и самое присутствие его неприметно.Такой неприметности помогает и сам дух злобы всеми силами: ибо что ему за выгода быть приметным? Давать ощущать себя прямо? Это значило бы заставить бежать от себя. И вот он, тирански властвуя над грешником, в то же время старается держать его в том обольщении, якобы он действует сам собой и во всем совершенно свободен.

На вопрос: "Как дьявол знает чем и как можно искусить человека того или другого ко греху", отвечает св.Исидор Пелусиот: "Дьявол не знает того, что у нас в мыслях, потому что это исключительно принадлежит единой силе Божьей, но по телесным движениям улавливает он думы. Увидит ли, например, что иной пытливо смотрит и насыщает глаза чуждыми красотами? - Воспользовавшись его устремлениями, тотчас возбуждает такого человека к прелюбодеянию. Увидит ли корыстолюбивого? - Поощряет к разбою и неправедному приобретению. Увидит ли одолеваемого чревоугодием? - Тотчас живо представляет ему страсти, порождаемые чревоугодием, и доставляет служащее к приведению намерения своего в действие. Почему не всех увлекает в одни и те же страсти? А потому что одному нравится то, а другому - другое. Итак, по телесным движениям угадывает дьявол душевные слабости, и, таким образом, соплетает сети" (Доброт, т.1, с.192). Посредством помыслов злые духи переливают в подвластных им людей все злое и богопротивное. Помыслы заставляют людей переходить от одного греха к другому: от зависти ко вражде, от нечувствия к ожесточению и пр., и наконец, они до того утверждаются во зле, что чувствуют отвращение к добру, презирают все святое, дерзают глумиться над собственной душой и совестью, над верою и самим Творцом. Концом такого союза со злыми духами бывает по большей части или преждевременная смерть, или самоубийство.

Злые духи могут действовать не только на душу, но и на тело. Преп.Нил Синайский говорит: "Когда завистливый демон не успеет привести в движение память, тогда воздействует на кровь и соки, чтобы через них произвести в уме воображение и наполнить его образами". Приманкой телесного удовольствия дьявол неприметно привлекает нас ко злу, воюя с нами посредством всех членов наших.

Этим последним способом влияния злых духов на людей объясняется то, что нередко действие злого духа сходно бывает с болезнью естественною. Так, из Евангельского сказания известно, что скорченная женщина имела духа немощи, и о сей-то женщине Христос сказал: "что сатана связал ее 18 лет"(Лук.13,11-26). Она не была бесноватой в собственном смысле,

но болезнь ее происходила от действия духа нечистого. Св.Василий Великий говорит: "Как не должно вовсе бегать врачебного искусства, так и несообразно в нем одном полагать всю надежду".

Но есть ли бесноватые в наше время, подобные тем, которых исцелял Иисус Христос во время жизни земной? На этот вопрос отвечает о.Иоанн Кронштадтский: "Бесноватые были прежде, они есть и ныне; только ныне, в новой благодати, бесы действуют скрытнее и хитрее, чем в то старое время, кога сила и власть их над людьми не была торжественно сокрушена, и им было гораздо больше простора в мире. И теперь, впрочем, бешеных людей много. Кому из вас неизвестен нынешний ход бесноватых или бешеных пьяниц... есть беснование скупых... Но я видел и настоящих бесноватых, которые произносили страшные хулы, бились об пол" (Соч.Прот.И.Сергиева, т.2, с.35). Тем, которые удивляются, что бесноватые проявляются преимущественно из темного народа, следует вспомнить, что интеллигенты называют своих бесноватых истеричными.

(окончание в следующем номере)

КРИТИКА

Андрей ВОРОНЦОВ

ЗАКОЛДОВАННЫЙ ЭРУДИТ

Видимо, всякого человека, взявшегося за литературное ремесло, преследует искушение - поразить собратьев по перу (а уж читателей тем более) эрудицией. Отмечено, что во времена воинствующего бескультурия, в коем, без всяких сомнений, мы ныне пребываем, количество искушенных увеличивается многократно. В первой трети XX века мы уже пережили подобную эпидемию, когда лица с неоконченным средним образованием устанавливали моды в искусстве и закладывали новые культурные, исторические и философские концепции. Пережить пережили, да вот иммунитета, пожалуй, не приобрели. Особенно это касается истории. Говорят, ею вообще увлекаются люди праздные, жизнь которых бедна событиями, а духовный опыт ничтожен. Есть и другая точка зрения - человек, изучая и комментируя историю, стремится к обретению духовной памяти своих предков. Возможно, они обе справедливы. В одной приднестровской (что показательно) газете мне довелось прочитать первые главы беллетризованной "Истории государства Российского" (за точность названия не ручаюсь) белорусского прозаика Владимира Бутромеева: весьма добротное и живое исследование, хотя, может быть, и не столь оригинальное, как хотелось бы автору. Но чаще сталкиваешься с другими примерами. Еще несколько лет назад я обратил внимание, что давно, но как-то вяло нахваливаемый "прогрессивными" критиками прозаик Вячеслав Пьецух стал делать сначала робкие, потом все более решительные заходы в сторону философии и истории. В качестве руководства к действию им была выбрана вполне универсальная концепция: "Россию люблю и ненавижу". О вкусах не спорят, но со временем увлечение Пьецуха привели к рождению литературного enfant terrible, ужасного дитяти (хотя сам автор переводит это французское выражение как "сорванец"). Речь идет о повести "Заколдованная страна", опубликованной в февральской книжке "Знамени" за нынешний год.

Начало не предвещает конфуза - кухня с тараканами и советскими интеллигентами, чай, спирт, 1983 год. В общем, полный джентльменский набор. Три мужика (один из которых, резонер, назван именем автора) и две девушки. Ругают советскую власть, любят и ненавидят Россию. Резонерствующий Вячеслав, выступающий от первого лица, уныло, но довольно настойчиво навязывает (не могу подобрать другого слова) собеседникам мысль, что коммунизм был порожден христианством. Не знаю, много ли найдется охотников возражать подобным резонерам - среди известных мне неглупых людей таких

нет. При определенных наклонностях ума ведь можно вывести каннибализм из вегетарианства - но у кого достанет праздности оспаривать это? Спекулятивный "закон" единства и борьбы противоположностей позволяет сопоставлять и разводить неразборчивым в средствах прозаикам все, что угодно, но генетическое родство с передовым когда-то учением при этом приходится скрывать. Сейчас это не модно.

Но есть в повести еще один пласт: "дисгармония формы и существа русского способа бытия" заставляют резонерствующего Вячеслава, не прерывая марксистско-ленинской обработки христианства, мысленно углубляться в дебри русской истории (что составляет, собственно, добрых две трети содержания повести). И вот здесь мы сталкиваемся с невежеством почти пугающим, возведенным в геометрическую степень. У любого автора случаются непринципиальные описки, отмечаемые чисто машинально и тут же забываемые. Вот и у Пьецуха мы найдем "допинговые цены" вместо демпинговых (с.69), "Изеркииль" вместо Изекииль (74), "дезектор" вместо дезинсектор (83) - ну и что из того? Допустим, не употребляли "европейские аристократы" во времена Ярослава Мудрого одеколон - его изобрели несколькими веками позже - так употребляли же масла какие-нибудь, благовония? Разве столь уж важно, существовал ли в 1930 г. "энкавэдэ" и был ли его "шефом" тогда Генрих Ягода (с.90) - суть ведь не в названии этой организации и именах ее "шефов". Но как только обращаешься к сути чего бы то ни было, затронутой резвым пером Пьецуха - начинается обвал.

"Наши скандинавские соседи в силу еще большей отдаленности от света исконных цивилизаций были в ту пору дичее нас (IX в. от Р.Хр. - А.В.)" (с.78). Какие же это "исконные цивилизации" излучали свет в эпоху Великого переселения народов на руинах Римской империи? Вероятно, речь может идти о Византии, но в этом случае автору не мешало бы заглянуть на досуге в карту и выяснить, кто в Евразии непосредственно соседствовал с этим государством. Что же касается варягов, то для их "морской пехоты" отдаленность от чего-либо не имела никакого значения: что им стоило поднять паруса и махнуть хоть в Византию, хоть во Францию, которую, кстати, они в IX веке активно осваивали. Вообще, тема вечной "задвинутости", "периферийности" восточных славян, видимо, не дает покоя Пьецуху. Ему, похоже, невдомек, что уже в XI веке Киев был одним из крупнейших и богатых городов мира, чего не скажешь о Париже или Лондоне того времени. Но это, собственно, цветочки.

"- ...Возьмите хотя бы Великую Отечественную войну: ну, слыханное ли это дело, чтобы на одного убитого захватчика приходилось чуть ли не десять русских, чтобы мы когда побеждали такой ценой!

- Вообще-то говоря, - сказал Тараканий Бог, - мы почти всегда побеждали такой ценой. Возьмем хотя бы Отечественную войну 1812 года..." (83) После "возьмем" ждешь обычно каких-то обоснований, цифр, фактов - но их нет. Что же говорят факты? Наполеон вошел в Россию с 600-тысячной армией, а покинул с отрядом в 21 тыс.человек. Противостоящая французам русская армия (210 тыс.человек) самые крупные потери в кампании 1812 г. понесла под Бородиным - около 40 тыс.человек (при 60 тыс.у неприятеля) - Кутузов, узнав об этом, тут же отменил приказ об утреннем наступлении на позиции Наполеона. Небезынтересно, думаю, было бы узнать Тараканьему Богу (это и есть "дезектор" - дезинсектор) о том, что в Синопском морском сраже-

нии. например, русская эскадра из восьми кораблей под начальством Нахимова полностью уничтожила турецкую из пятнадцати кораблей, не потеряв ни одного, при 38 убитых против 3-х тыс. у турок. Не мешало бы дезинсектору ознакомиться также с ратной статистикой Ледового побоища, Полтавского сражения, Семилетней войны, Альпийского похода Суворова, всех русско-турецких войн.

Тема войны продолжается и на следующей странице: "...Вдруг сотни тысяч русских и японцев, как папуасы какие-нибудь, начинают тузить друг друга из-за такой эфемерной вещи, как рынки сбыта!.." (84) Из-за этой эфемерной вещи, смею добавить, началась не только русско-японская война 1904-05 гг., но и первая мировая. Вообще, т.Пьецух, философствовать так философствовать - если рынки сбыта, из-за которых начинаются войны, вещь эфемерная, ergo и сами войны вещь эфемерная.

А вот наш Резонер отвешивает очередную затрещину христианству: "... Вы знаете, какие гадости вытворяли первые христиане? Они целенаправленно совершали все мыслимые преступления, от разбоя на больших дорогах до отцеубийства, потому что Христос сказал: "Не праведников пришел я звать, но грешников" - недаром про них написал Тацит, что мерзостями своими они восстановили против себя весь Рим" (85). Вот отчего, оказывается, целомудреннейшие римляне преследовали христиан! Они просто-напросто боролись с преступностью. Однако, вспоминая Тацита, я не могу представить себе мерзости, коих до Рождества Христова **не совершали** бы добропорядочные римляне-язычники. Может быть, их возмущение было немножечко наигранным? Может быть, jни в конце концов не сдались на милость христианской мафии, а просто устали бесцельно обжираться, блудить и пьянствовать?

Полистаем дальше пьецуховы "Анналы". "Видимо, именно в эту пору (XIII в. от Р.Хр.) сложился тип русского государя, который считает единоличную власть высшим политическим идеалом" (88). Убедительно хочу попросить т.Пьецуха открыть первый том любого энциклопедического словаря на слове "Абсолютизм" и посмотреть, не было ли в это же время и позже в других странах, в частности, обожаемой им Европы, типов государей, считающих единоличную власть высшим политическим идеалом? Был бы очень рад, если бы он нашел способ сообщить мне результаты своего исследования, хотя лично мне они известны.

"...Ведь и христианнейший Генрих IY из видов самого пошлого обогащения обвинил целомудренных тамплиеров в содомском грехе и спровадил руководство ордена на костер" (93). У Пьецуха, как я не раз убедился, свои представления о христианстве, но даже ему не с руки называть "христианнейшим" монарха, в практических целях ("Париж стоит обедни") перешедшего из одной христианской конфессии в другую. Тем не менее считаю необходимым заступиться за любимого французами короля Анри: никаких тамплиеров он не жег, ибо жил на рубеже XYI-XYII вв., а тамплиеры пострадали в XIY. (Отчасти, кстати, за сопротивление высшему политическму идеалу в виде единоличной власти. А чьей - я Пьецуху не скажу, пусть сам посмотрит).

"Около того времени, что началась Столетняя война, французский король стал созывать парламент (93)". Наверное, имеется в виду английский парламент, хотя он был созван много раньше, в 1265 г. Французские же парламенты, существующие не с XIY, а с XI века (парижский) - это вовсе не представительные законодатель-

ные собрания, как в Англии, а высшие суды в столице Франции и провинциях (число их доходило до семнадцати). Королем они не созывались, хотя в раннем средневековье он назначал их членов, в отличие от Генеральных штатов (нечто вроде наших Земских соборов), которые, не исключено, наш Историк и называет парламентом. Подозреваю, он полагает, что парламентская форма правления перекочевала из Франции в Англию вместе с названием, тогда как варяги-завоеватели, уже пожившие во Франции, вероятно, перевезли это слово через Ла-Манш, сами толком не зная, что за ним стоит - ну, собираются франкские вожди и решают важные дела.

"...В прошлом столетии мы смешили цивилизованный мир, выгодно противопоставляя первобытную крестьянскую общину насквозь прогнившим западным институтам" (95). Поскольку Вы, т.Пьецух, увлекаетесь философскими и историческими доктринами геноссе Карла Маркса, Вам не мешало бы знать и о его взглядах на русскую крестьянскую общину. А они, увы, были именно такими, как в процитированной мной выше Вашей фразе. Но не всем "нашим" это нравилось! Засулич и Плеханов писали жалобные письма Учителю, просили заклеймить "первобытный пережиток" - а он ни в какую! Пусть, мол, цивилизованный мир посмеется.

95 страница вообще богата перлами. "... В то время как Запад уходил все дальше и дальше в сторону лучезарной капиталистической перспективы (XYI в. - А.В.), украшая себя науками, искусствами и комфортом, Русь московская оставалась глубоко средневековой державой... до такого предела не имеющей понятия о чести, что когда однажды случилась в Москве дуэль между двумя иноземными дипломатами, обоих высекли на Ивановской площади за попытку смертоубийства". Варварство, ничего не скажешь, да и больно, но вот уже в следующем веке небезызвестный кардинал Ришелье, названный через страницу автором "утонченным попом", распорядился отрубить голову видному аристократу, нарушившему его указ о запрете поединков. Меч у палача оказался тупым, и он лишь после нескольких попыток обезглавил несчастную жертву.

"И только то соображение согревало тогда смурную русскую душу, что она есть единственное и последнее вместилище бога на всей земле, что немец, конечно, опрятнее, и всякие заманчивые у него штуки, и лечится он дьявольскими порошками, но зато он человек погибший, потому что не чтит Николая Угодника и по субботам не ходит в баню". Полагаю, что сокрушаясь постоянно по поводу "русского изоляционизма", т.Пьецух, сумел убедить в этом самого себя и уже не может представить, что "смурная русская душа" способна поклоняться святому, чтимому, скажем, и ясной немецкой душой. А подавляющее большинство "немцев" (имеются в виду, конечно, не германцы, а вообще европейцы) были в конце XY века католиками и чтили Николая Угодника (Sankt-Nikolas), святые мощи которого по сей день находятся в соборе итальянского города Бари ("Бар-города").

"...Григорий Отрепьев... был осуждаем только за то, что не спал после обеда по национальному образцу, и если бы не разбойные деяния его польских соратников, то царствовать бы ему до скончания его дней" (с.97). Осталось выяснить, а почему "польские соратники" (название-то какое благозвучное, вроде "воины-интернационалисты") Лжедмитрия 1, как и соратники прочих "Лже", позволяли себе "разбойные деяния"? Может быть, они чувствовали себя в Москве хозяевами? И не призна-

вали за такового пана Отрепьева? Неужели тогдашний московский народ так смахивал на пьецуховскую пятерку, засевшую среди тараканов в кухне - только люди-зомби могут совершенно не обратить внимания на потерю национальной и религиозной независимости, но переживать, что ставленник оккупантов не почивает после обеда.

Здесь я остановлю цитирование (а можно продолжать и продолжать), потому что понял, что философский опыт В.Пьецуха богаче, нежели я себе представлял. Он не ограничивается "законом единства и борьбы противоположностей". Если мы попытаемся привести помещенные выше цитаты в какую-то систему, то без труда обнаружим знакомство автора с другим марксистским законом: "развития общества по спирали", когда каждый исторический виток якобы повторяет прежний на новом уровне. Теория эта хороша для философов без философских способностей и историков без исторических знаний тем, что может быть употреблена и в положительном, и в отрицательном смыслах: с ее помощью, например, можно и прославлять развитой социализм и поносить историю России. В первом случае можно писать: нам другой Спирали не дано, будем крутиться дальше... дальше... дальше, в последнем: Спираль эта плохая, надо ее заменить на хорошую, чем занимался у нас на Родине и занимается ныне в США некто Янов. Вообще, мы до сих пор недооцениваем марксистскую диалектику: славное пособие для бездельников! Не хочу, чтобы т.Пьецух принял последнее слово на свой счет, хотя он где-то и признался, что его фамилия в переводе с польского значит "валяющийся на печи", "лентяй". Пьецух довольно плодовитый литератор, и если здесь можно говорить о лени, то не о физической, а о духовной. Я же склонен предполагать, что наш Историк и Философ очарован колдунами типа Янова, и теперь ему воздается по вере его: крутится, бедняга, в своей марксистской спирали, и искренне верит, что и вся страна вместе с ним ищет выход от отрицания отрицания.

Поучительный опыт этих заметок для меня заключается в том, что на примере одного заколдованного автора я понял: несмотря на декларируемый повсюду антикоммунизм, марксистско-ленинская методология никуда из наших общественных наук не уходила, а в литературе по-прежнему правит бал социалистический реализм. Ничему другому наших профессоров и писателей не учили, а сами они, видимо, не хотели учиться. Что ж им остается? Менять "плюсы" на "минусы", слово "социалистический" на "демократический", "прогресс" на "застой" и тому подобное. По человечески их понять можно: структуру мышления не сменишь, как убеждения, но понимать претендующее на глубокомыслие невежество противопоказано. Почему Маркс и Ленин, ощутив зуд охаять что-нибудь из истории и философии, ходили в библиотеки, а т.Пьецух нет? Впрочем, что я все о Пьецухе, на что-то и редакторы нужны., а их в журнале "Знамя", ставшем недавно из красного трехцветным, но, похоже, все больше желтеющем, либо нет, либо они тоже кем-нибудь заколдованы.

Я уже заканчивал эти заметки, как увидел на улице афишу и не могу удержаться от искушения процитировать ее, хотя не знаю, имеет ли она прямое отношение к изложенному выше: "Электрогитарный ансамбль заколдованных мальчиков Ногу Свело под управлением подростка Покровского". Билеты в кассе...

Так-то вот.

О построении в Иркутске нового Кафедрального Собора

Составил кафедральный протоиерей А. Виноградов.
Издание типографии Сизых с разрешения составителя.

Иркутск
1895 г.

Пожертвование Е.А.Кузнецовым основного капитала на построение Собора

Старый Кафедральный Собор, расположенный на самом берегу Ангары, представляет собой здание крайне некрасивое по своему внешнему виду, в особенности его безобразят многочисленные пристройки, сделанные к нему без всяких архитектурных соображений; но по своему внутреннему устройству, какое он имеет в настоящее время, его нельзя назвать тесным для Иркутска, в его главном приделе вместе с боковыми может более или менее свободно поместиться до 2000 человек: неудобство при этом состоит лишь в том, что половина богомольцев из простого народа в великие праздники и высокоторжественные дни стоит в боковых приделах, из которых нельзя ни видеть архиерейского служения, ни слышать клиросного чтения и возгласов священнослужителей, - а можно только слышать пение хора и глухо - протодиаконов и диаконов. При большом стечении народа в Соборе оказывается недостаток воздуха: свечи горят тускло. Так стало теперь. А что было в старом соборе до переделки его внутреннего устройства в 1869 г.? Кто видел старый Собор и бывал в нем в большие праздники до ремонтировки его, тот помнит: какая в нем была невыразимая теснота и глухота! И это было вполне

естественно, Собор, по старому обычаю, разделялся глухой стеной (в настоящее время здесь арка) на две половины: теплую и холодную. В холодную половину входили приделы: Богоявленский (главный), во имя Казанской Божией Матери и св. Иоанна Предтечи (теперь закрытый и обращенный в ризницу). В теплой половине, в которой совершалось архиерейское служение в течение всей зимы со включением Пасхи, было два придела: Петро-Павловский и во имя Всех Святых; оба эти придела, как известно, находятся по одну сторону главной центральной части храма; оба они отделяются как от центральной части храма, так и друг от друга глухими стенами, в которых проделаны по две небольших арки; оба они крайне тесны. Даже в Петро-Павловском приделе, более просторном, едва ли может поместиться более 200 человек при архиерейском служении, когда значительную часть пространства должна заниматьархиерейскаякафедра и проход для служащих. Следовательно, в большие праздники, во время архиерейского служения весь народ за исключением чиноначалия и, может быть, знатнейших граждан г.Иркутска в прежнее время должен был стоять в центральной западной части храма против глухой стены. Много ли он мог видеть и слышать оттуда, через маленькие арки, из архиерейского служения? Да и много ли могло поместиться народу в одной западной центральной половине? Летом было, конечно, просторнее. Ясно, почему Собор всем казался и действительно был крайне тесным даже при тогдашнем народонаселении Иркутска. Что же было теперь при увеличившемся вдвое народонаселении города? Однако ж никому долгое время не приходило на мысль разобрать глухую стену, разделявшую центральную часть храма на две половины - разделать на место ея просторную арку, как ныне, и обратить весь храм в теплый, может быть, потому, что боялись повредить и даже обрушить главный купол храма, опиравшийся на эту стену. В первый раз эта смелая мысль пришла в голову, преосвященному Парфению, большому любителю и знатоку строительного дела, и была им счастливо приведена в исполнение в 1869 г., при этом преосвященным Парфением разобраны были в западной центральной части храма старые низкие своды и устроены более высокие, отчего внутренность Собора получила более благообразный вид, более света, более воздуха и больше простора. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в Иркутске в 40 годах стала зарождаться среди граждан

мысль о постройке для Иркутска нового Собора, более благообразного и более просторного. Этой мысли вполне сочувствовали и тогдашний благотворитель города Иркутска миллионер-золотопромышленник Евфимий Андреевич Кузнецов, котрый и препроводил в распоряжение преосвященейшего Нила, архиепископа Иркутского, 250 тыс. на постройку Собора при письме следующего содержания:

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивый отец и Архипастырь!

Известно Вашему Преосвященству, как мало Иркутский Кафедральный Собор соответствует своею вместимостью населению города и сколь многия испытываются неудобства при богослужениях в дни великих праздников. По сему иметь соборную церковь обширнейшую и благолепнейшую - есть общее здешних граждан желание.

Всеблагий Господь благословил в житии моем, ущедрил меня дарами благости своей, узрев на мне милости своя. Это уже одно заставляет меня спопешествовать осуществлению желаемого всеми сооружения.

Но сверх сего побуждения, подвизающего меня на дело святое, я открою пред Архипастырем душу мою. Я имею на себе обет, данный Господу Богу в дни испытаний моих, когда боролся с лишениями и опасностями, охраняем и укрепляем был токмо десницею Вышнего и заступничеством угодника Его святителя Николая, к которому я всегда притекал в молитвах своих. Обет сей, много лет носимый в душе моей, составлявший услаждение жизни моей, в том состоит, чтобы собственными средствами, без всякого стороннего вспомоществования, но сообразно с требованиями нынешнего времени, воздвигнуть в Иркутске Кафедральный Собор во имя святителя Христова и Чудотворца Николая с приделами св.Евфимия Новгородского и святыя мученицы Прехвальныя Евфимии.

И могу ли я далее отлагать обет свой, когда средства к исполнению в моих руках? Боже Великий! В слезах умиления припадаю пред Тобою, недостойный раб Твой; лобызаю щедродательную десницу Твою, благословляю имя Твое и хвалу благодеяний Твоих не престану возвещать. Благословляю день, в он же дается мне излагать: днесь сотворил Господени обеты и жертвы моя принесох.

Преисполненный сими чувствами, обращаюсь к Вашему Высокопреосвященству с покорнейшею просьбою. Примите в распоряжение свое для издержек на построение Собора представленный при сем капитал в трех билетах Государственного Коммерческого Банка от 16 февраля и 22 марта текущего 1849 г. №№ 2513, 4626 и 4627. Всего на сумму двести пятьдесят тысяч руб.серебром. Опытное знание местных обстоятельств края, всегдашняя на деле благая готовность и пламенная по благочестии ревность Вашего Высокопреосвященства уклоняют от меня всякую потребность условий в предпринятом мною деле, как ни многотрудно оно в исполнении своем.

В том лишь заключается мое желание: 1) чтобы Собор построен был с возможным великолепием на приличнейшем по усмотрению Вашего Высокопреосвященства месте во имя святителя Николая с приделами Евфимия Новгородского и мученицы Евфимии; 2) чтобы дело построения ведено было Комитетом составленным по Вашему приглашению из лиц духовных и светских. В нем в качестве члена и я не отрицаю участвовать и разделять на равне с другими труд и тяготу забот; 3) чтобы Комитет вел дела свои по направлению Вашего Высокопреосвященства, не стесняясь ни какими положениями и формами, для сумм казенных существующих, или могущих впредь быть. Но был свободен от всякой излишней письменности, имея бы полную возможность действовать с благоуспешением; 4) наконец, приступая к великому и капитальному сооружению, нельзя не иметь в виду средств, потребных на его поддержание и упрочение вековечнаго существования: то желательно, чтобы годовые расходы на постройку, за исключением разве первого года, в который надобно будет дать общее сему ходу движение, не превышали собой количество процентов на жертвуемый капитал, составляющий десять тысяч руб.серебром. За сбережением же капитала доставится Кафедральному Собору возможность поддерживаться с приличием. А смиренный создатель, воскрешаем в памяти служителей алтаря Господня не иссякаемо благотворительностию своею, конечно, обрящет отраду, что имя его не забудется при жертвах и молениях, возносимых к Богу. И может быть в благодарном излиянии чувств

скажется о нем: Воздаде Господеви, да воздаст ему радость спасения своего.

Прочее предавая себя Архипастырьскому Вашему благоусмотрению, с чувством глубочайшего уважения и неограниченною преданностию имею честь быть, Вашего Высокопреосященства, Милостивого отца и Архипастыря, всенижайшим слугою Евфимий Кузнецов.

11 августа 1849 года

В 1852 г. Иркутский Архиепископ Нил, озабочиваясь приведением в исполнение желаний Е.А.Кузнецова о построении в Иркутске нового Кафедрального Собора, сносился с генерал-губернатором Восточной Сибири об увеличении соборной площади, необходимой для благовидного построения Собора. По настоянию генерал-губернатора, Иркутской городской думой отведено было в ведение епархиального начальства место за оградой Спасской церкви до берега, смежное с соборною площадью. В 1854 г. преосвященный Ниль был переведен в Ярославскую епархию, и дело о построении нового Собора в Иркутске остановилось дальнейшим движением, кажеться и потому, что без обещанного попечительного участия Кузнецова на одни процентные суммы построение Собора продолжалось-бы слишком долго.

Вопрос о построении нового Собора в Иркутске был снова возбужден в 1866 г. преосвященнейшим Парфением, когда капитал Кузнецова достиг до 466,000 р. При этом преосвященнейший Парфений находил, что площадь отведенная думой для построения Собора в 1852 г. неудобна в том отношении, что Собор, на ней построенный, будет стесняться Спасской церковию и старым Собором. Поэтому он предложил отвести другое место для построения Собора, но дума уведомила его, что в городе не имеется ни одной площади, приличной для построения нового Собора. Тогда преосвященный Парфений предложил думе мнение о построении нового Собора на месте Спасской церкви, так как эта земля самая видная и представляет все удобства для построения Собора, а сама же Спасская церковь и по виду не красива и в бывшее (в 1861 г.) землетрясение потерпела значительное повреждение, а с разборкою ее для приходской Спасской церкви мог быть передан

Об избрании места для построения Собора.

старый Собор. Но дума отозвалась желанием сохранить Спасскую церковь, как первую по времени ее построения в Иркутске. В виду отказа думы отвести для построения нового Собора более обширную площадь, или разобрать Спасскую церковь, преосвященный Парфений пришел к мысли, для устранения стеснительности Спасской площади, отведенной под новый Собор в 1852 г., разобрать старый Собор с двумя колокольнями, и отделить от архиерейского двора и сада не менее 10 с.земли. Разобрать старый Собор он считал необходимым, как по неблаговидности старого Собора, обезображенного разными пристройками по неблагонадежной прочности его, вследствие землетрясения, так и потому еще, что кроме Спасской церкви вблизи Собора находится другая Владимирская церковь; вследствие такого скопления в одном районе старый Собор по построении нового, должен оставаться пустым. Но в 1868 г. после совещания об этом с преосвященным Иннокентием, митрополитом Московским в проезде его через Иркутск с Амура в Москву, преосвященный Парфений пришел к мысли построить новый Собор на таможенной площади, находящейся между гостинным двором и Спасской церковью и приобресть покупкою для расширения соборной площади два ветхих каменных дома, построеных на этой площади и деревянный дом Благородного Собрания. С этой целью преосвященный Парфений отношением от 25 марта 1872 г. просил генерал-губернатора об избрании из всех сословий г.Иркутска представителей для обсуждения вопроса об отводе, сколько потребуется, места для безотлагательного начатия построения в Иркутске нового Кафедрального Собора, в котором издавна весьма чувствовалась настоятельная потребность. Генерал-губернатор отношением от 4 апреля 1872 г. уведомил преосвященного Парфения, что в Комиссию для окончательного решения вопроса о месте построения нового Собора избраны следующие лица из всех сословий: от дворян действительный статский советник Сукачев и колежский советник Веретенников, от купцов и почетных граждан: 2-ой гильдии купец Михаил Михеев, от мещан Захар Гулак (?), от цеховых - цеховой Василий Гололобов. Кроме того колежский советник Большаков в качестве члена Совета Главного Управления Восточной Сибири, Иркутского полицмейстера подполковника Духавского, Городского головы Хаминова - он поручил и им являться вместе с прочими в Комиссию. Председателем Комиссии был назначен и.д. Иркутского губернатора действи-

тельный статский советник Эри. Со стороны епархиальной членами этой комиссии назначены были - кафедральный протоиерей Громов и ключарь Собора священник Чирцев. По получении из консистории всех нужных документов, Комиссия приступила к решению этого вопроса. Прежде всего она задалась вопросом: удобно ли будет построить новый Собор на месте старого, по разобрании последнего, с прирезкою к соборной площади 10 к.с. земли от архиерейского дома и сада, и нашли, что постройка нового Собора на месте старого будет неудобна: а) по крайней тесноте отводимой площади и б) по близости ее к берегу Ангары. Вся площадь, отводимая для нового собора, будет равняться 3400 кв.саж., из коих 674 кв.саж. будут заняты новым Собором к колокольней. Кроме того, новый Собор будет стеснен здесь окружающими его зданиями. От берега Ангары новый Собор будет отстоять в 15 п.с., от архиерейского дома в 16 п.с., от Спасской церкви в 30 п.с. и от своей колокольни в 23 п.с. от этого он будет терять свое архитектурное достоинство, и маломерность этого места не будет представлять удобства для свободного отправления церковных процессий и военных парадов, сопровождающихся обыкновенно значительным стечением народа и съездом экипажей. Сверх этого, постройка нового собора, такого огромного по своим размерам, в 15 с от Ангары, при всякой прибыли р.Иркута, впадающего в Ангару с левого ее берега, делает именно в этом месте сильный напор воды и портит берега, хотя и укрепленный деревянными сваями, но как показывает опыт, подымающиеся снизу и не представляющие, следовательно, такой безопасной местности, на которой можно было бы без риску допустить постройку нового Собора, предназначающегося быть домом молитвы для многих дальнейших поколений жителей г.Иркутска. Отвергнув таким образом предложение о постройке нового Собора на месте старого, Комисия приступила к решению вопроса: какое в Иркутске имеется место, более всего удобное для постройки нового соборного храма? Приняв во внимание, что местность эта должна быть несколько повышенною и вместе с тем сухою, с твердым грунтом, достаточно обширной, чтобы здание Собора не было стеснено окружающими его зданиями, а господствуя над ними сохранило вполне свое архитектурное достоинство, служило бы украшением города, занимая лучшую часть его и находилось бы не близко от реки Ангары, просачивающейся зимой, во время разлива, во все находящиеся вблизи ее

здания. Комиссия пришла к убеждению, что самое лучшее и даже единственное для возведения нового соборного храма место есть, безспорно, так называемая, таможенная площадь, если она будет очищена от всех кроме Спасской церкви зданий; так как эта площадь, представляя с прилегающими к ней улицами пространство приблизительно в 19,490 кв.с., представляет все удобства для отправления церковных процессий и военных парадов, как бы велико ни было при этом стечение народа, и удовлетворит всем другим вышеупомянутым условиям для постройки здесь соборного храма. При этом Комиссия предположила построить здание нового Собора не в середине таможенной площади, расположенной между зданием гостинного двора и лицом Спасской церкви, а в середине того перпендикуляра, имеющаго 165 п.с. длины, который проходит от купеческого гостинного двора к берегу Ангары, так чтобы к гостинному двору осталось сободного пространства 65 п.с., а к берегу Ангары 75 п.с. и чтобы в ширину же площадь имеющая протяжения 118 п.с., а с другой 48 п.с. Разрешив таким образом вопрос о выборе места для построения нового соборного храма на таможенной площади в том самом расстоянии от Ангары и окружающих эту площадь зданий, какое указано выше и для этого снести дома; Казначейства, Приказа общественного Призрения, с построенным при нем таможенным двором, и Городового Суда, о приобретении коих, по получении сведений о ценности их, сообщить епархиальному начальству на его усмотрение.

По наведении справок о ценах на дома, находящиеся на таможенной площади и предполагаемые к сломке для увеличения соборной площади, оказалось следующее: за дом благородного собрания назначалось 25 т., а дом, занимаемый Казначейством, и стоющий 20 т. уступался духовному ведомству с тем чтобы немедленно был построен такой же дом на другом месте. Таким образом на одну покупку домов, находящихся на таможенной площади и подлежащих сломке, требовалась сумма около 80 т. Сумма эта показалась духовному ведомству довольно великой сравнительно с теми средствами, какие имелись у него на постройку Собора. Поэтому преосвященный Парфений, для избежания лишних расходов, предложил сначала построить новый Собор на таможенной площади без снесения означенных выше домов, а потом уведомить Иркутского губернатора, что по новом обсуждении дел в епархиальном ведомстве признается возможным строить на

таможенной площади новый Кафедральный Собор на следующих условиях: чтобы дом Губернского Казначейства новый и дорогой по цене оставался на своем месте и чтобы затем 2) дома Приказа общественного Призрения Городоваго Суда и Благороднаго Собрания за 18 тыс. с уступкой продающим находящегося в доме паркета; 3) чтобы по линии от дома Губернского Казначейства к реке Ангаре дозволено было образовать полуквартал для построения домов, нужных для соборного причта и для той же потребности застроить место, отведенное в 1852 г. Кафедральному Собору и в 1871 г. огражденное деревянным заплотом против нынешнего собора, к реке Ангаре, за Спасскою церковью, по выдаче на него узаконенного плана. По получении от общественного Благородного Собрания и Городского суда согласия на продажу принадлежащих им на таможенной площади домов духовному ведомству и разрешения Сената на продажу ему же дома Приказа общественного Призрения произведена была покупка сих домов в 1872 г. за 46 т.руб. Строительному комитету удалось приобрести усадьбу Шишелова вместе с находившимися на ней домами, расположенную на углу Амурской и Спасо-Лютеранской улиц, как раз почти пртив нового Собора и пустовавшее место Федченко, на котором выстроен деревянный флигель для соборного причта. В 1892 г. площадь, окружающая Собор, еще более увеличилась через сломку по ветхости бывшего гостиного двора. Кругом Собора образовалось две площади: на юг от собора до Тихвинской церкви и на север от Собора до берега Ангары. Если б на обоих этих площадях Иркутская городская дума нашла возможным развести сады, то это послужило бы еще к большему благоукрашению собора. Сады эти были бы полезны и в другом отношении: они могли бы служить местом прогулки для отдыха и освещения для воспитанников разных учебных заведений, находящихся на соборной площади или вблизи ее, каковы: Иркутская классическая гимназия, техническое училище, горное училище, мужское духовное училище, женская гимназия и прогимназия. Будем надеяться, что дума рано или поздно подарит городу требуемые гигиеническими условиями города сады на соборной площади. (В настоящее время площадь на берегу Ангары огоржена и на ней рассаживается сад иждивением городского головы Сукачева).

Об изменениях первоначального плана и фасада Собора

Первый план и фасад нового Собора с отдельной колокольней в Иркутске был составлен в 1866 г. художником-архитектором Кудельским и 23 ч. февраля 1867 г. был Высочайше утвержден.

Но преосвященный Вениамин, приступая к закладке в 1875 г. Кафедрального Собора, нашел: 1) что главный алтарь, при ширине около 6 с., имеет всего длину около 3 саж. Столь малая длина алтаря в Кафедральном Соборе, назначенном для архиерейского служения, представляет много затруднений ввиду того, что в нем к востоку должно быть устроено горнее место с архиерейской кафедрою, приличное по величине и обширности храма, потом от горнего места до престола должно быть пространство достаточное не только для прохода служащих, но и для совершения необходимых обрядовых действий; престол также должен быть настолько велик, чтобы не было затруднений при совершении соборных служений многих священнослужителей и наконец, от престола до царских врат должно оставаться столько места, чтобы сзади священнодействующего архиерея могли свободно проходить дьяконы; но это требует не менее пяти, или по крайней мере, четырех сажен длины алтаря.

2) При одинаковой ширине и длине Собора, с постройкой алтаря и предалтарных солей, пространство храма, назначенное для молящихся, оказывается гораздо большим в ширину, чем в длину; и чрез это большинство предстоящих лишено будет возможности молиться в виду алтаря, потому что при небольшой длине Собора должно будет становиться преимущественно по ширине его к южной и северной сторонам.

3) Наконец, площадь, отведенная городом для построения Собора имеет всего в ширину и длину около 100 саж., тогда как для надлежащего перспективного вида Собора площадь эта, соответственно высоте Собора, должна быть около 200 с. в поперечнике. От этого главный корпус Собора будет снизу заслонен для зрителя выступающими частями и не будет производить того впечатления, какое он производит на рисунке.

Чтобы устранить, по возможности, указанные недостатки, не изменяя Высочайше утвержденного плана, преосвященный Вениамин находил достаточным для этого: 1) к главному алтарю с восточной стороны сделать пристройку, соответствующую папертям с трех остальных сторон, открытую внутрь алтаря и закрытую снаружи (в настоящее время в этой пристройке помещается горнее место); 2) не строить хоров над западными дверями, совершенно лишних для целей Богослужения при пятисаженной высоте их, между тем отнимающих лучшее место у молящихся в виду алтаря (в настоящшее время хоры здесь однако ж устроены при архитекторе бароне Розене в 1886 г. Почему? В делах Комитета сведений не имеется, но кажется потому, что иначе нельзя было вывести ход на крышу и главный купол и 3) поднять невидный цоколь Собора сажени на полторы. Исправленный на сих основаниях инженером архитектором Огонь-Дагановским первоначальный план Кудельского препровожден был 10 ноября 18...) в Св.Синод. По надлежащем рассмотрении и одобрении вновь составленного инженер-архитектром Огонь-Дагановским плана Кафедрального Собора Министерством Путей Сообщения и публичных зданий, Священный Синод представил 10 июля 1882 года на Высочайшее рассмотрение. Рассмотрев фасад проектов означенного Собора, Государь Император соизволил заметить, что желательно было бы для такого монументального сооружения соблюсти более благородный в наружном его виде стиль, чем предположено в проекте, и повелеть - сообщить об этом Обер-Прокурору Св.Синода для соображения и исполнения.

Вследствие этого означенный выше проект, по распоряжению Обер Прокурора Св.Синода, был передан известному в С.Петебурге архитектору Томишко, который, рассмотрев оный, дал по этому предмету такой отзыв:"Составленный для г.Иркутска проект Собора представляет собой Собор с колокольней, т.е. прием более подходящий к церквам меньшего размера. При соборных же храмах колокольня, высота которой должна быть в известной пропорции к храму, убивает величие Собора, так что какой бы величины Собор ни был, он возле колокольни окажется малым. Тип Собора выражается вернее в центральном храме без колокольни, главный купол которого бесспорно господствует над окружающим. Для колоколов в этом случае устраивается звонница над папертью, или колокола помещаются в угловых малых куполах (как в Исакиевском Соборе). В данном случае колокольня не только умаляет

величие храма в художественном смысле, но и влечет за собой излишнюю трату капитала, имеющегося на постройку этого храма. В виду этого Обер-Прокурор Священного Синода просил Иркутского преосвященного сделать распоряжение о составлении, согласно вышеприведенным замечаниям Томишко, новый проект и смету на постройку в Иркутске Кафедрального Собора, при этом предлагал преосвященному, не признает ли он возможным сократить размеры предполагаемого к сооружению храма на меньшее число душ сравнительно с тем, как предложение по последнему проекту (на 5 т.душ) тем более, что даже Исакиевский собор в Петербурге, в котором число богомольцев, без сомнения, бывает значительно более того, какое можно предполагать в Иркутском Соборе, размером всего до 8 т.душ (отношение Обер-Прокурора Св.Синода от 21 Января 1883 г. за N 788).

По получении уведомления о сем Обер-Прокурора Св.Синода преосвященный Вениамин отвечал ему, что Собор в Иркутске уже начат постройкой с 17 апреля 1875 г. и в настоящее время (1883 г.) возведен до высоты второго ряда окон. От 10 ноября 1876 г. был представлен только чертеж предлагаемых к нему изменений, не касаясь наружного его вида, кроме небольшого возвышения среднего купола. Изменения эти были одобрены Техническим инженерным Комитетом шоссейных и водяных сооружений Министерства Путей Сообщения, и только в виду того, что на высочайшие воззрения представляются полные проекты храмов, было ему (преосвященному) Св.Синодом предписано представить снова таковой проект.

В последнем проекте, составляющем копию с прежнего, по наружности были прибавлены к Высочайше утвержденному проекту только коридор, соединяющий Собор с колокольней и по обе стороны колокольни пристройки для придания ей вида устойчивости, которого она не имела. Так как ни коридор, ни постройки не входили в прежде утвержденный план, то за постройку их доселе не принимались, а Высочайше утвержденная колокольня уже выведена до шести саж.высоты. К этому преосвященный присовокупил, что для нового Собора имеется уже колокол около 1200 пуд. и что такого колокола с другими меньшими в малых куполах Собора, как сделано в Исакиевском Соборе, не безопасно будет для Иркутского Собора. В Иркутском Вознесенском монастыре от сотрясения во время звона в помещенные в Соборе колокола, пострадало

здание Собора, так что в конце 50-х годов признано было необходимым прекратить богослужение в оном и потом на месте прежнего строить новый Собор. Кроме того, по Высочайше утвержденному проекту Кафедрального Собора, начатого уже постройкой, не предположено хода в куполах Собора, что необходимо в том случае, если поместить колокола в малых куполах (в настоящее время ход в малые купола устроен; он оказался необходим, когда в главном куполе решено было устроить внутри кругом купола ниши и балюстраду, по подобию храма Христа Спасителя). Паперть так же устроена согласно утвержденному проекту и строить теперь звонницу невозможно

Вследствие всего вышесказанного преосвященный Вениамин, выразил следующее свое мнение: в виду того, что часть колокольни уже выведена и что она поставлена на линии ограды кругом Собора и должна заменить так называемые св.врата, не будет ли признано возможным вместо паперти устроить над этими воротами звонницу? Основания предполагаемой колокольни устроены очень прочно, чтобы удержать такую колокольню с колоколами; следовательно тем надежнее будет устроенная на них звонница. При этом, если выведенная высота колокольни на 6-ть саж. будет излишняя для звонницы, часть оной можно будет разобрать согласно новому плану звонницы. Если означенное мнение будет принято, то в таком случае не признается ли возможным оставить без исполнения составление новой сметы на постройку Собора. Указом от 1 февраля 1884 года Св.Синод уведомил преосвященного Вениамина, что Государь Император в 26 ч. Октября 1883 г. Высочайше соизволил утвердить измененный проект постройки в Иркутске нового Кафедрального Собора. Приглашенный в 1885 году для наблюдения за работами по постройке Собора инженер-архитектор барон Розен представил преосвященному Вениамину несколько измененный проект Высочайше утвержденного фасада Собора; изменения эти впрочем были не существенны: оставлен прежний вид собора, только в главах и куполах сделаны были некоторые украшения, состоящие из разного рода башенок, колонок, и проч. тогда как прежде главы были совершенно гладкие, без всяких украшений; но и на этом дело не остановилось. Вследствие некоторых обстоятельств, пришлось сделать существенные изменения в устройстве главного купола; при этом барон Розен представил новый фасад Собора, в котором, не касаясь

нижней части храма, существенно изменил форму глав - вместо готической формы, какую они имели прежде, он придал им византийскую форму, какую они имеют в настоящее время. Измененный таким образом фасад Собора был одобрен Техническим С-Петербургским Комитетом с прибавлением, что фасад Собора в последней его форме получил более художественный в архитектурном отношении вид.

Об архитекторах и членах Комитета, наблюдавших за ходом работ по постройке нового Собора с 1875 г. по 1893 год.

Первым архитектором, приглашенным преосвященным Вениамином для наблюдения за постройкой Иркутского Кафедрального Собора был инженер-капитан Огонь-Догоновский, рекомендованный преосвященному начальником инженеров генерал-майором Ивановым, как человек по своим познаниям, усердию и добросовестному труду, способный несомненно оправдать возлагаемое на него преосвященным поручение. Но приглашение Огонь-Догоновского встретило возражение со стороны заведующего Строительной частью в Восточной Сибири действительного статского советника Шаца, который просил письмом: не имел ли его преосвященство приглашая Огонь-Догоновского для постройки Собора, ввиду циркуляр Министерства Внутренних дел от 26 января 1867 года, состоявшийся по соглашению с Обер-Прокурором Св.Синода, в котором между прочим говорится, что постройка каменных церквей по возможности должна быть поручаема лишь тем техникам, которые уже производили работы подобного рода, находились при них в качестве помощников производителей работ, под руководством опытных архитекторов. Преосвященный отвечал, что пригласил инженер-капитана Огонь-Догоновского а) по рекомендации начальника инженеров генерал-майора Иванова, как человека способного оправдать возлагаемое на него поручение; б) по несогласию опытных российских архитекторов ехать в Сибирь ни за какую плату, находя для себя работы достаточно в России; в) по неимению в Иркутске другого архитектора, занимавшегося постройкой

церквей, кроме одного не оправдавшего возложенного на него доверия, и потому преосвященный не находил причин отказать Огонь-Догоновскому от наблюдения за производством работ по постройке Собора, тем более, что в приводимом г.Шацом циркуляре Министерства Внутренних Дел предписывается только по возможности подобного рода работы, Огонь-Догоновский приглашен был для наблюдения за работами по постройке Собора с обязанностью разработки деталей, Высочайше утвержденного плана и составления проектов и смет тех частей сооружения, кои в утвержденном проекте не показаны, за плату по 3 тысячи в год, начиная с февраля 1874 г. в течении 10 л если же постройка собора продолжиться более 10 лет, то следующие два года обязан производить постройку за половинную плату, а по истечений 12 лет - бесплатно. Нарушение сего условия со стороны Комитета подвергает Комитет неустойке в 3600 руб., а нарушение оного со стороны Огонь-Достоновского подвергнет его штрафу в 1000 р. Его постройка до пожара 1879 года, когда работы по постройке Собора остановились по необходимости. Когда предложено было возобновить работы по постройке Собор Комитет просил Огонь-Догоновского, находившегося в то время на службе в Кутаиси, уведомить Комитет, сможет ли он к началу работ по Собору в 1885 г. возвратиться в Иркутск для наблюдения за производством работ и при этом, с разрешения его высокопреосвященства присовокупить, что в случае отказа его от наблюдения его за постройкой Собора, Комитет никакой неустойки с него по контракту не будет взыскивать. Огонь-Догоновский уведомил Комитет, что он считает для себя невыгодным возвратиться в Иркутск для наблюдения за работами по Собору, и потому отказывается от своих обязательств по контракту. Преосвященный Вениамин в это время имел в виду пригласить для дальнейшаго наблюдения за работами по Собору техника более опытнаго, занимавшегося уже постройкой церквей и других монументальных зданий. Это был инженер-архитектор барон Розен, заведывавший строительной частью в Восточной Сибири. Барон Розен на приглашение преосвященного заведовать работами по постройке Собора, изъявил согласие на это под условием платы ему 6% со всей суммы, какая будет ежегодно расходоваться на Собор, после возобновления в нем работ и с принятием на себя всех тех обязанностей, какие лежали на Огонь-Догоновском. Такое вознаграждение барон Розен получал до 1891 г., в этом году

он заявил Комитету, что так как все капитальные работы по Собору, требовавшие особенного труда и ответственности кончены, то он изъявляет согласие продолжать работы по Собору из 4% вознаграждения с расходуемой суммы. Во время своих отлучек из Иркутска по делам служебным, продолжавшимся летом по месяцу и более - барон Розен поручал наблюдение за работами по собору инженер-архитекторам Тамулевичу и Штерн-Гвоздовскому с уплатой за труд из сумм следующих ему по условию.

В лице барона Розена Комитет приобрел такого опытного строителя, который преодолел все затруднения по постройке Собора, а затруднения эти были велики и не всякому по силам. Под его наблюдением, по его чертежам и проектам Собор не только благополучно кончен, - но и получил в архитектурном отношении более прочный красивый вид, - если и найдутся в нем какие-либо недостатки в архитектурном отношении, то вина в этом менее всего лежит на бароне Розене; он принял Собор наполовину уже отстроенный, следовательно, исправить всего не смог, - но что можно было сделать для прочности и красоты Собора, им сделано. Таково, по крайней мере, убеждение Строительного Комитета, имевшего возможность непосредственно следить за ходом работ по постройке Собора до его окончания при бароне Розене.

В Комитет по постройке Собора первоначально в 1873 г. назначены были преосвященным Вениамином следующие лица: председателем кафедральный протоиерей Прокопий Громов, членами - протоиерей Василий Карташов, священник-ключарь Иоанн Чирцев и Михаил Успенский. На протоиерея Василия Карташова возложена была обязанность казначея по Комитету, а на священника Успенского-обязанность делопроизводителя. К ним в 1875 году присоединен был соборный священник Константин Литвинцев. Приглашаемы были в комитет и лица коммерческого сословия - Иннокентий Семенович Котельников, Николай Иванович Чупалов и соборный староста С.К.Трапезников, но первые двое отказались от этой обязанности, а последний пробыл членом комитета недолго. Поэтому весь труд при постройке Собора был возложен на одних членов из духовенства.

Об иконостасе в главном приделе

У высокопреосвященного Вениамина мелькала мысль устроить главный алтарь в новом Соборе в виде отдельной часовни, как он устроен в храме Христа Спасителя. Но от этой мысли он отказался. Пространство, предназначенное в новом Соборе для главного алтаря, оказалось не так велико, чтобы в нем свободно мог поместиться подобного рода алтарь: или этот алтарь был бы без нужды стеснен или не осталось бы места для свободного прохода кругом алтаря. Поэтому в Бозе почивший Архипастырь решился оградить главный алтарь иконостасом обычной одностенной формы и поручить в 1891 г. барону Розену составить рисунок иконостаса, что барон и исполнил в том же году. Рисунок иконостаса, представленный бароном Розеном очень понравился владыке. Нужно было подыскать в Иркутске иконостасного мастера, который бы мог исполнить вполне удовлетворительно работу иконостаса по рисункам барона Розена.

В Иркутске таких мастеров не один; некоторые давно уже зарекомендовали себя подобного рода работой, но выбор владыки пал не на них, а на одного молодого человека, только что начинавшего заниматься иконостасным мастерством, Н.И.Попова, недавно вышедшего из подмастерьев, по выходе из подмастерьев г.Попов некоторое время занимался устройством киотов для церквей частных лиц; первою более серьезною его работой было устройство небольшого иконостаса в боковом приделе градо-Иркутской Входо-Иерусалимской церкви. При освящении этого придела в 1890 г. владыка обратил внимание на изящество, чистоту работы этого иконостаса, спросил о мастере, делавшем иконостас. Староста церкви представил ему г.Попова и рекомендовал его как отличного и добросовестного мастера. Владыка тогда же заметил: надобно иметь его в виду при заказе иконостасов для нового Собора. Поэтому, когда в 1891 г. решено было приступить к постройке главного иконостаса в новом Соборе по рисункам барона Розена, Комитет в числе прочих мастеров пригласил и г.Попова. Прочие мастера запросили за устройство иконостаса от 28 до 34 тыс; г. же Попов 20 т. Владыка приказал отдать устройство иконостаса Попову, с тем чтобы иконостас был готов к половине 1893 г. Комитетом заключено было с Попо-

вым формальное условие на устройство иконостаса с выдачей ему в задаток 4 т.руб., а остальных денег по мере хода работ и установке иконостаса на место. В течении 1891 и половине 1892 гг. Попов работал иконостас по детальным рисункам барона Розена, под его непосредственным надзором, а по отъезде его из Иркутска в 1892 г. - под надзором Комитета. До отъезда барона Розена Поповым выполнена была почти вся столярная и большая часть резной работы и начато золочение. К назначенному сроку вся работа была кончена и иконостас установлен на место. Рассматривая иконостас работы Попова, нельзя не согласиться с тем, что вся работа иконостаса выполнена не только добросовестно, но можно сказать и изящно: лучшей работы трудно было бы ожидать от кого-либо из Иркутских иконостасных мастеров.

Иконостас, устроенный г.Поповым в главном приделе нового Собора, трехярусный, высотой 8 с. Нижний ярус идет сплошной стеной вдоль алтарной арки и потом полукругом вдоль подпружной арки до пилонов; в нем кроме царских и пономарских врат помещены сл.святые иконы: по правую сторону царских врат икона Нерукотворного Образа, по левую - икона Казанской Божией Матери, перенесенная из старого Собора; по правую сторону пономарских врат - иконы св.Иннокентия 1-го Иркутского епископа и св.Александра Невского; по левую сторону пономарских врат икона св.Евфимия, архиепископа Новгородского и царицы Александры. На царских вратах повешены обычные иконы: Благовещения и 4-х Евангелистов, а на пономарских вратах - иконы Архидиакона Стефана и Архистратига Михаила. Во втором ярусе пять икон, из них три находятся в одной связи и занимают ширину всей алтарной арки; а две поставлены отдельно на полукружиях нижнего яруса. Во втором ярусе помещаются следующие иконы: над царскими вратами икона больших размеров Тайной Вечери, а по правую и левую стороны ея - иконы 4-х составителей древних Литургий досель употребляемых в православной церкви: св.Иакова, брата Господня, св.Василия Великого, Иоанна Златоуста и Григория Двоеслова. Верхний ярус состоит из одной иконы Вознесения Христова. Таким образом алтарная арка не вся сплошь занята иконостасом, а имеет вверху большой просвет. Это для того, чтобы впоследствии, когда стены главного алтаря, если Господь благословит, будут покрыты живописными изображениями, они не были скрыты от глаз зрителей. Царские врата помещены в глубине

ниши, образуемой тремя резными полукруглыми расходящимися арками, опирающимися на три резные колонны; высота царских врат - 4,25 ар.шир. 3.12 ар.в. В таком виде, царские врата в новом Соборе, по словам паломников ко святым местам - имеют значительное сходство с царскими вратами в главном Иерусалимском храме над гробом Господним. Все иконы в алтарь помещены между резными сплошь золочеными колоннами; кроме того икона Вознесения Христова в верхнем ярусе и 4 иконы составителей древних Литургий в среднем ярусе увенчаны куполообразными главами с крестами наверху. К особенностям в устройстве главного иконостаса должно отнести, во-первых, то, что вся резьба на колоннах, на куполообразных главах, венчающих иконостас, на арках сделана не ажурная, а сплошная по самому дереву; ажурной резьбы немного; это для большей прочности резьбы; во вторых, то, что бордюром для св.иконы в иконостасе служат гладкие полированные пластины из лигнита, наклеенные на дерево, только по местам прерываемые ажурной золоченной резьбой. Тумба в иконостасе высотой 1,5 ар., на ней промежутки между колоннами так же покрыты полированными пластинами из лигнита, среди которых вставлены позолоченные фигуры в виде полированных четырехугольных камней.

Об иконостасах в боковых приделах

По получении в 1893 г. пожертвования Ю.И.Б. Комитетом немедленно заказаны были тому же мастеру Попову иконостасы в боковые приделы. Рисунок для этих иконостасов по стилю вполне соответствовал стилю главного иконостаса, только меньших размеров, составлен самим мастером Поповым и одобрен его высокопреосвященством. Он же, мастер, Попов, принял на себя устройство этих иконостасов за 7 тыс.рублей, с тем, чтобы окончить их и установить на место к 1 сент.1894 г. Но кончил их ранее срока: к 1 июля 1894 г. оба иконостаса были кончены и установлены на место. Оба иконостаса также о трех ярусах, как и главный иконостас. В нижнем ярусе, занимающем всю ширину алтарной арки, кроме царских и пономарских врат, помещены две местных иконы: Спасителя и Божией матери; в среднем ярусе по три

иконы; в верхнем по одной; куполообразных глав- по одной в каждом иконостасе, над иконой верхнего яруса.

Об иконостасах на хоры

Вместе с устройством иконостасов в боковые приделы явилась возможность устроить недорогие иконостасы для 2-х приделов на хоры. Дело было так: по установке иконостаса в главный придел в 1893 г., высокопреосвященным усмотрено, что боковые приделы, оставаясь ничем не огражденными, производят неприятное впечатление, и потому предложил Комитету оградить их приличными ширмами, пока не будут готовы и установлены заказанные Попову иконостасы. Но комитет нашел, что ограждать боковые приделы на время приличными ширмами будет стоить не дешево, между тем ширмы по миновании в них надобности, придется бросить или продать за бесценок, а потому испросил разрешения его высокопреосвященства устроить вместо обыкновенных ширм недорогие иконостасы по одному из рисунков, приложенных к атласу планов и чертежей городских и сельских церквей, изд.Министерства Внутенних Дел и поставить их временно в боковые приделы с тем, чтобы в будущем 1894 году, когда будут готовы иконостасы для боковых приделов, заказанные мастеру Попову, временные иконостасы перенести на хоры. Его высокопреосвящество одобрил проект Комитета, и Комитет поручил устройство этих иконостасов мастеру Бахматову (?) за 400 руб. К 1 января 1894 г. иконостасы были готовы и в начале января 1894 г. временно были установлены на боковых приделах, а в настоящее время, перенесены и установлены на хоры, при этом прибавлено было к ним по одному киоту для прикрытия боковых сторон алтарей, перемещенных внутрь Собора, оставшихся открытыми при установке иконостасов.

(Продолжение следует)

Александр Селянинов

ТАЙНАЯ СИЛА МАСОНСТВА(*)

"Правительства нашего века принуждены считаться не только с монархами и правительствами других стран, но также и с тайными обществами, которые в последний момент могут разрушить все наши планы; они имеют повсюду своих агентов, притом агентов деятельных, неразборчивых в средствах, способных на убийство и в крайнем случае могущих вызвать целую резню".

(Из речи Биконсфильда, произнесенной им в Эйлес-Берри 20 сентября 1876 года).

(*) Текст печатается по изданию: С.-Петербург. Отечественная типография. Шпалерная, 26. 1911 г.

ЧТО ТАКОЕ МАСОНСТВО?

1.

Несмотря на пробудившийся, за последнее время в особенности, несомненный интерес к масонству, по этому предмету у нас в России имеется очень мало сведений. Отъявленные, так сказать, поклонники масонских идей, вроде Лонгинова или Т.Соколовской, изображают деятельность масонства, как высокий порыв к свету, добродетели, истине [1]. Тем не менее, в 1822 году император Алекснадр 1 повелел закрыть в России все масонские ложи и с тех пор у нас о них не было слышно до самых наших дней, когда масоны вновь заставили заговорить о себе.

В данном случае нельзя забывать, что наряду с восхвалениями масонства, делаемыми с явной целью его пропаганды, существует с давнего времени ряд печатных разоблачений, говорящих совсем не в пользу этого таинственного учреждения. Так, еще в конце XYIII века католический обббат Беррюель издал книгу [2], в которой прямо обвиняет масонство в организации террора в 1793 году. Сорок лет спустя протестант Эккерт печатно обвинил масонство в несомненной причастности к ревлюоции 1830 года. Затем еще тридцать лет спустя Дешан и Клодио Жаннэ [3] с документами в руках доказали, чо террор 1993 года, революции 1830 и 1848 гг., наконец, революция 14 сентября и коммуна - все это есть дело рук масонства.

О степени значения масонства во Франции можно судить по данным хотя бы брошюры "Франк-масоны и вопросы религии". В ней приведены между прочим следующие весьма поучительные цифры: "на общее число избирателей во Франции, т.е. по одному депутату на 9.5 млн. человек, приходится 576 депутатов, т.е. по одному депутату на каждые 16500 избирателей. Масонов во Франции около 24 тысяч, следовательно на их долю должно было бы приходиться самое большее полтора депутата. Вместо этого в Палате Депутатов 150 депутатов-масонов..." "В Сенате, - говорится далее, - масонов еще больше, чем в Палате, а Совет Министров всецело в их руках..."

Цифры эти отностяся к 1892 году, ныне же, по словам Копена-Альбанселли, половина всех сенаторов и депутатов масоны; Франция всецело в их руках.

Спрашивается, каким же образом удалось масонству добиться там такого могущетсва?

Ответ на это не труден, если принять во внимание, что одним из главных средств к тому являются для масонов общественные выборы. Они при выборах тщательно скрывают от избирателей свою принадлежность к масонству, а между тем пользуются для влияния на этих избирателей общей масонской сплоченностью и поддержкою несомненно громад-

---

(1) См.Лонгинов. Новиков и московские маринисты. Москва, 1867 и Т.Соколовская. Русское масонство.

(2) Мемуары по истории якобизма. 1787.

(3) "Секретное общество и общество".

ной силы, которою располгают масоны, или вернее, которая сама располагает ими. Что наличность этой силы несомненна, видно по результатам, которых уже добились для себя массоны. Но в чем эта сила заключается, каковы ее элементы и где ее первоисточник?

Наиболее напряженно развита деятельность масонства в так называемых масонских ложах, т.е. в тех мастерских (1), куда допускаются все масоны всех разрядов.

"В ложах, - говорит Копен-Альбанселли, - вы только слушаете проповеди и проповедуете сами. Больше ничего там нет. Проповедь ведется на две темы: 1) масонство есть великое, святое и священное учреждение, и 2) это почтенное учреждение имеет заклятого врага - Христианство. Дошли масоны, надо отдать им справедливость, до этого не сразу. Сначала они нападали только на "Клерикализм", отличая его от Католицизма и изъявляя свое уважение ко всякой вообще вере. Затем постепенно перешли к нападкам на Католицизм и, на Христианство вообще. Борьба ведется ими во имя прогресса, истины, братства".

"Со вступающего в ложу берется клятва в соблюдении строжайшей тайны. Однако вместе с тем масоны утверждают, что масонство отнюдь не есть тайное общество. Брат Лимузен (2) говорит: "нельзя назвать тайным такое общество, о котором все знают, - знают, где оно собирается, знают многих из его членов, среди которых встречаюся министры, сенаторы, депутаты, судьи, полицейские чины, наконец, имена, известные литературе, искусству и науке. В эпоху Второй Империи великий мастер Великого Востока назначался самим императором и пост сей последовательно занимали принц Мюрат, маршал Маньян и генерал де Мелинэ. В Швеции и в Дании Великим Мастером состоит сам король. Король Эдуард YII носил титул верховного покровителя великих лож Англии, Ирландии, Шотландии: в бытность свою наследником престола он был великим мастером этих лож, ныне же этот пост занимает герцог Коннаутский, брат короля. Среди членов лож мы видим много высокопоставленных лиц. Наконец, президенты Соединенных Штатов и Мексики - Рузвельт и Диац - оба масоны". Отсюда Лемузен заключает, что "масонство никак не может назватья обществом тайным".(3)

Он еще мог бы добавить, что в XYIII веке к масонству принадлежала вся французская аристократия во главе с герцогом Орлеанским.

Зачем, однако, нужно масонству завлекать в свою среду высокопоставленных лиц, видно из следующего: 18 января 1822 года масон-еврей, известный под кличкой Пикколо-Тигро, писал в Турин, где им была основана тайная ложа карбонариев:"Верховной Венте (ложе) угодно, чтобы вы, под тем или иным предлогом, вводили бы в масонские ложи возможно больше принцев и богатых людей. Всякий принц, не имеющий законной надежды получить престол с помощью Божией, стремится

(1) Массоны называют "мастерскою" всякое помещение, где они собираются.

(2) Издатель масонского журнала "Акация".

(3) Речь эта была произнесена в Статистическом Обществе (в Париже), а затем напечатана в журнале этого общества, в июльском № за 1907 г.

получить его с помощью революции. Некоторые из них даже лишены престола или сосланы. Льстите этим искателям популярности, готовьте их для масонства. Верховная Вента впоследствии увидит, что можно сделать с ними во имя прогресса. Всякий принц без царства - хорошая для нас находка. Ложа поведет его к карбонаризму. Пускай они служат приманкою для глупцов, интриганов, пошлых обывателей и всякого рода дельцов. Они будут совершать наше дело, думая, что совершают свое".

Из этого письма можно убедиться, что присутствие высокопоставленных и известных лиц в ложах еще не доказывает того, что масонство не есть тайное общество, ибо истинная цель его все-таки остается для нас неизвестной. Копен-Альбанселли полагает, что "тайным"-то и следует считать именно такое общество, которое скрывает свою истинную сущность, цель. Все т.н. тайные общества делит он на два типа: одни из них стараются скрыть свое существование, другие же скрывают только свою цель, более или менее искусно маскируя ее.

Масонство открыто существует не менее двухсот лет и, хотя "масонства" в различных странах отличаются друг от друга, однако все они имеют нижеследующие общие черты, доказывающие, что они таинственно между собою связаны: а) сохранение тайны цели существования масонства; 2) одни и те же обряды и предметы; в) те же степени, благодаря которым образуются различные категории масонов, имеющие тайны не только от "непосвященного мира", но и друг от друга.

Рядовые масоны, насколько можно судить об их деятельности, по историческим данным и по современным наблюдениям - самые обыкновенные, заурядные люди и потому сами по себе не в силах дать масонству того могущества, которого достигло оно. Напротив, сами они, эти рядовые масоны, как бы получают те или иные выгоды от поступления в братство.

Руководители их также не стоят выше общего уровня рядовых масонов, ибо избираются ими самими общей подачею голосов из их же среды.

Что касается самой всемирной масонской организации, то доныне известно, что масонство разделено на большие группы, которые носят различные названия: федерации, великие ложи, верховные советы и т.п. и соответствуют географическому расположению национальностей (1). Это деление административное. Кроме того, федерации и Великие Ложи придерживаются той или иной системы. Систему составляет совокупность легенд, символов, обрядов, ритуалов; существуют системы французская, шотландская, мисраимская и др. Различные федерации и Великие Ложи с виду кажутся между собою ничем не связанными: они подразделяются на "мастерские".

---

(1) В "Петербургских Ведомостях" была приведена статистика современного масонства, заимствованная из "Ежегодника всемирного масонства" на 1910 год, изданного международным бюро в Невшателе. Всего оказывается, если верить "Ежегоднику", в Европе 10265 лож с 372626 членами. Из них английских лож 3972 (220000 членов), немецких - 5012 (80724 членов) и латинских 1281 ложа (71902 члена). В Америке 15741 ложа, включающих 1321500 членов.

Во Франции теперь действует федерация "Великий Восток". Она насчитывает около 24000 членов, размещенных приблизительно в четырехстах мастерских. Ежегодно в декабре все мастерские избирают уполномоченных на род законодательного собрания, называемого конвентом, по одному депутату от каждой ложи. Конвент собирается раз в год в сентябре и избирает 33 члена в совет ордена, который является исполнительным органом федерации; во главе его находится бюро, а во главе бюро - стоит президент. (В других федерациях этой должности присвоено название "великого мастера"). Итак, конвент представляет собою как бы законодательную палату федерации, ее верховную власть, (власть лишь мнимую, как мы увидим впоследствии). Конвент ведает следующими делами:

1) Рассматривает вопросы, касающиеся общих интересов федерации.

2) Входит (хотя и редко) в сношения с иностранными федерациями.

3) Голосует и устанавливает бюджет федерации.

4) Решает, какие изменения следует произвести в статусах.

5) Под предлогом сохранения общих интересов федерации занимается политическими и религиозными вопросами с фанатическим усердием.

6) Избирает членом совета ордена.

Совет ордена, как мы указали, состоит из 33 членов; ежегодно одна треть этого числа выбывает, следовательно, каждый член избирается на три года. Во главе совета находится президент, избираемый из их числа. До 1872 года он назывался великим мастером; в федерациях других стран это название сохранилось до сих пор. Отсюда следует, что великий мастер есть только президент федеративной масонской администрации и совсем не имеет того особого значения, как кажется с первого взгляда. Все мастерские одной федерации связаны между собой общим федеральным бюджетом, общим судом, общей отчетностью и общими установлениями, налагающих денежные и иные обязательства на все мастерские и на каждого члена.

Масоны собираются по своим мастерским в количестве около 50 человек.

Этому, по-видимому, придается большое значение, ибо в больших городах, где находится много масонов, предпочитают открывать несколько мелких мастерских вместо одной большой. Мы видим из статусов, что семь масонов, имеющих степень мастера, имеют право открыть собственную мастерскую. Еще бросается в глаза то обстоятельство, что между столь крупной единицей, как федерация и столь мелкой, как мастерская, нет никакой переходной степени.

Каждый масон имеет право посещать чужую мастерскую в качестве "гостя", где он может рассуждать и спорить, но правом голоса не пользуется.

Каждая мастерская имеет свою собственную администрацию, которая действует в установленных статусами федерации пределах. Каждая мастерская имеет свой бюджет, суд и устав, налагающий денежные и иные обязательства на всех членов. Конвент и совет заменяются в мастерской президентом и двумя надзирателями; они выбираются из общего числа членов прямым всеобщим голосованием. В России президент мастерской

носил титул "мастера стула"; во Франции теперь он называется "почитаемый".

Итак, административная власть масонства покоится на выборном начале, т.е. эта власть исходит снизу.

Должностных лиц в мастерской много: "мастер стула", первый и второй надзиратель (вице-президенты), оратор, секретарь, казначей, церемониймейстер, великий эксперт, начальник банкета, архивариус, знаменщик и др. Пять старших должностных лиц называются "пятью светочами мастерской". Вместе с казначеем и госпиталером они образуют административный совет мастерской. Вне последней звание "светоча" не дает никаких особых преимуществ и прав.

"Мастер стула" не занимает, таким образом, столь высокого поста, как кажется со стороны: только в своей мастерской он является "первым светочем" и то лишь на один год, если братьям не вздумается вновь зажечь его лампаду, выбрав его опять на следующий год.

Существуют также различные разряды мастерских. Те мастерские, в которых масонская жизнь наиболее напряжена и которые открыты для всех масонов без исключений, называются ложами. В ложах бывает два рода присутствий: комитетские и торжественное. На первых обязана присутствовать только администрация ложи (разбирают текущие дела и подготовляют порядок дня для торжественного присутствия, на которое уже собираются все масоны данной ложи).

Из всего этого опять-таки несомненно видно, что организация масонства не представляет собою каких-либо особых преимуществ. В сущности она настолько же примитивна, как и устройство тех обществ, которые затевают школьники в младших классах.

Ни в подборе членов братства, ни в качествах руководителей, ни в самой организации нет решительно тех элементов, которые могли бы послужить основанием для могущества масонства. Между тем фактически могущество это несомненно есть и масонство представляет силу, с которой более чем необходимо считаться. Волей-неволей приходится заключить, что сила эта "тайная", даже для большинства самих масонов и что она лежит вне их т.н. "братства".

На это конечно, могут возразить: позвольте, раз в основание административного управления масонства поставлено избирательное начало, т.е. власть исходит снизу, а не свыше, толпа сама выбирает своих руководителей, то, казалось бы, всякое предположение о тайной силе само собою отпадает. Большинство исследователей так и решило и на этом успокоилось.

Но назидательная история говорит: не служит ли весь этот административный организм масонства не только для администрации, но в то же время и для прикрытия другого несравненно более важного организма? Ведь с тех пор как масонство дало себя почувствовать во Франции, оно установило в ней именно подобную политическую организацию, которая будто бы передает верховную власть в руки народа, а в действительности дает возможность властвовать небольшой сравнительно горстки масонов.

На примере Франции мы видим, что, "пока убаюкивают народ песнями о "верховном народовластии", нация понемногу лишается своих природных начал, присущего ей способа мышления, исконного

своего быта, словом, обезличивается и сводится, что называется, "на нет". Она бессознательно подчиняется совершенно чуждым ей мыслям, склоняется к враждебным себе самой поступкам и доходит до того, что старается черпать элементы жизни в смертельных для себя началах, пристращиваясь к ним.

Когда нация дойдет до этого состояния, то ее освобождают от повиновения своим природным вождям и от уважения к своим преданиям и традициям, дабы ничто уж не могло воспрепятствовать ей добровольно покончить с собою. Это "освобождение" нации неминуемо ведет за собою ее порабощение. На место уничтоженного правительства немедленно становится новое в силу закона естества, по которому всякий народ либо должен быть управляем, либо рассыпаться и погибнуть. С той минуты, когда французский народ вообразил себя свободным, он тотчас же начал мыслить, голосовать и действовать не так, как стал бы, повинуясь своей природе, а так, как требуют того, скажем, интересы масонские. Ведь французская нация в продолжении уже полутора веков, сама того не подозревая, загипнотизирована масонством (1).

Но раз эта галлюцинация французов дала возможность утвердиться невидимому господству масонов, то отчего же не допустить, что подобная же галлюцинация самих масонов не позволит в свою очередь утвердиться над ними другому невидимому господству?

III.

Во Франции установилось масонское господство благодаря следующим обстоятельствам: 1) существованию тайного предварительного соглашения между руководителями; 2) благодаря тому, что масонское сообщество было принято государством, и, наконец, 3) благодаря тому, что оно имело возможность свободно и открыто организовать свою пропаганду, истинная цель которой оставалась скрытой. Вся политическая, религиозная, нравственная и общественная галлюцинация, повлекшая за собою масонское господство, случилась благодаря установлению масонского органа проникновения, свободы действия этого органа и сокрытию цели.

Но как же в тайном масонском обществе найти еще более тайное общество, которое по отношению к масонству исполняло бы ту же роль, что масонство исполняет по отношению к "непосвященному миру" и которое также господствовало бы над масонством, как масонство господствует теперь над Францией?

Дело в том, что кроме административных должностей в масонстве существуют еще масоны различных степеней. Первая степень носит название "ученика", вторая - "товарища", третья - "мастера". Эти три степени образуют так называемое "Синее" или "Иоанновское" масонство. Кроме этих степеней в федерации "Великий Восток" имеется еще тридцать степеней, однако в обиходе оставлено всего пять: восемнадцатая, тридцатая, тридцать первая, тридцать вторая и тридцать третья.

---

(1) Тоже самое можно сказать и о современной России (прим.ред.)

От остальных сохранены только названия и номера.

В последовательности этих степеней существует целый ряд тайных сообществ, причем одни не известны другим и действуют на последних таким же образом, как вся масса масонства действует на "непосвященный мир". Представим себе пирамиду, основание которой состояло бы из тайных обществ учеников; они поддерживают тайные общества товарищей; те, в свою очередь, поддерживают тайные группы мастеров и т.д. все выше до самой вершины пирамиды; вершина же состояла бы из одной какой-нибудь группы; представим себе эту группу, стоящую на вершине власти и невидимо передающую свое вдохновение и влияние на группы, стоящие непосредственно ниже ее; те, в свою очередь, поступают так же по отношению к группам, находящимся непосредственно под ними, и так далее, до самого основания пирамиды; словом, влияние высших групп на низшие передается таким же образом, как передается общее масонское внушение в "непосвященный мир".

Когда новичок входит в ложу, ему надевают масонский передник. Однако он видит, что не все одинаково носят этот передник; ему объясняют, что те, у кого верхняя часть передника опущена, принадлежит к масонам второй степени. Затем он видит, что некоторые носят через плечо синюю ленту, не считая должностных лиц ложи, которые носят синие муаровые ленты в виде воротника; ему говорят, что это масоны третьей степени - мастера. Его уверяют, что это есть лишь символизм, что все эти степени он получит - это лишь вопрос времени и что этому подчиняются только из уважения к древним традициям ордена.

Масоны высших степеней одеваются в ложах одинаково с мастерами (имеют синюю муаровую ленту через плечо), и наравне с прочими мастерами безусловно повинуются во всем "мастеру стула" и прочим должностным лицам, даже если последние гораздо ниже их по степени.

Масоны первых трех степеней считают, что они составляют истинное масонство и смеются между собою над масонами высших степеней, считая их за людей не устоявших против соблазна иметь лишние украшения, а сами высшие степени считают пережитками старины, не имеющими никакого значения, созданными лишь для того, чтобы льстить гордыне некоторых членов, и служащими архивом для пришедших в негодность масонов первых трех степеней. Их в этом не только не разубеждают, но наоборот стараются укреплять в них это мнение.

Ученики и товарищи имеют право входить только в низшие мастерские- в ложи; в прочие мастерские доступ им запрещен. Мастера же и масоны высших степеней, хотя и имеют свои специальные мастерские (например, мастера имеют т.н. "центральную палату"), обязаны постоянно посещать ложи.

Первые две степени не имеют права "работать" без присутствия мастеров. Когда масоны всех степеней занимаются вместе, то это называется "ученической" ложей, т.е. они проделывают только те церемонии, которые присущи степени ученика. Каждой степени соответствует особое "па", особая походка, поступь, с которой масон входит в ложу; чем выше степень, тем эта поступь нелепее. Это еще

больше укрепляет то убеждение, что высшие степени существуют лишь для тех масонов, которые настолько тщеславны, что не отступают ни перед какою глупостью из любви к украшениям.

Открытая иерархическая организация степеней оказалась нежелательной по следующей причине: общий масонский план, (о котором скажем ниже), требовал предварительно свершения одного политического акта, а для этого необходимо было заменить в "непосвященных" обществах иерархическое начало, которого требуют законы природы, началом анархическим, основанным на равенстве. Подобная замена могла быть произведена лишь посредством предварительной коварно постепенной пропаганды, сначала в среде самого масонства, а оттуда уже и в "непосвященном мире". Однако руководящая масонством тайная сила не могла открыть своим "посвященным", что эта пропаганда нужна ей для осуществления ее планов, т.к. и эти планы, и сам руководящий источник должны были оставаться неведомыми. Приходилось идти к осуществлению задуманного плана, прикрываясь каким-нибудь почетным флагом. И таким флагом избрали якобы идеи прогресса, справедливости, братства, равенства. Но тут опять явилось затруднение: как фанатизировать масонов во имя равенства, когда в то же время необходимо внутри масонства заставить их признавать иерархическое начало? Для этого нужно было скрыть эту иерархию от адептов, раз она противоречила той идее равенства, на которой их воспитывали. Так и сделали и масонская иерархия осталась невидимой. Степень ученика (низшая ступень масонской пирамиды) представляет собой тайное общество низшего разряда. Непосвященный, став учеником, не имеет ни положения, ни прав прочих масонов, хотя в этом стараются его убедить и хотя все масоны прочих степеней зовут его "братом". Тайное общество учеников, составляющее одно целое со всей масонской организацией, в то же время управляется ею и в него проникают все общества, выше него находящиеся. Ученики могут находиться лишь в определенной части "храма" [1], но все масоны высших степеней могут ходить туда беспрепятственно. Ученикам и товарищам запрещается даже собираться одним без присутствия мастеров.

Если ученики были бы предоставлены самим себе, без соприкосновения с высшими степенями, то их общество походило бы на те, которые возникли для борьбы с масонством (во Франции) - грандиозные общества с громадным числом членов, но не имеющие действительной силы, ибо они действуют нестройно, вразброд, не имеют перед собою общего определенного плана, члены действуют несогласно и этим взаимно ослабляют свои силы.

По этой причине ученики и товарищи могут заниматься только под ближайшим руководством мастеров; т.е., они уже с самого своего вступления в братство, окружены опытными масонами, которые между собою образуют другие тайные сообщества (тайные потому, что доступ туда ученикам и товарищам запрещен) и разум которых

[1] Так называют они свое помещение.

уже прошел через известную обработку.

Мастера же, в свою очередь, действуют под наблюдением и невидимым вдохновением других "братьев", которые, в свою очередь, также господствуют над ними, как они над учениками.

Т.о., мастеры и масоны высших степеней находятся по отношению к товарищам и ученикам в таком же привилегированном положении, в каком находятся вообще все масоны по отношению к непосвященному миру, (т.е. масоны проникают в непосвященный мир, а непосвященный мир не может проникнуть в масонскую ложу); благодаря этому выгодному положению во Франции явилась галлюцинация, прямым следствием которой было масонское владычество. Непосвященный мир принужден терпеть соприкосновение с масонами (так же как ученики принуждены терпеть соприкосновение с высшими степенями), а в то же время он не может видеть, что они делают в своих ложах.

Итак, масоны высших степеней могут распространять свое невидимое руководство на тайное общество учеников таким же образом, как все масонство может распространять свое влияние на непосвященный мир. Т.о., ученикам свыше передается воля, которой они не видят.

Благодаря такому плану, каждый масон, получая свыше внушение от высших степеней, в то же время исполняет по отношению ко всем степеням ниже его стоящим, ту же роль, что исполняет все масонство вообще по отношению к непосвященному миру.

Дабы эта иерархия не показалась вступающему подозрительною, в виду того, что ради политических целей надо возбуждать в нем дух равенства, иерархию стараются сначала как-нибудь замаскировать. При вступлении президент говорит неофиту: "Брат! Впредь мы только так будем тебя называть, ибо в нашем обществе все равны между собою". И на степени, в силу этого, ученик смотрит как на пережиток старины, никакого значения не имеющий и привыкает считать своими руководителями лишь президента и должностных лиц своей ложи. А т.к. последние не назначаются, а избираются и их можно менять ежегодно, причем ученик сам участвует в выборах наравне с товарищами, мастерами и масонами высших степеней, то он поневоле воображает, что находится в истинно-демократическом сообществе, в котором сохранились, может быть, некоторые нелепые традиции. Все подстроено к тому, чтобы ученики считали себя наравне с масонами прочих степеней.

Однако при повышении в степени масон уже не выбирается всеобщим голосованием, как это делается при избрании на административные должности и в члены конвента, а выбор и посвящение производится только масонами высших степеней, чем посвящаемый, напр., при производстве (1) ученика в товарищи в выборе его участвуют лишь товарищи, мастеры и масоны высших степеней. Т.о., при повышении в степени власть исходит уже не снизу, а сверху; каждая степень сама себя комплектует.

Степень товарища мало чем отличается от ученика; разница толь-

(1) На масонском жаргоне это называется "увеличением оклада".

ко в некоторых подробностях: напр., товарища заставляют произнести клятву, что он подвергает себя проклятию всех масонов в случае, если откроет не только посторонним, но и ученикам, что-нибудь, составляющее отличие его степени, как бы незначительно оно не было. Из этого видно, что вторая степень составляет от учеников как бы отдельное тайное общество, стоящее непосредственно над ними.

Заметим, что степень дается уже не на один год, как административные должности, а навсегда, ибо степень связана с известным посвящением, которое нельзя уже отнять, раз оно дано. Между прочим, их ни во что особенное не посвящают, и поэтому масон всякой степени если и выйдет из масонства, не может его предать, ибо знает не больше того, что может знать унтер-офицер об общем расположении и действиях всей армии.

Затем товарищ посвящается в мастеры, причем опять его избирают и посвящают лишь мастеры и масоны высших степеней.

Теперь можно понять, отчего мастеры товарищи и ученики должны в ложах заниматься совместно: делается это для того, чтобы тайная направляющая воля и идущие свыше вдохновения проникали бы до самого низа масонской пирамиды.

После степени мастера система изменяется, ибо мастеры уже насыщены демократическим духом равенства, который необходим для достижения скрытой цели. В мастерах оскорблять это чувство равенства уже нельзя, т.к. они пользуются влиянием на товарищей и учеников. К мастерам и применяется новый метод: им внушается презрение к высшим степеням.

В громадных обществах, которые возникли для борьбы с масонством, делали ту ошибку, что гонялись за количеством, а не за качеством членов. Масонство, или вернее сила, руководящая им, поступает наоброт, и поэтому большинство французских мастеров редко поднимается выше своей степени. По этой причине создалось из первых трех степеней как бы отдельное низшее масонское общество, называемое "синее" масонство, которому внушается, что только оно одно имеет значение, а высшие степени служат архивом, куда сдаются ненужные люди. В ритуале говорится, что мастеры - уже "совершенные масоны" (другими словами - выше их нет никого), и это находит свое подтверждение в административной их власти в ложах (напр., "мастер стула"), причем все масоны высших степеней беспрекословно повинуются их распоряжениям. Кроме того, в совете ордена выбираются только одни мастеры. Итак, простой мастер может находится во главе федерации, но облеченный лишь административной властью, благодаря чему совершается многое, чего он не видит и не знает.

Также из предосторожности установлено еще следующее: в конвенте представлены одни только ложи, т.е. мастерские "синего" масонства, а прочие мастерские, в которых собираются различные категории высших степеней, не имеют своих официальных представителей в конвенте. Но благодаря правилу, что каждый масон высшей степени, кроме своей мастерской, непременно обязан в то же время быть членом какой-нибудь ложи (на правах мастера), он, т.о., может являться представителем этой ложи в конвенте и, следовательно, мастерские высших

степеней также невидимо там представлены.

Таким же точно образом присвоило себе масонство большинство законодательных мест во Франции, причем французы ничего не заметили, ибо масонство заставило их выбрать масонов в депутаты и сенаторы, не говоря им, что они уже связаны по рукам и ногам.

IY.

Как же передается влияние и внушение руководящей силы в "синее" масонство? Очень просто: каждый масон высшей степени должен непременно участвовать и в мастерской, стоящей степенью ниже его. Напр., мастер, ставший розенкрейцером, входит в капитул (1), но в то же время он остается и членом своей ложи с прежними правами мастера, но только слывет уже среди них за любителя мишуры. Хотя прочие мастеры и считают его равным себе, однако он все-таки преобладает над ними, ибо имеет то преимущество, что действует всегда заодно с другими масонами высших степеней, входящими в эту же ложу.

Та же система передачи воли практикуется масонством по отношению к непосвященному миру. Масоны свободно в нем вращаются, распространяя полученные ими в ложах внушения и успевают в своих действиях, ибо действуют заодно и чрезвычайно сплоченно.

Копен-Альбанселли, из разоблачений которого мы заимствуем по преимуществу все приведенные выше фактические данные, сам был посвящен в степень розенкрейцеров и был членом капитула.

"При моем посвящении, - пишет он, - меня особенно поразило услышанное тут повествование о смерти Христа, сопровождаемое различными толкованиями букв "I, N, R, I", среди которых встречалось и христианское их толкование. Затем розенкрейцеры воспроизводят сцену Тайной Вечери. Все это происходит серьезно, без издевательств, так, что можно подумать, что после своих яростных кощунств в ложах масоны вновь вернулись к какой-то смутной "религиозности". Церемония эта происходит так: председатель, носящий титул "премудрого", берет большой хлеб, отламывает кусок и съедает его; затем он оборачивается к своему соседу, кланяется ему в пояс, целуется и говорит: "Примите, ешьте и дайте есть алчущим". Сосед его съедает кусок и с теми же церемониями передает его дальше; так продолжается, пока хлеб не обойдет весь стол. Затем премудрый берет большую чашу, наполняет ее вином, отпивает глоток и обтирает край чаши салфеткою. Затем снова обращаетася к соседу и после поклона и поцелуя говорит: "Примите, пейте и дайте пить жаждущим". Тот делает то же самое со своим соседом, и чаша идет кругом стола. Когда это окончено, каждый может есть и пить сколько хочет, пользуясь расставленными на столах хлебами, вином и пивом, вокруг которых все до сих пор стояли неподвижно со скрещенными на груди руками в самом глубоком сосредоточении".

Однако эти собрания розенкрейцеров происходят очень редко, раз в три месяца. Можно сказать, что эти несколько часов в году розенкрейцеры проводят в туманных религиозно-философско-созерцательных церемониях.

(1) Розенкрейцер - 18-я масонская степень; капитулом называются мастерские розенкрейцеров.

Им объясняют, что их степень изображает религиозный период человечества, предоставляя им понимать это как угодно.

Повидимому, цель, к которой стремится руководящая масонством сила, настолько огромна, что ей приходится разбить ее на частные цели и давать масонствам каждой эпохи и каждой страны отдельные задачи и назначения.

Первой такой частной целью было, разумеется, добиться того, чтобы масонство было повсюду принято и терпимо. Что же касается дальнейшего, то ввиду состояния умов (совести) христианского мира масонству приходилось двигаться осторожно по пути необходимых ему антирелигиозных внушений, а отсюда явилась необходимость в многочисленных последовательных посвящениях, дабы с каждым разом посвящаемый совершал бы еще заметный шаг по пути своего совращения от христианства. Ныне же, когда масонство считает, что вера христианского мира достаточно поколеблена, столь многочисленные предосторожности являются уже излишними. Тридцать три посвящения только оттолкнули бы эдептов; они и без того уже жалуются на обилие "вздора", которого они не понимают. Посему двадцать пять степеней были уничтожены, но их названия и нумера были сохранены в ритуалах на всякий случай, про запас, как пустые комнаты масонского здания, в которых при надобности можно снова жить.

Кроме того эти степени представляют еще то преимущество, что сбивают с толку непосвященных и затрудняют изучение масонства со стороны, заставляя непосвященных исследователей даром тратить силы и время.

Итак, масонство составлено всего из восьми степеней, но есть, однако, полное основание сомневаться в том, что ими ограничивается действительная масонская иерархия и что великая коллегия систем (1), состоящая из масонов тридцать третьей степени, имеющих титул верховных общественных надзирателей, составляла бы ее вершину. Для этого стоит лишь ознакомиться с составом сей "великой коллегии". Президентом ее состоит б... Блатен, известный тем, что изобрел усовершенствованную ... соску для младенцев. Его коллеги одинаково его достойны. Очевидно, "великая коллегия систем" с ее изобретателем соски во главе служит лишь мнимой вершиной масонства, дабы отвлечь внимание.

Назначение масонства высших степеней меняется в зависимости от эпохи. В эпоху всеобщего глубокого религиозного чувства оно с массою своих степеней служило для приготовления с необходимой медлительностью переходных стадий к постепенному извращению этого религиозного чувства.

В настоящее время назначение масонства высших степеней, не исключая и "великой коллегии", служит: 1) послушным орудием для передачи воли свыше и 2) производит сортировку среди той массы разнообразных элементов, которых приходится принимать в ложи. Необходимость сего отбора видна из письма того же Пикколо-Тигра:

"В виду того, что мы еще не в состоянии сказать свое последнее слово, найдено полезным и уместным распространять повсюду свет и встряхивать все, что стремится к

(1) Так называется тридцать третья степень.

движению. Для достижения сего мы рекомендуем вам стараться присоединять возможно большее число лиц ко всякого рода конгрегациям, но при условии, чтобы в них господствовала полная таинственность. Италия покрыта религиозными братствами и кающимися грешниками всех оттенков: старайтесь подпускать наших в эти стада, управляемые глупым благочестием; пускай они тщательно изучат лиц, входящих в эти братства, и тогда они убедятся, что в жатве нет недостатка. Под самым простым предлогом (но отнюдь не под политическим или религиозным) создавайте, или лучше заставьте других создавать, разные союзы, сообщества, имеющие целью торговлю, промышленность, музыку, искусства. Собирайте свои невежественные стада в определенных местах (можно даже в храмах и часовнях), поставьте во главе их какого-нибудь благочестивого, но доверчивого священника, который был бы на хорошем счету, но котрого было бы легко обмануть; затем маленькими дозами впускайте яд в избранные сердца; делайте это как бы невзначай, и вы скоро сами удивитесь полученным результатам. Главное - это отделить человека от семьи и заставить его потерять семейные привычки. По самому складу своего характера всякий человек предрасположен бежать от домашних забот и искать развлечений и запрещенных удовольствий. Исподволь приучайте его тяготиться своими ежедневными трудами; когда же вы окончательно разлучите его с женою и детьми и докажете ему всю трудность всех семейных обязательств, внушите ему желание изменить образ жизни. Человек рожден непокорным: разжигайте в нем чувство непокорности до пожара, но, однако, следите, чтобы пожар этот не разросся. Это должно служить только подготовкой к великому делу.

Внушив некоторым душам отвращение к семье и религии (одно неизбежно следует за другим), вызывайте в них желание вступить в ближайшую ложу. Принадлежать в тайному обществу до того обыкновенно льстит тщеславию простого обывателя, что я каждый раз прихожу в восторг от человеческой глупости. Я удивляюсь, как это еще не все люди вступили в число избранных работников по постройке соломонова храма. Таинственность всегда имеет бльшое обаяние для людей: быть членом ложи, чувствовать себя вне опеки жены и детей, быть призванным хранить какую-то страшную тайну (которой ему, кстати, никогда не поверяют), - все это доставляет наслаждение и гордость некоторым натурам. Правда, ложи по своей деятельности мало приносят пользы - там больше веселятся и пьют, - но зато они служат как бы складочным пунктом, горнилом, через которое необходимо пройти, чтобы попасть к нам. В ложах мы овладеваем разумом, волей, душой человека, мы просматриваем, изучаем его, узнаем его наклонности, вкусы, привычки, а когда видим, что он для нас созрел, направляем его к тайному обществу, по отношению к которому масонство является лишь плохо освещенной передней".

Y

По достижении первой частной цели - приведения христианских душ к антихристианству - руководителям масонства предстояло осуществить дальнейшую часть общего плана. Для этого-то им и надо было изменить самую организацию масонства и приспособить ее к но-

вой цели. Пришлось усилить международную, так сказать, интернациональную часть деятельности масонства, уменьшая в то же время количество степеней в масонствах некоторых стран. Но т.к. национальное чувство не везде еще окончательно убито, то эта интернациональная деятельность масонства должна пока происходить, разумеется, под спудом, хотя это и не везде удается. Так, тайна иллюминатства была раскрыта Баварским двором: тайные документы итальянской верховной венты попали в руки Ватикана. Пришлось удвоить предосторожности, дабы непосвященный мир и те масоны, которые остаются еще патриотами, не заподозрили существования высших руководящих масонских сфер и их антипатриотического интернационального стремления. Из приведенного письма Пикколо-Тигра мы видим, что масонство высших степеней является лишь орудием для передачи воли руководящего источника, местом сортировки членов и, наконец, ширмами, за которыми открыт иной тайный мир.

Если масоны разных стран не были бы между собой связаны посредством интернационального управления, то разве могли бы они выработать для себя совершенно одинаковую, вполне тождественную повсеместно организацию? Очевидно, нет, ибо у различных народов вследствие разницы в темпераментах, привычках, правах, вырабатывается и различный взгляд на вещи и на способы действия. Нельзя допустить, чтобы в каждой стране, демократической или монархической, протестантской или католической нашлись бы целые группы людей, действующих одними и теми же, притом не совсем обыкновенными, способами. Отсюда мы должны заключить о существовании единства управления масонства, приводящего их организацию в действие. Если бы одна общая объединяющая сила не передавала непрестанно свои распоряжения к исполнению, то несомненно в некоторых местах характер масонской деятельности изменился бы; однако мы видим повсюду несомненно-планомерное однообразие действий масонства и должны признать поэтому наличность одной для них направляющей силы.

В масонстве существуют группы более тайные, чем масонство высших степеней; они международны, интернациональны и составляют главенствующее масонство, невидимое, которое по отношению к масонству "синему" и масонству высших степеней играет ту же роль, что последние по отношению к непосвященному миру.

Осуществить на деле организацию подобного главенствующего масонства вполне возможно; набор членов производится по общей системе набора членов в низших группах. Члены сего невидимого масонства вращаются в мастерских высших степеней и в тех ложах, в которых они участвуют. Они наблюдают за масонами, которые по их мнению обладают нужными данными; они переводят их из лож в капитул: там они продолжают изучать и наставлять их. Если у них появятся какие-нибудь сомнения, они либо могу оставить их там, либо, продолжая вести за ними наблюдение, даже переводить их в мастерские тридцатой, тридцать первой и выше степеней; этим они выигрывают время и обеспечивают себе способы избирать наверняка. Они окончательно оставляют в стороне, кого желают и привлекают в невидимое, главенствующее

масонство только тех, кто удовлетворяет всем требуемым условиям.

Это невидимое, главенствующее масонство стоит над мастерскими шотландского масонства и над высшими степенями Великого Востока, объединяя их всех в одну мировую международную масонскую организацию. По свидетельству Марджиотта (1) 29 сентября 1890 года организация этого высшего, невидимого масонства была следующая: во главе всех масонов стоял "верховный патриарх международного масонства" - Альберт Пайк (масонское имя - Лиммуд Энзоф). "Святейший престол" его - г.Чарльстоун. При "патриархе" состоит "святейший великий совет" из десяти членов. В подчинении "патриарху" находились:

1. "Высшее исполнительное управление"; во главе его "верховный шеф политических действий" - Адриан Лемми, - масонское имя "Оккабис", секретный N 461. При нем три помощника; могущественный престол" - г.Рим.

2. "Высшее административное управление". Во главе его - "верховный уполномоченный по делам финансов" Блейхредер, масонское имя - "Сломах"; "совершенный королевский престол" - г.Берлин.

3. "Верховный делегат по делам пропаганды" Финдель, - масонское имя - Аксель. Г.Лейпциг.

Вся поверхность земного шара разделена на семьдесят семь "треугольных" провинций, подчиненных следующим центральным органам:

I. Главное центральное управление в г.Вашингтоне; ему подчинены провинции №№ 1 - 26, обнимающие Соединенные Штаты, Канаду, Центральную Америку и Вест-Индию.

II. Главное центральное управление в г.Монтевидео; ему подчинены десять провинций NN 27 - 36, обнимающие собою Южную Америку.

III. Главное центральное управление в г.Неаполе; ему подчинены: 37-я и 38-я лондонские провинции, 39 - бирмингамская, 40 - ливерпульская, 41 2 манчестерская, 42 - эдинбургская, 43 - глазговская, 44 - дублинская, 45 - гамбургская, 46 - берлинская, 47 - мюнхенская, 48 - дрезденская, 49 - лейпцигская, 50 - франкфуртская, 51 - страсбургская, 52 - парижская, 53 - лионская, 54 - цюрихская, 55 - брюссельская, 56 - миланская, 57 - неаполитанская, 58 - мадридская, 59 - барселонская, 60 - португальская (г.Опортэ), 61 - будапештская, 62 - екатеринославская и 63 - константинопольская. Все эти провинции разделены вполне определенными границами, причем в состав 46-й берлинской провинции входит весь наш Западный Край с польским поселением, кроме Подольской губернии, а в состав 62-й входит кроме юга России и Кавказа еще Румыния.

IY. Главное центральное управление в Калькутте; ему подчинены 14 провинций, обнимающих Азию, Океанию и Африку, причем для облегчения работы главного директора ему приданы два помощника, из которых один находится для Австралии в г.Сиднее, а другой - для Африки на о.Св.Маврикия.

Итак, мы должны различать три стадии современного масонства: невидимое главенствующее международное; масонство высших степеней, и, наконец, "синее масонство", явно для всех видимое, су-

---

(1) Марджиот. Сатанизм в роли сегодняшнего масонства.

ществование которого давно уже всем известно: скрыта только цель и истинная организация его даже от самих членов его по той причине, что в это масонство проникает масса посторонних лиц, которые по разным поводам часто оттуда и выходят. Поэтому необходимо, чтобы само "синее" масонство не подозревало бы, что оно такое в действительности, какова его истинная цель и чему оно слепо служит."

(Продолжение следует)

Внимание!

В редакции журнала "Сибирь" имеется несколько десятков экземпляров журнала за 1991 год. Эти журналы уже стали библиографической редкостью, так как в них были впервые за последние семьдесят лет опубликованы такие произведения как "Убийство царской семьи" Н.А.Соколова, "Близ есть при дверех" С.А.Нилуса, "Иркутская летопись" П.И.Пежемского и В.А.Кротова и другие произведения в стихах и прозе.

Журналы за 1991 год отправляются по почте комплектами (с первого по шестой номер) в твердом переплете, а также разрозненно по выбору читателей.

Иркутяне могут получить журнал непосредственно в редакции по адресу: Иркутск, ул.Степана Разина, 40, Дом литератора.

Цена комплекта в твердом переплете (в двух книгах по три номера) 250 рублей, отдельные номера по 45 рублей, плюс (для иногородних) почтовые расходы.

664000, г.Иркутск, ул.Степана Разина, 40,
р/с 000700532 в Русско-Азиатском банке г.Иркутска,
МФО 125004.

Редакция оставляет за собой право
не вступать в переписку с читателем.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции:
666400 г.Иркутск, ул.Степана Разина,40
Союз писателей
тел.24-56-76.
34-53-73.

Отпечатано в типографии ВС АГП
664026,Иркутск, ул. Декабрьских событий, 3

Вышел из печати первый выпуск иллюстрированного приложения к журналу "Сибирь" "Иркутская старина".

Иногородним высылается по почте. Предварительная оплата 1000 рублей, включая пересылку.

Наш р/с 000700532 в Русско-Азиатском банке

г.Иркутска МФО 125004.

Журнал "Сибирь".

664000 Иркутск, ул.Степана Разина 40.

Журнал издается при содействии Фонда развития культуры и искусства при комитете по культуре Иркутской областной администрации.

5 руб.

В...

Але...
Тайна...

Ким Балк...
За тем...

Христиано...
о злых духа...

